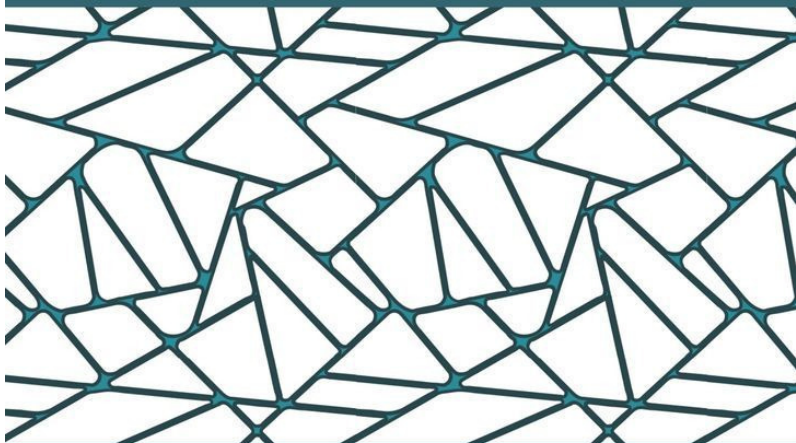

18+

Егор Шевелёв

УЗНИК ОСТРОВА RIKERS ISLAND

Американский дневник

Егор Шевелёв
Узник острова Rikers Island.
Американский дневник

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24861185
ISBN 9785448545016*

Аннотация

Перед нами судьба человека, героя нашего времени. Жизнь сурова и жестока. Тем не менее наше молодое поколение находит в себе мужество и выдержку доказать, что является носителем достоинства и правды, способно определить своё место в истории. Ирония и юмор помогают взглянуть на мир глазами «наших людей» и увидеть судьбы обыкновенных людей в чрезвычайных ситуациях.

Содержание

Греческая борьба	5
Как меня экстрадировали в Америку	11
Первое знакомство с Нью-Йорком	26
«Судный день»	33
Изгнание юродивого	41
Американский дневник	44
Конец ознакомительного фрагмента.	195

Узник острова Rikers Island Американский дневник

Егор Шевелёв

© Егор Шевелёв, 2019

ISBN 978-5-4485-4501-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Греческая борьба

Греция. Дикастики Филаки Курдало. Начало июля 2010 года. Месяц тому назад самый Верховный из всех Верховных судов Греции вопреки всем своим горячо любимым и широко пропагандируемым демократическим принципам в экстренном, внеочередном заседании постановил выдать меня всемогущей Америке. Греция сейчас находится в состоянии кошмарного финансового кризиса с дефицитом бюджета аж 14% за прошлый год. Свеже избранный президент Папандреу, проживший 30 лет в Америке и знающий английский язык лучше греческого, лобзается с Абамой и выпрашивает у Вашингтона очередной кредит. Как же невероятно походи флаги этих двух стран, как будто это флаги материнской страны и колонии. 10 мая прошло ровно два года, проведённых мною в бесконечном метании по тюрьмам, полицейским участкам при судах и самим судам. В последний рабочий день недели, пятницу, не смотря на много недельные забастовки, я получил бумагу из суда острова Родос, которая предрешила мою дальнейшую судьбу.

Если бы эта треклятая бумажка задержалась хотя бы на один день, то в понедельник я бы летел домой. Черным по белому на древнейшем из языков на ней написано: продлить моё содержание под стражей ещё на полгода. Это значит, что теперь в любой момент меня могут «поднять»

и увезти. Спасительных соломинок больше нет.

Конечно, я по инерции, через своего адвоката, подаю заявление об апелляции на это решение. Хотя решение и незаконно по своей сути, а силу имеет. И итог моей борьбы ясен и очевиден. «People of New-York» в неравной борьбе с гражданином не влиятельной страны одержал безоговорочную победу на всех греческих фронтах судебных заседаний. Дюжина проигранных судов. Я боролся до самого конца. Чувствую себя как царь Леонид со своими обречёнными спартанцами. Недавно просмотренный фильм всплывает в памяти и проецируется на моё текущее положение дел. (А ещё чувствую себя Дон Кихотом, безрезультатно борющимся с мельницами). Может, энергетика и многотысячная история здешней земли подталкивает сопротивляться до последнего. А может это какой-то, ставший генетическим, внутренний настрой постсоветского человека бороться и противостоять мировой империи зла в лице Америки. Хотя я и не принадлежу к поколению «холодной войны», но уроки истории ещё не забыты. Битвы проиграны, но моя война за свободу не окончена, она перемещается на другой далёкий фронт по ту сторону океана.

Конкретной даты моего отъезда я не знаю, суд мне её не сообщит. Теперь каждый день настроение скверное. Весна успела смениться летом, стали продавать мороженое по талонам (накупаешь талонов раз в неделю, а потом меняешь их на мороженое каждый день). Накупаю талонов

и жадно поглощаю шоколадное мороженое – столь необходимый мне антидепрессант. Унывать не время, надо готовиться к предстоящим приключениям. Перепакую сумки с вещами: одну большую я возьму с собой, а маленькую с излишками оставлю здесь. Вновь принялся читать оставшиеся не прочитанными книги. Прочитаю и оставлю их здесь в библиотеке, а в Америке буду углублённо заниматься изучением испанского языка. Сейчас моя голова совершенно не усваивает и не запоминает новых иностранных слов.

На дно большой сумки уложил две здоровенные книги – двух томный толковый словарь Вебстера 60-х годов издания из здешней библиотеки. Тут ему не место – всё равно никто его не читает (кроме меня) и никому он не нужен. История появления иностранных книг в русскоязычной хате банальна и проста. Полтора года тому назад один украинский капитан (перевозчик нелегалов на яхте) взял эти книги из библиотеки. Он занимался склеиванием рамок для фотографий, зарабатывая этим кропотливым ремеслом на жизнь. Свежепроклеенные рамки требовалось придавливать сверху чем-то тяжёлым для равномерного приклеивания ламината к картону. Тяжелее этих двух книг в библиотеке ничего не нашлось. Капитан осудился и уехал, а книги остались. Они не только привлекли моё внимание, но стали востребованы и читаемы мною.

По приезде и поселении в Курдало я обнаружил интересный для себя телеканал – CNN. После года новостно-

го информационного вакуума на острове, мне стало жутко интересно, что же вообще происходит в мире. Кроме того, просмотр международных новостей приносит двойную пользу: вот он круглосуточный учитель американского английского языка. Правильное произношение, написание слов..., но не их значение! Англо-русского словаря у меня под рукой в то время не было. Пришлось штудировать толковый словарь Вебстера, где на английском языке объясняется значение слова и приводятся синонимы. Начал я со слова «ousted», как сейчас помню. По контексту фразы и из видеоряда «о президенте» вроде бы ясно, о чём идёт речь. Нашёл это слово в толковом словаре. В итоге значение английского слова понимаю, смысл кристально ясен, а вот выразить это одним русским словом не могу. Запечатлел его в своих мозгах, как «усунэный», так и осталось в памяти. Выученные таким образом новые слова запоминаются раз и навсегда.

Вроде бы сумка и словари порознь кажутся не такими тяжёлыми, но стоит их соединить, вложив книги в сумку... Всё равно утащу их с собой! Тем более взамен оставляю с полсотни русско-язычных книжек, полки пустовать не будут. За пару лет мытаний по Греции я прочитал более 250 книг. Часть книг куплена на острове Кос и передана мне мамой, часть куплена или принесена из дому отдельными представителями украинского консульства (за что передаю им огромное спасибо). Наибольшую часть книг я получил по почте от родителей. Посылка с 6 – 8 книгами неде-

лю добиралась из Киева до моего острова, и за пару недель всё прочитывалось (как не пытался растянуть этот процесс) от корки и до корки.

Особенно много я читал зимой. Здешняя зима кардинально отличается от нашей: каждый день сыро, промозгло. Почти каждый день идёт дождь, от моросящего до ливня. На улице пасмурно и мокро, лужи не просыхают. Ветер особенно противный, полностью отбивает всяческое желание выходить на улицу. Оставалось одно лежать на кровати и читать – и вот лежу, ноги на которые надеты по две пары носков, укутаны одеялом. Спина прислонена к двум подушкам, смягчающим изголовье кровати, чуть левее два раскрытых пакета – один для лушпаек и прочего мусора, другой с семечками. Правая рука держит книгу, левая – занимается прокормкой. Любая, даже самая занудная книга кажется безумно интересной и гениальной. За окном шумит дождь. Хата спит. Я читаю. Прочитанную литературу складываю на полки библиотечного шкафа.

Настаёт время прощания с Косом. Я пакую все не прочитанные книги и заодно забираю почти все прочитанные (оставляю лишь книги в твёрдой обложке – их не пропустят на другую тюрьму). Прочитанным тут не место, русскоязычных обитателей здесь нет, а в Курдало хоть наши капитаны почитают, их там много. До этого штук 20 книг, захваченных мною при моём первом посещении большой тюрьмы на большой земле, разошлись по рукам и разлетелись по дру-

гим тюрьмам, найдя своих читателей. И эту огромную партию книг постигла та же участь. Книги зачитывались в прямом смысле до дыр, а потом заботливо переклеивались и обретали новые обложки. На удивление самыми читаемыми оказались произведения Ремарка, Кафки и Хэмингуэя. Типографская краска с названием книги на их корешках оказалась полностью стёрта. В свой предпоследний день в Курдало я сложил все мои прочитанные книги в два больших целлофановых пакета и отнёс в библиотеку. Там они заняли всю полку и стали доступны для будущих читателей из остальных корпусов этой тюрьмы. Это было в четверг. В пятницу утром меня увезли в Америку.

Как меня экстрадировали в Америку

Пятница, 2 июля 2010 года.

Дикастики Филаки Курдало Греция. Утром меня разбудил ключник, открывающий каждое утро дверь в камеры, и сказал: «Шевелев, б орис на фиги». И всё стало ясно. Значение этой фразы мне уже известно, полгода тому назад после неё экстрадировали человека. Теперь подошла и моя очередь. Я уже с мая фактически находился в чемоданном настроении, лелея тщетную надежду избежать этой участи. Пол-восьмого утра. Только вчера я постелил чистые простыни, собираясь сегодня почитать взятую из библиотеки книгу. Не судьба. Первым делом звоню адвокату, но дозвониться не получается. Потом звоню домой, дозваниваюсь и докладываю обстановку. Плохие новости всегда сложно и тяжело сообщать. В моей хате все проснулись, готовятся проходам. Снимаю сумку с антресолей, тяжеленная! Начинаю паковаться, попутно завариваю крепкий чай. Как бы не брать лишнего и не забыть важного. Выпиваю залпом кофе и опять пытаюсь дозвониться адвокату. Тщетно. Продолжаю паковать вещи. На дне сумки лежат два тома словаря, завёрнутого в футболку. Самоучители, другие словари и некоторые книжки, которые я ещё не успел прочитать. Все прочитан-

ные вчера сдал в библиотеку, так что ошибиться, где какие, невозможно. Ладно, Радио оставляю здесь, скорее всего его не пропустят. Беру тетради с записями по испанскому языку, записную книжку. Письма из дома и газетные заметки изначально упакованы в боковом отделении сумки. Футболки, нижнее бельё, свитерки. Переодеваюсь во всё чистое. Одеваю бельё, новые носки и трусы, коричневые брюки и полосатую тенниску, подаренную адвокатом. Мою и вытираю досуха чашку. Забираю зубную щётку (пасту оставляю), немного туалетной бумаги, одноразовую пластиковую вилку, одно банное и одно маленькое полотенце (остальные оставляю). Мой здешний «семейник» по камере Янидис даёт советы по упаковке багажа. Более полугода провели с ним под одной крышей, варили борщи и не только борщи. В итоге сумка получилась тяжелая, с трудом застёгивается. Я осмотрелся по сторонам, не забыл ли чего. Чистую простынь я взял с собой, прежнюю оставил. Моё имя начали произносить по громкоговорителю. На всякий случай при такой грядущей далёкой поездке сходил на горшок. Вряд ли в самолёте получится сделать это с комфортом, тем более в наручниках.

После этого опять начал звонить адвокату, в итоге удалось дозвониться и сообщить новость. Он тоже никак не ожидал такого поворота событий. На этом всё. Точка. Не получилось. Он сделал всё возможное. Теперь меня ждут другие адвокаты безразличные и бездушные. Адвокат даёт мне рекомендации по поводу моих будущих действий на той враждеб-

ной стороне океана. Слушаю, думаю. Затем благодарю его и прощаюсь.

Возвращаюсь в хату. Присаживаемся на дорожку. Год провёл я в Курдало. Год жизни в этом тюремном корпусе. Сколько людей я проводил за это время; теперь провожают меня. Сегодня я покину это место и больше никогда сюда не вернусь. В глубине души мне осточертело здесь сидеть, давно хотелось путешествия. Впереди новые столь же печальные горизонты. Новые люди, места, еда, приключения. Я готов, кладу несколько оставшихся купонов на мороженое в карман, беру сумку, вешаю солнцезащитные очки на воротник своей тенниски и выхожу.

На мостике прощаюсь с нашими жаворонками, которые не спят в этот ранний час. Спускаюсь с третьего этажа на второй. Навстречу идёт мент, чтобы забрать меня – я и так больше положенного с этими сборами и звонками задержался. Он видит идущую процессию (меня с сумкой и провожающих) и возвращается. Я останавливаюсь на втором этаже и иду прощаться с ещё одним человеком. Полтора года я провёл вместе с ним в двух тюрьмах: на Косе и в Курдало. Он не спит, слышал мою фамилию по громкоговорителю. Прощаемся быстро, без лишних эмоций. Отдаю ему на прощание купоны на мороженное (в моей хате мороженное не любят). Вряд ли мне ещё когда-либо увидимся в будущем. Его страна далеко от Украины, Греции и США. В наших краях её название вызывает непременно улыбку, ведь это – Гон-

дурас. Никогда бы не мог себе представить, что подружусь с настоящим гондурасцем. Спускаюсь вниз, к решётке и двери, на первом этаже. Оглядываюсь. Последние рукопожатия, пожелания. Мент открывает дверь, я выхожу. Поворот налево. Я больше не оглядываюсь. Теперь настало время смотреть вперёд. При этом не снимая солнцезащитных очков. Почему-то очень хочется смотреть на забирающих и встречающих меня американцев Сквозь тёмные поляризованные пластмассовые линзы. Не могу объяснить, почему именно так. На пропускном пункте я не одинок. Кроме меня, сегодня на экстрадицию «подняли» одного албанца. Английского он не знает, кое как объяснились на греческом. Его экстрадируют в Таиланд за наркотики. На моё объяснение об Америке и компьютерах он воодушевлённо отвечает «поли کالا» (очень хорошо). Кроме судей и министров, никто здесь янки не любит. Отдаём пропуска, проходим к отделению выдачи вещей. В моём пакете, принудительно сданном на хранение, осталась лишь одна зимняя куртка. Новые перчатки и шапку, которые я сдавал вместе с курткой, украли менты. Я не удивлён и совсем не опечален. Это кажется здесь таким естественным. С трудом упаковываю куртку в сумку и иду к окошку выдачи денег. Получаю на руки свои 500 евро с мелочью. Хоть деньги не покрали. Давненько я не держал наличности в кармане, не потерять бы. Не так давно получил из дома денежный перевод, планирую прожить на него всё лето и осень до ноября. Не сложилось. Проходим металло-

детектор. Выходим.

На улице нас дожидается автобус. Ложим вещи в багажник, садимся в салон, в клетку для заключённых. Наручники на нас не надевают. Очки то и дело норовят выпасть из воротника. Трогаемся. Около 11 утра. В салоне мы вдвоём. Албанец пытается меня подбодрить, но у него самого вид не очень весёлый. Едем. Хочется поскорее покинуть эту страну. На дорогах пробки. Скоро я увижу самых настоящих американцев, при исполнении. Интересно, они будут белыми или неграми? В форме или гражданской? Молодой греческий мент, сидящий впереди нашей клетки, принялся писать наши бумаги. Факт моей экстрадиции в Америку его потрясает. «Поли лефта, филе?» (много денег, друг) – спрашивает он меня. Молчу. Надо приучать себя молчать и не оправдываться.

Как бы в самолёте при взлёте не начали болеть зубы. Два года без стоматолога на пошли им на пользу. Надеюсь, амеры забацают мне голливудскую улыбку. Или хотя бы поставят пломбы. Вспомнился фильм «Поймай меня, если сможешь» Спилберга. Тот момент, когда Фрэнка Абигнейла экстрадировали из Парижа в Америку. Лично меня Париж не «сдал». В то время, когда меня разыскивал Интерпол (о чём я и не подозревал) я гулял Елисейскими полями, забирался на Эйфелеву башню, созерцая головы беспечных парижан, и успешно вернулся домой «жэ тэри Париж! ***, Греция».

Пробка осталась позади. Дорога очистилась от пробок, стало больше дорожных полос. Наверное, выехали за город. Значит, скоро аэропорт. Спустя 10—15 минут доехали до аэропорта. Припарковались прямо напротив центрального входа. Сначала на нас надели наручники, а затем вывели из машины. Молодой мент позвонил кому-то по мобилке и мы пошли. Иду. В очках и наручниках, застёгнутых спереди. По бокам и сзади конвоиры. Входим в центральный вход. Вокруг люди. Довольные жизнью туристы. Успевшие изрядно загореть и свежеприбывшие белые. Очень много детей. Наша процессия привлекает всеобщее внимание. Мы скорее всего похожи на каких-нибудь сумочных воров багажа, а не экстрадируемых. Проходим мимо кабинки паспортного контроля в служебное помещение. Скольжу взглядом по встречающимся людям, гадая, кто из них американцы. Албанца повели в соседнее помещение, меня оставили здесь. Сажу на краешке мягкого кресла, жду. За мной приглядывает сотрудник аэропорта. Похоже, я первый, кого они экстрадируют в Америку, и тут появляется он. Он самый, который прилетел по мою душу. Толстенный, как и подобает быть американцу. Не чёрный и не белый. Латинос с зачёсанными назад, лоснящимися от лака волосами и белоснежной улыбкой, не предвещающей ничего хорошего.

Тем временем менты из микроавтобуса принесли мою сумку. Сотрудник аэропорта что-то сказал мне на греческом. Я не понял. Этот же вопрос задал мне американец. Я опять

не понял. Неужели он спросил это на английском языке? «What do you mean?» – спрашиваю я его. Тут пришёл ещё один человек. В рубашке. Если в мире существует размер рубашки «бесконечно огромный как Вселенная», то он был одет именно в такую. Борцы сумо по сравнению с ним кажутся некормленными дистрофиками. Он жестом попросил меня встать и прислониться к стенке. Пощупал мои карманы и штанины. Попросил достать из воротника и показать ему нательный крестик. «— Что это?» – спросил он у сотрудника аэропорта. «Его сумка» – ответил сотрудник. «Обычно мы делаем экстрадицию без личных вещей».

Он попросил моего разрешения осмотреть сумку. Думаю, мой ответ «нет» не мог бы повлиять на ход событий. Я ответил «да». Он внимательно осмотрел вещи, выкинув одноразовые вилки, полотенца и носовой платок. «Это тебе не понадобится» – сказал он. Затем его внимание привлекли две книги словаря. «Зачем тебе две книги? Подари одну!». «Это два тома, они мне нужны». Хм, похоже американские менты ничем не отличаются от греческих. Он упаковал вещи обратно, вместе с моими тёмными очками. В моём кармане осталась невыговоренная телефонная карта на 2 евро, которая последовала в мусор следом за носовым платком. Надо было кому-то её оставить в Курдало, и почему я не догадался.

Меня опять усадили в кресло, ждать. Кто-то принёс толстяку мой паспорт. Интересно, если я сейчас сорвусь с места, выхвачу паспорт из его рук и порву, то я останусь здесь, или

всё-таки улечу? Нет, не получится. Далековато он стоит. «Ты знаешь, что у тебя дела в Нью-Йорке и Филориде?». «Куда мы летим?». «Нью-Йорк. Полёт займёт около 9 часов».

Хоть теперь знаю, куда лечу. И почему я так плохо понимаю по-английски? Тут толстяк достаёт их своей сумки «НЕЧТО». Две пары наручников, соединённые толстой длинной блестящей цепью. Ну ни фиги себе! Я же вам не Бен Ладен или опытный боец-убийца. Сотрудник аэропорта аж поморщился при виде этих кандалов. «Вы умеете этим пользоваться». «Уберите эту молакию (греческое ругательное слово – примечание автора) до своего самолёта!» – резко ответил грек. Американец решил слегка сгладить обстановку. Достал из кармана сумки горстку значков с американским флагом и роздал их присутствующим грекам. Все взяли. Молодой мент в бронежилете, конвоировавший меня, тут же приколот его к своей униформе.

Мою сумку унесли. Два толстяка достали свои американские паспорта и куда-то пошли. За мной пришёл мой конвой, меня повели обратно к микроавтобус. Странно, что не в самолёт, или мне придётся дожидаться рейса в машине? Сажу один в клетке микроавтобуса с застёгнутыми спереди греческими наручниками. Тихо. Даже греки куда-то ушли. Самое время сосредоточиться и выстроить план действий. Хорошо, что я сходил в туалет перед дорогой. Когда хочется в туалет, мозги хуже соображают. Сейчас меня ничто не отвлекает.

Итак.

Всё-таки американцы меня достали. Два года тому назад они пришли за мной в Афины, но улетели с пустыми руками. Два года я провёл в борьбе с ними и в итоге проиграл. Я сделал всё возможное. Какой же я уставший и измученный. Как всё это надоело. На сколько меня хватит бороться с ними там? Но надо, надо бороться. Не показывая виду, что мне плохо и что я устал. И юлить не надо, выпрашиваю у них пощаду. Ты сам прекрасно всё понимаешь, не маленький. Ты влип, и очень серьёзно влип. И первый суд не внесёт ни ясности в происходящее, ни отправит тебя домой. Ха, возможно ты обретёшь новый дом в новой стране. После 5 лет тюрьмы они дают гражданство. Сколько мне там светит, до 25 лет? Смотри реальности в лицо, ты полностью в их руках. В кого я превращусь даже за 10 лет неволи? Нет, это буду уже не я. Это будет совершенно другой человек. А кто сейчас я? Насколько последние два года меня изменили? Появились седые волосы, зрение подсело. Зубы оставляют желать лучшего. Лицо приобрело печальный вид, Не скули, Всё равно конкурса красоты тебе не выиграть ни сейчас, ни до этого. Чего же ты ожидал, годы идут, 24 года. Скоро четверть век стукнет. Всегда мечтал после университета начать путешествовать. Ты и путешествуешь. Сейчас Америку увидишь и познаешь изнутри. Что толку любоваться фасадом? Хватило тебе двух лет на познание Греции? Чрезмерно? Теперь хочешь бежать отсюда и никогда не возвращаться? Захочется ли тебе вернуться на Украину? Там тебя ждёт знакомство,

тесное знакомство на своей шкуре со службой внешней разведки, прокуратурой и СБУ. Внутренние органы познакомят тебя с внутренними органами. Обрастай жирком перед депортацией на родину, ха-ха. Их ну очень интересует факт твоего пребывания в Америке и факты похищения Секретной Службой. Спокойной жизни не жди, теперь до конца твоих дней при любых обстоятельствах тебя не оставят в покое. Ни тут, ни там, ни дома. Как это сейчас смешно звучит – домашнее спокойствие. Нет, ну на что рассчитывал? Ведь спокойная, размеренная жизнь дремуче совкового обывателя казалась смертельно скучной и убогой.

Представь себе такую картину. Гипотетическое будущее. Тебе уже тридцатник. Над тесными, старыми кварталами киевских хрущовок, давно отживших своё положенное время, всходит солнце. Ты просыпаешься, разбуженный резким звонком ненавистного будильника. Пора на работу. Умываешься сомнительного качества водой, чистишь зубы, идёшь на кухню. Там тебя дожидается завтрак. Чашка растворимого кофе, приготовленного на отфильтрованной воде, ломоть хлеба с маргарином и неким подобием колбасы. На улице сплошные пробки, пробки, пробки. Через какой мост сегодня поехать на работу? Ждёшь, поглядывая на жену. Или невесту, если к тому времени решимости не хватит. Думаешь о фронте предстоящей работы. И о пробках вечером, когда же я вернусь сегодня домой: надеюсь, к 9 – 10. Прекрасно. Вот ты шуруешь на работу. Пыхтишь в тесном коллек-

тиве, образующем офисный планктон. Выжатый как лимон возвращаешься домой. Вечером, естественно, ничего не охота и ни на что не остаётся времени. Так проходит сегодня, завтра и послезавтра.

Приходят выходные. Время заняться выращиванием органической еды на даче. Роешься в огороде и чувствуешь, что в твоей крови нет ни капли крови крестьянина-земледелльца.

Прошла неделя, вторая, третья. Там и год и другой. Появляется ребёнок. Деньги, отложенные на заграничную путёвку, тратятся на коляску и памперсы. Проходит ещё год. Заграничный паспорт давно просрочен и затерялся. Книжные полки покрылись слоем пыли в палец толщиной: нет времени ни читать книги ни убирать пыль. Да и деньги деваются непонятно куда. Приходится подрабатывать, крутиться как белка в колесе.

Жизнь проходит. Всё спокойно, всё прогнозируемо. Никаких сюрпризов или приключений. Зачем, спрашивается, было получать высшее образование? Читать книги, развивать аналитический склад ума и логическое мышление, изучать иностранные языки, путешествовать и познавать мир. Чтобы жить в вечной суете зарабатывания денег, занимаясь бессмысленной мышинной вознёй? Кошмар, какой невообразимый кошмар!

Нет, не хочу я себе этого представлять! Это же кладбищенское спокойствие. Ни взлётов, ни падений. Прямая линия. Полное отсутствие пульса жизни.

Но пытливый ум нельзя заточить в четырёх стенах, будь то стены хрущёвки или тюремного каземата. Он всё равно будет жить. Так чего же изволите, сударь? И тишина. Нет ответа. Робко зреют философские вопросы: для чего я родился? В чём смысл?

...

По привычке попросил стакан кофе. Цербер, разделяющий меня и обслуживающую стюардессу, сказал нет. И чай тоже нет. Горячие напитки мне во время полёта не положены. Чёрт побери, да ведь он меня опасается! Перед раздачей завтрака он меня спросил: «Left or right?». И освободил мне только одну руку для завтрака. Этот пузатый, накаченный кабан всерьёз опасается меня. Следовательно, он совершенно не знает, кто я такой. Ну и фиг с ним. Я его вижу первый и последний раз в жизни, идти с ним на контакт с целью подружиться я не намерен. После завтрака поднос с мусором я оставил на своём столике. Подошедшей стюардессе, собирающей мусор, я его не подал. Латинос сам забрал мой мусор и отдал стюардессе. Чего же ты хотел, дружок, от однорукого бандита?

После окончания завтрака потушили свет, и салон самолёта превратился в кинозал. У каждого свой маленький телевизор со своим набором фильмов, игр и музыки. Пультom, привязанным на шнурке, вполне можно управлять и одной рукой. Я ожидал, что он опять пристегнёт мою свободную руку. Но он великодушно оставил её на свободе. Мало то-

го, достал наушники и помог мне их подключить к гнезду в правом подлокотнике кресла. Наверное, это входит в его обязанности.

Фильмов в наличии оказалось не так много, как могло бы быть. Первым делом я приступил к просмотру Аватара. Вряд ли кроме меня ещё кто-нибудь смотрел этот фильм первый раз в таком незавидном положении воздушного арестанта в цепях.

Мегатолстяк смотрит фильмы на своём ноутбуке. Наверное, он так много летает, что успел пересмотреть все доступные фильмы на борту. Как я понял, он здесь самый главный. Кроме того, он в совершенстве владеет греческим языком, чем меня удивил. Надо же – образованный американец! Или грек-перебежчик. Во время всего полёта я так и не смог уснуть. Сказалось нервное напряжение.

Сажу я себе в кресле, смотрю фильм. Ставлю фильм на паузу. Рано или поздно ЭТО должно было случиться. Мне захотелось в туалет. «I need go to toilet». «First or second?» – спрашивает он меня. Я даже растерялся от такой постановки вопроса. Он вообще понял, о чём я спросил? В эти мгновения я прошёл мой первый урок по изучению американского сленга. «Первое» – это сходить в туалет по-маленькому. «Второе» – по-большому. Спрашивая меня, он весь напрягся. Ответ про первое его порадовал. «I need a pee...» – и он облегчённо вздохнул.

Толстяк сделал знак своему напарнику мегатолстяку. На-

парник сначала полез обшаривать туалетную кабину, а затем её окрестности. Затем перекрыл свои грузным телом проход, изолируя тем самым меня от пассажиров. Им меня не видно. Трудно идти узким проходом со связанными цепью ногами. Ещё труднее сделать запланированное дело с цепями между руками и ногами, цепью на поясе и лишь одной свободной рукой. Под пристальным взглядом моих сторожей, держащих дверь кабинки открытой. Даже Гудини никогда «такого» не делал.

Я вернулся на своё место у окна. Никто даже и не думал снимать с меня кандалы. Меня эти погремушки в некоторой степени забавляют. Какой дешёвый приём психологического давления, направленный на унижение достоинства! Продолжаю играть мультимедийным центром. Послушал музыку, попытался поиграть во встроенные игры, что-то нет настроения играть. Включил фильм «Алису в стране чудес». Второй более менее интересный фильм. Как же я безнадежно отстал от новинок кинематографа. И от ЖИЗНИ. Фильм, фильм, снова фильм. С интересом смотрю даже глупейшие киноленты.

Осталось около часа до прилёта. В животе давно переварился и завтрак, и обед. Стюардессы каждый час развозят напитки. «Надо постоянно пить – в салоне сухой воздух» – звучит заученная фраза от улыбающейся стюардессы, похожей со своими отточенными, автоматическими движениями на робота. Я почему-то постоянно ждал какого-то подвоха

с напитками от латиноса. Следил за каждым передаваемым мне через него стаканом, как бы он туда чего-нибудь не подбросил. Потом подумалось, что если бы он этого захотел, то мог бы заранее сговориться со стюардессой и подготовить пустой стакан. К середине полёта мне было уже всё равно, что и как он мне передаёт.

Смотрю в экран на карту нашего полёта: мы перемахнули Атлантический океан, слева на карте уже виднеется Новый Свет. Полёт проходит нормально, без воздушных ям. Мы не разбились над Европой и не сиганули в океан. С моим редким «везением» на весьма маловероятные, невообразимые события я бы не удивился и такому повороту событий. Снижаемся. Гляжу в иллюминатор на океан: огромные грузовые корабли, маленькие яхты – невидимые, но оставляющие после себя белый шлейф на воде. Земля. Канадская земля, судя по карте. В наушниках играет музыка. Я смотрю в окно и сравниваю побережье с электронной картой на экране. В какой-то момент понимаю, что мы уже над Америкой. Вот она, инородная земля, в непонятном мне количестве футов под самолётом. И скоро самолёт приземлится и начнутся новые приключения. Как же я устал от всего этого! Вот бы отдохнуть хотя бы недельку. Побывать в тишине, подышать свежим воздухом, погулять по лесу. Почему я постоянно чувствую себя таким уставшим?

Самолёт начал снижение, закладывает уши. (Продолжение следует).

Первое знакомство с Нью-Йорком

Тёмно-синий внедорожник «Форд». Я сижу на заднем сидении справа. Руки за спиной неудобно сцеплены наручниками. Агент секретной службы пристегнул меня ремнём безопасности. Машина припаркована в неположенном месте где-то на задворках аэропорта. Слева то и дело проезжают жёлтые такси, которые до этого я видел только в фильмах. Все машины чистые и блестят. Агенты о чём-то переговариваются на улице, то и дело поглядывая на меня. Двери машины закрыты, стёкла подняты. Я их вижу, но не слышу. Пытаюсь усесться как-нибудь поудобнее. Сиденья велюровые, коробка передач ручная, руль пластмассовый. Похоже, у этой относительно новой казённой машины нулевая комплектация. В фильмах они ездят на больших чёрных шикарных джипах. А это что такое?

Вот агенты направляются ко мне, Майкл садится за руль, латино-американец спереди и молодой на заднем сидении рядом со мной. Трогаемся. Как ни странно, меня абсолютно не интересует куда мы едем. Ежу понятно, что не в «Хилтон». Пытаюсь придать своему лицу беззаботный вид, не проявляя ни малейшего интереса к агентам. Русскоязычный агент Евгений (по-ихнему Юджин) остался в аэропорту. Скорей всего они не собираются со мной больше разговаривать, впрочем как и я с ними. Смотрю в окно и слушаю их

непринуждённую беседу на отвлечённые темы. До сих пор верится с трудом, что я в Нью-Йорке, сижу в машине с настоящими агентами секретной службы. И это только начало чего-то нехорошего, что совершенно невозможно предотвратить или хотя бы уменьшить срок пребывания в этой беде. Остаётся только держаться.

Выезжаем на какую-то окружную дорогу. Небоскрёбов не видно. Видны машины, много машин, образовавших пробку. Старые ржавые тарантасы вперемешку с совершенно новыми моделями, которые я не успел застать на свободе. Дорога идеальная, без ям и колдобин, полосы широкие. С каким удовольствием я бы прокатился по этим неизведанным дорогам, среди этих машин и дорожных знаков на английском языке, среди водителей с совершенно непонятным мне менталитетом.

Нет, это не английский язык – это американский. У всех какое-то неестественное, ненатуральное произношение, как в голливудских фильмах без дубляжа Мосфильма. Странно, но я с величайшим трудом понимаю о чём речь. С первых минут поездки они начали болтать о ...бабах. Майкл, по ком пенсия плачет, взхлёб хвастается своими похождениями на любовном фронте с женщинами за 30. молодой агент играет со своим смартфоном. Латинос делает вид, что слушает Майкла. Неспеша катимся в практически замершем потоке машин. Справа от нас застрял в пробке побитый невзгодами мустанг. Предельно исцарапанный, с вмяти-

нами на двери и переднем бампере. Сквозь закрытое стекло слышится ритм незамысловатой музыки «бум-бум-бум». За рулём мустанга гордо восседает толстый негр, всем своим видом показывая окружающим, что жизнь удалась. Рядом с ним сидит столь же темнокожая гёрла. Вот они какие, настоящие современные американцы! Впереди него стоит «Хонда» начала 90-х годов. Задний бампер привязан проволокой, за рулём китаец разговаривает по мобильному телефону, держа его на вытянутой руке. Трогаемся. За «Хондой» стоит новенький «ниссан». Внутри молодой парень в голубоватой рубашке. Американская система чрезмерного потребления, уже вероятно, промыла ему мозги и засадила в долговую яму, вынудив взять кредит и таким образом купить новое авто. За «нисаном» опять «Хонда», более свежих годов. Её передний и задний бамперы закрыты уродливым чёрным «намордником». Смотрится ужасно нелепо и смешно. Вероятно, у владельца и мобилка в чехле, и пульт от телевизора в целлофане.

Видны первые жилые дома и магазины. За ними игровая площадка, огороженная высоким сетчатым забором. Люди играют в баскетбол. Трава, деревья – городское лето. В салоне комфортно, работает кондиционер. Температура непонятная, указана в фаренгейте. Спрашивать у них сколько это в Цельсии неохота. Не важно. Важно что будет дальше.

Первый допрос не удался. По дороге в неизвестность они не пытаются ни втесаться ко мне в доверие, ни завязать диа-

лог. Маршалы в самолёте молчали от и до. Из познаний почерпнутых от просмотра фильмов, маршалы занимаются только доставкой заключённых, остальное их не волнует. Следствие ведут не они. Интересно, увижу ли я сегодня прокурора? Попаду ли я в одиночную камеру? Камеру пыток? Секретные подвалы секретной службы? Латинос что-то говорит Майклу. Майкл спрашивает, знаю ли я испанский. Латинос видел самоучитель испанского и испанско-русский словарь, который привлёк его внимание. «Ноу, ай ноу онли ПОРКЭ ПРЕГУНТАС, онли зыс» – отвечаю и жду реакции. «Вэри гуд» – говорит он и дальше молчит. Я почему-то вспомнил о Флориде. Мне рассказывали, что там в тюрьмах больше разговаривают на испанском, чем на английском.

Начались районы небоскрёбов. Улицы в тени, на них уйма припаркованных машин. Витрины магазинов, здоровенные витрины с нескончаемыми распродажами. Пешеходы, неспешно идущие по своим делам. Реклама. Майкл спрашивает хочу ли я кушать. Спрашивает так, что с первого раза не понимаю сути вопроса. Оказывается мои знания языка далеки от совершенства. А я то думал, что более-менее понимаю. Говорящих на английском греков понимал, латиносов понимал, даже малазийца со странным акцентом – и то понимал! А носителя языка не понимаю, как и он меня. Я ощущаю, что он не притворяется и привык так говорить всю свою жизнь. Похоже, лично у него опыта общения с иностранцами нет. Похоже, он здесь один настоящий агент, а эта

парочка – его стажёры. И ничего не обычного или выдающегося не происходит – простая рутинная работа. Он передаст меня тюрьме и поедет домой к своей новой подружке, совершенно не думая о раскрытии дела. Похоже, он вообще не ведёт дел. Постепенно схема всего бюрократического механизма вырисовывается в моей голове. Выходит, что людей, заинтересованных во мне, совершенно нет. Бездушная система американского правосудия лишь слепо исполняет свои же правила и указания, следуя изложенному в инструкциях и нормативных актах. Всё, что требуется – закрыть дело и этим увеличить раскрываемость преступлений. Любой ценой! И нечего ждать милости ни от агентов, ни от детективов, ни от прокурора. Они лишь делают свою работу на своём вверенном им участке, не вникая в общий процесс.

Всё-таки решаю спросить, куда мы едем. «В одно место завести документы, а потом тебя расположат в одном хорошем месте ждать суда». Опять спрашивает, хочу ли я кушать. Видимо, ему самому хочется, а кушать в одиночку стесняется (или правила не велят). Отрицательно качаю головой. Мне хочется только снять наручники, открыть дверь и скрыться в толпе. Но среди этих прямых улиц и домов без открытых подъездов затеряться совершенно не реально. Это настоящий город, а не игра «Г Т А З».

Немного саднит натёртая кандалами левая нога. Руки постепенно затекают. Вот мы остановились у входа в неприметный маленький полицейский участок где-то на задвор-

ках «Чайнатауна». Припарковались на свободном служебном паркоместе прямо напротив входа. Слева и справа от нас стоят полицейские машины с мигалками. Майкл вошёл вовнутрь с сумкой на плече, которую он достал из багажника, стажёры и я остались внутри. И тут между ними завязалась беседа, которая зажгла во мне лучик надежды. Речь шла о какой-то женщине, чью мошенническую деятельность они расследовали два года. после предоставления неопровержимых доказательств её вины, суд... отпустил её на поруки и не дал срока! Все полученный незаконным путём деньги она потратила на оплату ипотеки за дом, около 50 тысяч долларов. Если бы она не оплатила долги, то лишилась бы дома и стала бездомной. Суд этот факт учёл. Агент злился, что вся его работа пошла насмарку. Хм-м, значит это реально – выиграть в суде дело против секретной службы. Я играю на ихнем поле, не зная правил игры. Остаётся полагаться на здравый смысл.

Возле участка прохаживаются полицейские. Один очень толстый с пончиком в руке. Сложно представить его бегущим и преследующим преступника. Недалеко от него по тротуару бредёт китайка преклонных годов бомжеватого вида, сгибаясь под тяжестью своей ноши: здоровенной сеткой за спиной, набитой скомканными алюминиевыми банками из-под популярных напитков. Седые волосы скрыты под потрёпанной соломенной шляпой. А может это вьетнамка. Равнодушно проходит возле толстого мента и скрывает-

ся из виду. Вот она какая американская бедность в большом городе. Приехать сюда чёрт знает откуда, чтобы рыться в мусоре, собирая вторсырьё. Печально.

Вот идёт странного вида молодой паренёк – гот. Одет во всё чёрное, глаза подкрашены чёрной тушью. Подошва его ботинок толщиной в сантиметров 10. Руки, торчащие из рукавов футболки, густо обрисованы татуировками. Гордо шагает странный человек. Сложно выделиться в толпе крупного мегаполиса, особенно когда не удался ростом. Похоже, я вскоре расширю свои понятия относительно нормально одетого человека.

Ждать пришлось долго, около часа. Да, я никуда и не спешу: скорей всего это моя единственная возможность полюбоваться этим городом. Одной неприметной улочкой, которая будет олицетворять для меня весь город. Если меня когда-нибудь спросят, бывал ли я в Нью-Йорке, я с иронией скажу «Да» и вспомню об этой тихой улочке, её прохожих и атмосфере. Вряд ли я смогу побывать на других улицах по-нормальному, в качестве туриста. При любом раскладе я стану персоной нон-грата, без права последующего въезда на территорию этой страны. Ну и чёрт с ней, я сюда и не собирался. Что я могу ждать от этой страны, кроме срока и, блин, «импрувмэнт оф мой инглиш».

«Судный день»

1 сентября 2010 года. Дети идут в школу, студенты в университет, я же готовлюсь к Верховному суду Манхэттена. В 4:30 утра меня будит дежурный мент. Рань несусветная. Невероятно хочется спать и никуда не ехать. Иду умываться и чистить зубы. Решаю не бриться: чрезмерной растительности у меня на лице нет, а с тем что есть я выгляжу гораздо моложе своих лет. На мне надета полосатая тенниска с полурасстёгнутым воротником, коричневые штаны (не джинсы). Пуговица стала застёгиваться с трудом. Действительно, от американской пищи и кроватного образа жизни толстеешь. На ногах коричнево-серые кроссовки. Выгляжу как школьник или студент, а не участник криминального предприятия с эндайтментом (делом) на 173 обвинения.

В Греции я ездил на суды в приличном костюме, как мне советовал адвокат: туфли, брюки, ремень, голубая рубашка с галстуком. Этот наряд удачи мне так и не принёс. В начале я рассчитывал покинуть Грецию, возвратившись в нём домой и выбросив все остальные вещи. С течением времени стало ясно, что дома мне не видать. Тогда я надумал полететь в нём в Америку, и тут не сложилось: покидая остров Кос, сумку со многими моими вещами, включая весь костюм с туфлями, не досчитались на тюремном складе. Как мне объяснили, они травили тараканов в камере хранения, запач-

кали некоторые сумки, и им пришлось их выкинуть. Директор тюрьмы лично развел руками и сказал, что ничем не может мне помочь. Костюм купленный в Греции, в Греции так и остался. Скорей всего, там теперь кто-то в нём ходит (я видел собственными глазами, как мент без разрешения владельца туфель надевал их и расхаживал в них по тюрьме. В конце концов, владелец туфель узнал их и попросил вернуть их на место, ведь когда-нибудь ему придётся освободиться, не босиком же выходить на волю. Мент извинился и сказал, что он думал, что туфли ничейные. Что лично меня шокировало – эти кожаные итальянские туфли были изрядно в употреблении! Пропажу новых вещей из багажа заключённых я ещё могу понять, но такое...). Хороший был костюм, добротный. Моей маме он очень нравился (вообще в моём гардеробе есть только один костюм, и то купленный для гостевого участия на свадьбе. Один раз одевался на свадьбу, раз на экзамены и раз на защиту диплома в универе. С тех пор так и висел в шкафу. Негде мне костюмчик выгуливать). Была идея, что я его ещё долго буду носить дома – ведь приличная дорогая вещь. Эх, столько надежд не оправдилось! Может это судьба – не стоит мне в Нью-Йорке щеголять в приличном костюме, как какой-нибудь матёрый аферист с Уолл-стрит, ворующий миллионами. Всё-таки меня обвиняют в серьёзном экономическом преступлении, а не воровстве яблок с магазина. Образ тинэйджера куда уместнее образа белого воротничка при галстуке, коих Верховный суд

Манхэттена, по моему мнению, перевидал в огромном количестве. И в ряду этих мошенников с галстуками и дорогими адвокатами – я. Бедный молодой иностранец, без денег на адвоката, без знания языка, скромно одетый и с делом якобы на 35 миллионов долларов ущерба американским банкам. Однозначно я выпадаю из типичной обоймы здешних судебных заседаний. Итак, вот он – я.

Основываясь на опыте, полученном из прошлой поездки на встречу с адвокатом в МДЦ, я беру с собой папку с обвинениями. Буду подкладывать её под голову, в ней 200 страниц. Также захватил туалетной бумаги – вытирать руки после туалета и протирать скамейку камеры ожидания (да, я там обязательно лягу, вот зачем мне папка – вместо подушки. Уже прямо сейчас охота лечь и полежать). Волнения никакого. Завтракаем в столовой. Съедаю весь завтрак, хотя нет никакого аппетита. Надо набить желудок на весь день. Сэндвич с молоком, который дают в здании суда, силы не придаёт. Проверено. И почему я не взял с собой кофе?

После завтрака проходим сквозь металлодетектор в одних трусах, группами по 5 человек. Одежду и вещи просвечивают рентгеном. Затем мы попадаем из комнаты досмотра в комнату ожидания. В этот раз народу здесь гораздо меньше, чем в прошлый. Не так душно. Русскоязычных среди присутствующих нет.

Вот за нами приезжает автобус – новый чистый. Сколько раз я видел подобные автобусы в голливудских фильмах, но я

и вообразить себе не мог, что мне доведётся в них кататься. Нас пристёгивают наручниками, попарно. Меня пристегнули к латиноамериканцу в очках, держащему в свободной руке религиозную книгу. В салоне автобуса мы так и едем пристёгнутыми, до самого прибытия и размещения в камере ожидания зала суда. В автобусе мы занимаем первое сидение от двери – там больше свободного места для ног и лучше обзор: улицу видно не только в боковое окно, но и спереди. Работает кондиционер. Все окна закрыты, но стёкла кристально чистые. Если бы не эти решётки «а-ля набатарейник». Салон свежий, даже на стенах надписи не успели появиться. Автобус заполнен не до конца. В прошлый раз людей было на два автобуса. Начинаем кружить по территории острова от одного корпуса к другому, собирая пассажиров и заполняя автобус.

Тем временем я рассматриваю американскую жизнь по ту сторону решётки. Всё такое чистое опрятное, ни одной грязной машины. Смотрится нереально, как будто попал в компьютерную игру. Машины! Ними заставлены все парковки. За годы, проведённые взаперти, технический прогресс усккал вперёд не только в плане электроники, но и в машиностроении. Какие же красивые и изящные новые модели! В особенности привлекают внимание новые «хюндаи», просто шедевры дизайна. И почему лет пять тому назад они были такие убогие? Моя душа на мгновение замирает: знакомый силуэт, тот же цвет. Это ОНА – «тойота солара».

Моя первая машина. Как она роскошно смотрелась, припаркованная у «хрущёвки» или в потоке машин среди «жигуле-копеек» и подержанных иномарок. Здесь же она находится в своей естественной среде обитания, эта американская «тойота» американской сборки для американского рынка. Серая, ничем не приметная мышка, скромно теряющаяся между припаркованными «линкольном навигатором» и «фордом мустангом». Теперь у меня НЕТ машины, пришлось продать. В ближайшее время мне не то, что ездить – ходить не доведётся. Ну и ладно. Звучит смешно, но я сейчас еду и получаю удовольствие от самого процесса езды. Мышечная память хранит непередаваемое ощущение щенячьей радости от ускорения в автомобиле. Хотя я и пристёгнут на ручниках, сижу на неудобном металлическом сидении, окна в решётках, но тело движется, а не лежит бревном на кровати. Пахнет морем.

Мы едем в город. Пересекаем мост, водитель включает радио. Рядом с нами едет тонированная машина. Внутри никого нет, только белые глазные яблоки висят в воздухе, смотря на дорогу. Всё ещё не привычно видеть негров за рулём. Гляжу в окно. Витрины магазинов, странно одетые прохожие, снующие по чистым тротуарам. Реклама. Смог бы я жить в Нью-Йорке? Какой же это большой город. Город, который меня съел. Никогда в жизни не надену футболку или кепку с эмблемой «ай лав (сердечко) Нью-Йорк» или янки (пересечённые N и Y).

Вот мы въезжаем в ворота МДЦ. Ждём. Никуда нас наведут, двигатель заглушен, кондишн не работает. Спустя некоторое время одному из пассажиров становится дурно. Это пакистанец, в наручниках на руках и кандалах на ногах. Он закрыт в одиночном отсеке, как особо опасный преступник, требующий изоляции. Окна в том отсеке нет. Мне его очень хорошо видно – этот отсек как раз напротив меня. Молодой пакистанец начинает плакать. Отворачивается к стене, звеня цепью поджимает колени к груди, начинает ритмично раскачиваться, при этом громко всхлипывает. Кто-то зовёт водителя. Он спрашивает нужен ли врач. Заводится двигатель, включается кондиционер. Духота отступает. Ждать ещё долго. Один старик просится в туалет. Его выводят, потом опять приводят и пристёгивают. Пакистанец уходит в себя. Напоследок ему хватило сил лишь сказать, что у него астма и ему нечем дышать. Одного астматика в обмороке я уже видал на своей первой автобусной поездке. Врач тогда пришёл слишком поздно: больной вырубился. Ментам пришлось его отстёгивать, а врачам – выносить из салона. Похоже это частое и обыденное явление. Минут 15 звали врача. Тем временем негр из соседней одиночной камеры пытался «развеселить» заплаканного пакистанца, вывести его из замкнутого состояния. «Вассап, бро, лук ат ми!» – кричит он на пакистанца, мысли которого давно находятся вне этого автобуса. Я представляю себе, как хочется этому такому далёкому эмигранту прямо сейчас оказаться в Индии, доить там коров,

стричь чай и вести аскетический образ жизни. Приходит врачиха-индуска и забирает его, найдя с ним общий язык. Стало скучно, вот и за нами пришли. Выходим, заходим. Коридоры МДЦ, камеры сортировки, камеры ожидания, отправка в другие камеры ожидания. Вокруг ни одной интересной личности. Скучно, хочется спать.

Наконец-то нас вызывают на поездку в сам суд. Я заметил, что лишь испаноязычные Менты способны прочитав вслух мою фамилию. Нас сажают в микроавтобус и едим из МДЦ в здание суда. Музыка, движение, город за окном. Чайнатаун. Здешние пешеходы прогуливаются по улицам как-то непривычно медленно. То ли дело у нас: вечная спешка, суета. Въезжаем в подземный паркинг суда. Выходим из микроавтобуса. Нас сразу же ведут мимо припаркованных машин к лифту. Интересно, какой штраф или срок дают за царапанные машины прокурора? Лифтом поднимаемся из паркинга на седьмой этаж, при этом нас эскортируют четверо Ментов. Мы всё ещё в наручниках, их снимают только при входе в камеру. Проходим металлодетектор и размещаемся в камере, из которой и будут водить на сам суд. Пункт назначения, так сказать. Осматриваю здешнюю публику: завсегдатай бомжеватого вида спит на полу на расстеленных газетах. Похоже, он привык сюда ездить и давным-давно не ждёт ничего хорошего. Крепким, спокойным сном на газетах спят исключительно завсегдатаи.

Автобус был полупустой, но несмотря на это, камера за-

полнена. Лечь негде, приходится сидеть и смотреть телек.
Скучать бы так всем в ожидании суда, да не тут-то было.

Изгнание юродивого

Две полярно противоположные точки планеты. Совершенно разные люди, говорящие на разных языках и обитающие в непохожих условиях, тем не менее дух единства, общности и сговора везде одинаковый. Что на острове Кос в Греции, что на острове Райкерс Айленд на задворках Нью-Йорка. Сегодня слушаю аудиокнигу Лескова «Кадетский монастырь» (по радио «Голос России») о жизни кадетов единым коллективом, вдруг подумалось о схожести жизни юных кадетов с жизнью заключённых. Условия насильственного заключения, невозможность изменения сложившихся обстоятельств, теснота и трудности, скука и тоска, ностальгия по прошлому и вера в светлое будущее за пределами колючей проволоки, объединяют, казалось, необъединимое. Молодёжь и старики, чёрные и белые, преступные и не очень – в общем, самая разношерстная публика. И вся эта группа в 50 человек, составляющая как бы единый организм (разделяясь на микро-группы по 2—3 человека, как будто на внутренние органы) живёт одной жизнью, сопротивляясь системе, оберегая себя и отторгая нежелательные элементы (стукачей, неадекватных, нечистоплотных и прочих представителей раковой опухоли сложившегося организма).

Как-то вечером приходит этап. Вечерние этапы всегда подозрительны: это не новичков приводят, а проштрафивших-

ся с других корпусов или хат. Вот и в тот относительно далёкий вечер к нам попал такой новичок. Светлокожий, худощавый, остроносый тип с длинными растрёпанными и немытыми волосами, рубашкой дурного покроя, брюками на ремне и несуразно огромными ботинками, совершенно не вписывающимися в общий образ. Интуиция подсказывает: этой персоны следует сторониться. Полезная штука интуиция. Работает не только у меня (видимо условия длительного заключения пробуждают эти многими подзабытые первобытные инстинкты). Большинство обитателей dormitorio, при виде новичка замолкает и превращается в молчаливых наблюдателей. Тип суетится и оглядывается по сторонам, напоминая запуганного и загнанного зверя. Страх здешняя публика чует издалека и сразу. Новичок ещё не разложил свои вещи, даже не успел сказать ни единого слова своим новым сокамерникам. Первого впечатления оказалось достаточно — уже с первых минут он стал персоной «нон грата». Небрежно бросив простыни и одеяло на матрас, засунув кипу бумаг в коробку, он уселся на кровать и принялся исступлённо и рьяно что-то писать в свой блокнот огрызком карандаша, при этом поблёскивая массивным золотым перстнем на пальце. Он так этим увлёкся, что не обращает ни на кого внимания, как будто он совершенно не имеет никакого отношения к собравшейся здесь чесной компании. Тишина плавно перешла в перешёптывания, затем в гомон. Робкое, едва слышное слово «Снич» (по-нашему стукач), произно-

симое по углам, сменилось на радикальное «пак йор щит». А это окончательный безоговорочный. Естественным, вполне прогнозируемым и тем не менее незаметным для самого новичка становится его «самопроизвольное» отторжение от коллектива. Он здесь, но он не наш. Чужак в стае. {Рукопись обрывается}.

Американский дневник

Вторник 28 сентября 2010.

Утро сегодня началось рано и затянулось. В пять утра «си-о» (дежурный мент) очень громко и активно начал звать на «ча» («Wake up for cha!» – вставайте для завтрака). Проснулся, покрутился из стороны в сторону в постели, многие проснулись, но идти завтракать не спешат – сегодня по расписанию этим утром замена постельного белья и полотенца на чистые. В среднем каждое утро завтракать ходят 5—7 человек, те у кого нет денег на счету и которые не могут позволить себе купить супа, риса, чипсов и прочих продуктов. Приходится им собирать утреннюю пайку хлеба (4 ломтика), соскребать мармелад с подноса себе в баночку, брать пол-пинты молока и упаковку хлопьев. Иногда вместо хлопьев дают гречневую кашу на воде и сливу, 4 пакетика сахара – каждое утро. Может, конечно, там ещё что-то иногда дают. Я никогда специально для завтрака так и не встал. Пару раз завтракал, отправляясь на суд. Поездка в MDC и в здание суда постепенно превращается в обыденность.

Последний раз, исходя из уже полученного опыта, взял с собой папку с бумагами (200 страниц эндайтмент – список обвинений) чтоб подложить под голову, лёжа на крашеной деревянной скамейке. Некоторые даже запасаются газетами, раскладывая их прямо на полу. В суд приезжаем к 8-ми утра,

само заседание начинается в час или три. Напротив камеры ожидания за решёткой, стоит телевизор, по которому крутят пиратские экранки (две из увиденных мною оказались с русскими титрами, что приятно удивляет). Так что, ожидая суда, успел посмотреть пару премьер (скверного качества), которые к тому времени, ещё не успели выйти на экраны кинотеатров.

Так вот, ждал я, ждал смены белья, да не заметно для себя заснул. Дежурный мент оказался крикливым – смену белья не проспал никто. Все проснулись. Бельё стелим на резиновый неудобный матрас, но к этому времени я уже обзавёлся некоторыми дополнительными удобствами. От итальянца, вышедшего под залог, мне досталась пара лишних одеял (всё своё «барахло», коего у него оказалось невероятно много как для одного человека, он оставил мне и Эрнесту). Кстати теперь я знаю, как в американской армии заправляют постель, мне пришлось перенять эту технологию. По-советски застелить постель в здешних условиях не получается: вместо привычного пододеяльника – ещё одна простынь. Кроме того, со скользкого матраса постеленная на него простынка сползает при малейшем повороте в постели. Поэтому я застилаю постель так: сверху на матрас кладу свёрнутое вдвое запасное одеяло. Уголки нижней простыни по краям связываю узелками и вправляю их под матрас со стороны ног и оставляю свободной другую сторону в районе подушки. Сверху свободно стелю сложенное вдвое одеяло, которое

полностью покрывает кровать. По идее и одеяло надо подбивать под матрас, но мне лень и так сойдёт.

Перестелив постель, улёгся дальше спать. В 10:15 нас опять будят, чтобы готовились к обеду. Около 11 часов отправляемся в столовую. Одно крыло из 50-ти человек расчихивается гораздо быстрее, чем два в прошлом дормитории (корпусе). Собираемся в коридоре, отгороженном дверью от основного коридора. В руках у меня зелёная пластмассовая кружка, на груди бейджик с фотографией и именем (крепится маленькой прищепкой). Вошло в привычку брать с собой пару-тройку мотков туалетной бумаги для вытирания рук, вместо салфеток. При входе в самую столовую проходим через металлодетектор. Сам путь в столовую занимает около пяти минут. Шеренгой идём от одного чекпоинта (красная полоска на полу) до другого, останавливаясь перед каждым из них и ожидая пока подтянется хвост очереди.

Столовая представляет собой огромное квадратное помещение. Вход и выход расположены на одной стороне, но в противоположных углах от входа буквой «Г» тянется заборчик-ограждение до окошка выдачи подносов с едой. Идём строем до окошка, берём по подносу, потом подходим к емкости с напитками (они наполнены чистой водой и дрянным порошковым суррогатом, именуемым «juice»). Два таких и два таких. Крайне редко бывает восстановленный яблочный сок), наполняем свои зелёные кружки, кто чем хочет и садимся за стол на любое из свободных мест в ряду в по-

рядке живой очереди.

В столовой три ряда столов для трёх dormitorioв. На столах насыпаны горки пакетиков с солью и чёрным перцем. Сиденья расположены на равном расстоянии друг от друга и намертво прикручены к столу. Около 10—15 минут кушаем, затем относим пустые подносы к столу сбора подносов у выхода. Перед ним стоят два мусорных бака, сбрасываем остатки пищи с подносов в баки и оставляем их на этом столе. Там столовый работник собирает их и передаёт в «подносное» окошко за его спиной. Выходим из столовой. Выносить напитки в кружке или еду запрещено правилами. Многие выносят хлеб, замотав его в салфетку и засунув его в штаны. Бывает, что и рис, и курицу пытаются унести с собой, если не успевают всё съесть (а за положенные 10 минут съесть всё не реально). Ужин в пять вечера, но ведь и потом кушать хочется, особенно к ночи. Не у всех есть деньги на покупку супов и прочих продуктов, вот и вынуждены носить про запас. Менты за это не ругают, всё понимают и просят лишь делать это незаметно, чтоб хлеб и бутылка с соком из карманов не выпирали. Так и живём.

Среда 29 сентября 2010.

«Душа обязана трудиться и день, и ночь». Но невероятно лень в подобных обстоятельствах вообще, что-либо делать. Вдохновения нет абсолютно. Есть блокнот с расчерченными в линию отрывными листами формата А4, есть короткая, тонкая и гибкая (в целях безопасности для окружаю-

щих) ручка. Нет желания, вдохновения, настроения, мотивации и прочих необходимых для настоящего писателя параметров. То ли дело, например Хемингуэй: писать творить то в уютной квартирке в Париже, то в тихой хижине на Кубе или на худой конец под баобабом в Африке. Можно быть Рыльским, творя в своём доме, заваленном литературой имеющейся в распоряжении огромной библиотекой и парком прямо за порогом. Но как же быть а-ля Достоевский или Солженицын? Чертовски трудно. Куда легче валяться в постели, спать до обеда, после обеда спать до ужина и коротать время за слушаньем радио, просмотром идиотского телевидения и бесконечной стиркой. Подобный образ жизни ведут практически все. Даже самые гиперактивные и подвижные с течением времени затухают, медленно превращаясь в бездеятельных созерцателей жизни. Вот так департамент коррекции корректирует людей!

Полное ничего не деланье постепенно отупляет человека, и выхода нет: пока не осознаешься или не осудишься, человек вынужден сидеть здесь и ждать. Всё вынуждает заключённого признаться: после получения срока сразу же отправят на тюрьму, где и кормят хорошо, и со стиркой проблем нет, и места побольше, а самое главное – известно будущее: такого-то числа настанет столь желанная долгожданная Свобода.

Здесь же сидишь, нервничаешь и просчитываешь все возможные комбинации. После нескольких месяцев безвкусной еды, постоянного шума, невозможности побыть наедине, ин-

формационного вакуума всё меньше желание о чём либо думать. Так и подмывает пустить всё на самотёк. Это и есть основная цель здешней системы – заставить человека в конечном итоге сдаться и сознаться – ведь в таком случае из городского бюджета не тратятся деньги (весьма внушительные) на проведение судебного заседания. Да и человек уже откорректирован: либо после выхода на свободу он вообще ничего не будет способен делать на криминальном поприще, проводя всё свободное время на диване у телевизора и живя на пособие по безработице; либо вновь примется за былое. Но поглупев и деградировав, поймается на какой-нибудь глупости гораздо быстрее первого раза. Второй раз его откорректируют уже по полной программе, уж будьте покойны.

В здешних условиях всё же есть «лучик света в тёмном царстве» на три часа в день – это радио «Голос России». Вот он – источник новостей, культуры и толковых аудиокниг. Свои книжки, словари и записи я до сих пор не получил: агенты секретной службы до сих пор роются в этом ящике знаний. Внутренний голос подсказывает мне, что два тома словарей Вэбстера 60-х годов, которые я захватил из Курдало, вероятно уже осели на полке одного из агентов. В Афинском аэропорту маршалы просили подарить им эти книги, в Нью-Йорке этими книгами чрезмерно интересовались агенты секретной службы. Посмотрим, увижу ли я их или нет. Все нормальные люди после освобождения из тюрьмы приносят домой татуировки, а я думаю притащить словари,

совершив с ними практически кругосветное путешествие. Эх, сколько приключений позади, а сколько ещё предстоит пережить!

Надо себя беречь, что затруднительно. Либо портишь слух наушниками радиоприёмника, либо зрение телевизором и лампами дневного света. Может сон это не такое и плохое времяпровождение в здешних условиях. Спал сегодня с часу дня и до самого ужина, который так и не настал вовремя. В пять вечера нас разбудили, но кушать в столовую не повели. Вместо этого отобрали телефонные трубки, закрыли игровую комнату с телевизором и приказали «one man to one bed» (по одному человеку на постели). Значит, где-то в здании произошла серьёзная драка. В прошлом дормитории все всё знали: кто, где, как и с кем подрался. Приблизительно полтора месяца назад была одна драка. Я как раз в этот день вернулся с суда уставший и потный, к сожалению, по правилам при чрезвычайном положении мыться в душевых запрещено (в целях безопасности). Пришлось в тот день лечь спать невымытым. В этом новом дормитории никто ничего не знает и не интересуется. Живём в полном неведении окружающей обстановки.

К 7-ми часам вечера нас повели в столовую. Не привычно идти коридором, когда за окном сумерки, а вокруг тишина да капитаны в белых теннисках с подозрительным видом прохаживаются коридорами. В столовой вместо трёх дормиториев ужинают два, ряд пустых не занятых столов разделя-

ет нас. Красные и белые лампы тревоги на стенах не мигают. Капитан в столовой только один, как обычно. Дежурит.

Скучно вечером, вот так сидеть на своей постели и никуда не отлучаться. Душ нам всё-таки разрешили быстренько принять на 15 минут (хоть это и строжайше запрещено во время тревоги), до прихода проверяющего капитана.

В руки мне попал старый выпуск журнала «National Geographic», в котором с удовольствием прочитал статью про греческих монахов-отшельников, обитающих в горах на полуострове. На фотографии монашеской кельи, подозрительно напоминающей и навевающей воспоминания о Курдало, увидел столь знакомую упаковку соли «Калос» и пластиковую мисочку из-под йогурта. Сколько же пудов соли и йогуртов поел я на греческой земле! С ностальгией вспоминаю я греческую кухню, питаюсь скверно-безвкусной американской едой.

Четверг 30 сентября 2010.

«This is a search». Вполне прогнозируемое и ожидаемое явление после вчерашней тревоги. Итак, сегодняшнее утро началось со шмона. Огромный по численности отряд Ментов заполнил собой коридорчики сонного дормитория. Так не хочется вставать, а тем более, заново раскладывать своё барахло по ящикам, стелить постель, наводить порядок в своих вещах. Надеваю штаны, усаживаюсь на край кровати лицом к окну. Итак, в хате четыре ряда кроватей. Нас поднимают, начиная от внутренней стены. Я в третьем ря-

ду. Руки за голову, бейджик на груди, локти сведены поближе между собой. Направляемся в игровую комнату. Обычно нас раздевают и досматривают в ванной. Краем глаза замечаю мента, который куском картонки проверяет ниши и щели вокруг пожарного выхода, засовывая картон за лампу пожарной тревоги, табличку запасного выхода и щели двери. Похоже, обыск намечается серьёзный.

При последнем обыске в прошлом dormitorio у меня даже не вытряхивали вещи из коробки. Итак, мы разделись, наши вещи ощупали менты на предмет наличия контрабанды. Затем мы сразу же оделись и направились в душевую. Ротовую полость не осматривали – значит, ищут оружие. Из душевой нас вызывали рядами к нашим кроватям, проводя обыск места жительства в присутствии жильца. Из нововведений – матрасы проверяли портативными металлодетекторами. Держишь матрас на весу, а женщина-мент его сканирует. Женщины зашли лишь после окончания нашего голого досмотра, дабы не стеснять (или не возбуждать) здешних заключённых. Весь мусор: пустые бутылки, постеленные под матрас газеты, пластиковые ложки-вилки и прочий хлам побросали на пол. Продвигаться коридорчиками, в особенности при таком обилии Ментов и мусора (хотел здесь написать «мусоров и мусора», глупый каламбур выходит, не решился) затруднительно. Большого беспорядка на кроватях, как ни странно, не было. Даже зубную щётку, которую хранил в картонной коробке из-под зубной пасты, аккуратно поло-

жили в книжку-методичку «Inmate's rulebook», чтобы не запачкалась (коробка отправилась в мусор). Небольшую упаковку риса (картонная коробка, в ней два прозрачных пластиковых пакета с рисом) вскрыли и проверили содержимое, а большую коробку с печеньем почему-то нет. После обыска с лёгкостью отыскал свои вещи, сушившиеся в игровой и сваленные в одну общую кучу на стуле. Конечно же, свежестиранных вещей оказалось как никогда много: штаны, тенниска, футболка и майка. Развесил свои вещи на стуле и пошёл наводить порядок на спальном месте. Вот почему я два дня тому назад аккуратно разложил все свои носки по парам, уложил прочие вещи. Теперь всё придётся раскладывать заново. В коробке с продуктами на дне рассыпалось кофе. Немного, но всё дно липкое, пошёл сполоснуть её в душевой. Такой горячей воды я здесь ещё не видал! От неё аж пар идёт. Со вчерашнего вечера весь корпус не принимал душа и не стирался – вот и нагрелась. Разложил вещи по своим прежним местам, подмёл под кроватью, умылся, почистил зубы и только после всего заметил, что-то кушать охота. Обеденное время давно прошло. В самоваре воды не оказалось, да и ложек-вилочек у меня не осталось. Грызть всухомятку сладость или пирог не хотелось, решил дожидаться обеда.

Обедали в пол-второго. Такого бешеного аппетита у меня давно не было: съел целиком всю пайку (молотая индюшатина с макаронами и спаржа) и даже два ломтя хлеба. Нагулял аппетит за утро. Обычно когда просыпаешься, пьёшь утрен-

нюю чашку кофе и сразу же направляешься обедать. Желание кушать отсутствует вообще; вкладываю в рот безвкусную еду исключительно из надобности, а не желания.

Позвонил домой с отклонением в 2 часа от обычного моего графика звонков домой. Дома дождались и ответили. Каждый не отвеченный звонок мне обходится в 53 цента, отвеченный 15-минутный – в 97 центов.

Ужинали в 5 часов как обычно, тревогу к этому времени уже сняли. Вечером посмотрели относительно хорошую экранку весьма нудного фильма. К полуночи, под самое время выключения света и погружение дормитория в царство Морфея привели новенького. Здоровенный, но напуганный и оглядывающийся по сторонам молодой негр, с двумя баулами шмоток в руках и тросточкой. Видимо его побили в месте прошлого проживания, а без уважительных на то причин серьёзных драк с нанесением увечий здесь не бывает. Здесь вообще драка – огромная редкость. Но никому до новенького нет дела, причинами его изгнания никто не интересуется. Расположился он на противоположной стороне далеко от меня, и мне тем более нет до него никакого дела. Выключили свет. К этому времени я успел почистить зубы, умыться и улечься. Шум голосов в хате постепенно стихает, лишь изредка местами слышен глупый громкий смех и перешёпывания. За окном моросит дождь, вот и началась осень. На Украине это уже как бы середина осени, а здесь только начало. Шелест бумажного пакета распаковывающегося но-

вого негра навевал воспоминания о шелесте жёлтой листвы, готовой сорваться с деревьев и завалить всё вокруг жёлто-бурым ковром. А ещё в это время у нас в Киеве с деревьев падают каштаны, царапая крыши и капоты припаркованных под ними машин.

Днём сегодня я не спал, поэтому раньше обычного спрятал радио под матрас, повернулся на бок и крепко уснул под шум дождя.

Пятница 1 октября 2010.

Почему-то каждый день хочется отложить написание мемуаров на завтра или вообще на далёкое будущее по ту сторону решётки. Кажется, что вот сегодня совсем не тот день: психологическая и физическая усталость, апатия, лень. Если и напишу что-то – это будет примитивно и убого, лучше уж вообще ничего не писать. Приходит завтра, история повторяется. Иногда в голове возникают идеи создания грандиозной мудрейшей книги с хитроумным сюжетом приятным для восприятия слогом и стилем написания. Беру бумагу, ручку, думаю, как бы начать. Любое придуманное начало мне не нравится. Думаю, думаю и раздумываю вообще что-либо писать. Вместо этого завариваю чашку растворимого колумбийского кофе без сахара. Недельный запас сахара кончился за 3 дня. Ушёл на подпитку вдохновения и музыки. Мозги всё равно не работают так, как бы хотелось. В итоге получилось написать какие-то жалкие три листка плохо читаемой несвязной белиберды. Неужели кто-то после ме-

ня будет это читать? Я не могу. Каждая строчка мне не нравится. Вот бы вычеркнуть всё, порвать черновики и переписать заново. Но будет ли текст от этого лучше? Отдать бы его в руки опытному писателю, пусть правит и творит шедевр. И тут внутри просыпается зависть и самолюбие: шедевр хочется сотворить лично самому без соавторов и разделения с ними лаврового венка победителя (и гонорара). Не получается и это начинает меня злить и подстёгивает писать. Беру ручку, бумагу, усаживаюсь поудобнее. Сосредотачиваюсь.

Вместо выходящих из головы свежих мыслей наружу почему-то просится выйти лишь кофе. Туалет не далеко отправляюсь справлять малую нужду. Вид прямоугольного железного писсуара навеивает на мысли о его проектировщике: что вдохновили его дизайнера прицепить железную коробку на стену, укоротить её внешнюю сторону не три четверти и сделать сливное отверстие, скрытое за грубой сеткой. Таких писсуаров в ряду 8 штук. Наверное, более дешёвых и неудобных в мире не существует. отхожу от него на шаг в сторону и нажимаю сливную кнопку. Конечно же, из-за прямых углов внутри писсуара сливаемая вода разбрызгивается за его пределы. Поэтому перед писсуарами всегда мокро и скользко. Мою руки в не менее идиотской, не удобной раковине, гляжу на себя в псевдозеркало (отполированный лист жести, вмонтированный намертво в стену). В нём видны лишь лоб и причёска и то очень плохо. Висит оно ну очень высоко, лишь редкий баскетболист способен разгля-

деть в нём своё лицо целиком.

И вот я вновь на своей постели. Кофе не помогло. Быть может мысли, сотворённые кофеином, не задержались во мне и покинули меня вместе с кофе. О чём писать? Чем вдохновляться? Как написать хорошую книгу, интересную не только для меня самого и то в глубокой старости. Усаживаюсь на коробку со своим провиантом, беру ручку, кладу блокнот на кровать и понемножку начинаю творить. Если бы найти способ запустить свой мозг на полную катушку, подобрать идеальный допинг. Чувствую себя как медведь в спячке. Спит мозг. С трудом удаётся подсчитать на листке расходы на телефонные звонки и продукты. Складываю в столбик – в уме не получается. Ум вообще отклоняет все команды и не подчиняется мне. «Считай!» – приказываю я ему. «Зачем? Не хочу!» – получаю в ответ вместо результата. Это какой-то не подконтрольный мне режим самосохранения психического здоровья, некий защитный рефлекс организма. Вместо ассимиляции с окружающей обстановкой я абстрагируюсь от всего. Это не телу, а мозгу требуется сон по 12 часов в сутки. В таком режиме время летит потрясающе быстро. Такое ощущение, что я могу контролировать скорость течения времени. Часов на руке у меня нет, но внутренние часы работают как я захочу. А хочу я быстро.

Проснулся, пообедал, позвонил, поспал, поужинал, помылся, послушал музыку и опять лёг спать. День прошёл. В календаре вычёркиваю не прошедшие дни, а сразу неде-

ли. И где-то совсем в далёких уголках сознания возникает страшная мысль: что если я уже «откорректирован» и не смогу больше запустить свой мозг? Рассудок тут же отвергает эту мысль. У постсоветского человека вера в светлое будущее неистребима. Верю, что вот покину Америку, вернусь домой, засяду за письменный стол и откорректирую все-все записи, сделаю всё лучше, интереснее. Но будет ли у меня столько свободного времени на такую ерунду? Скорей всего я буду безмерно, безгранично потреблять, а не производить. Столько соблазнов, съедающих свободное время, хранит внешний мир. И я обязательно им всем поддамся целиком и безгранично. И тогда мой мозг проснётся от спячки, начнёт гиперактивно работать, но совсем в ином направлении. Нет не смогу я не то, что править, а вообще читать свои мемуары, мысленно возвращаясь к тому месту, где я сейчас нахожусь и пишу эти строчки. Так, что буду «писать в стол» здесь и сейчас, не откладывая и не теряя уже потерянного времени. Авось распишусь. Может быть найдётся и посторонний читатель на эти строки (кроме агентов секретной службы, которые обязательно будут всё читать и даже переводить на свой родной язык, подшивая каждое написанное мной слово в мою папку с делом, на будущее).

Хочу поговорить сегодня о здешней моде. Модно ходить с приспущенными штанами, выставляя на показ свои трусы с двух сторон. Модно носить трусы на голове. И этот эпатажный внешний вид совершенно не связан с гомосексуа-

лизмом! Первого негра со штанами, болтающимися гораздо ниже пояса, я увидел в свои первые дни в MDC. Я как-то не придавал этому большого значения: может он постирался и кто-то одолжил ему на время свои штаны, оказавшиеся на несколько размеров больше. У меня самого в то время пересменки не было. Люди уходят, приходят. Я обжился на новом месте. В потоке проходящих и остающихся я всё больше и больше стал замечать, но не акцентировать на этом своё внимание, что подозрительно много народа, включая некоторых латиносов, ходят со спущенными штанами. Петухи?! Станные люди, вызывающие естественную антипатию. Об этой загадочной моде я их не спрашивал и держался от них подальше. Мой мир с их ним никак не пересекается и ни о каком культурном обмене между нашими цивилизациями не может быть и речи. Здесь в ГМДЦ, я увидел прямо таки чудной заповедник странных, доселе невиданных мной людей. Это как будто телеканал эМ Ти Ви, рассчитанный на ещё более дремучую аудиторию. Здешние люди не обмениваются полезной информацией. Произношение слов у них точно МТВ-шное, как по телеку, но слова не несут какой-либо смысловой нагрузки. Я абсолютно не понимаю смысла диалогов этих чудаков со спущенными штанами и чёрными трусами на голове. Что я здесь делаю, среди них?

И вот спустя три месяца я в полной мере осознал эту контр-культуру. «Панки» и «готы» по сравнению с ними просто «нервно курят в сторонке». Итак, начнём с позна-

вательного объявления на стене перед входом в dormitorio, повешенного администрацией с целью пропагандистского влияния на умы здешней молодёжи. «Инмейты! Не ходите со спущенными штанами! Так ходят не крутые пацаны, а „опущенные“. Давным-давно (наверно, во времена, истёкшие по сроку давности, а значит текущая администрация ответственности не несёт (примечание моё) более сильные инмейты насиловали более слабых. После этого „опущенные“ ходили печальные и грустные, чтобы они не покончили жизнь самоубийством, администрация забирала у них ремни, поэтому они и ходили с приспущенными штанами. Вы так не ходите, ведь здесь дамы работают, неприлично. Да и что о Вас подумают?» логика есть. Но и новаявленная культура тоже имеет свою логику. Первым делом спущенные штаны символизируют о том, что их владелец кое-что «ложил» на здешние порядки, Ментов и всех-всех своих недругов. Иные методы выражения протеста ведут к увеличению срока заключения. Например, дать по морде менту – плюс 4 года, жест демонстрации ему же среднего пальца – начисление очков в классификацию. Выходит, штаны болтающиеся на коленях – это самый безобидный и ненаказуемый жест, который бесит администрацию, Ментов и капитанов, которые в свою очередь ничего поделать с этим не могут – демократия в стране. Однако каждый имеет право одеваться как хочет (кроме «камуфляжа», чёрного галстука и некоторых других исключений, прописанных в правилах тюрьмы).

«Подтяни штаны!» – кричит капитан на инмейта. «Не могу – я тогда потею!» (общий смешок по рядам).

Играли ли вы в игру «ГТА-сан Андреас»? Там, где в игровом процессе показаны разные банды современной Америки. Сидит себе стайка негров с платочками на головах, семечки лузгает. Проезжает мимо джип. Раздаётся автоматная очередь из окна машины – и негры полегли. Всё дело в том, что платочки у сидящих на лавочке и в машине разного цвета. В здешних условиях чёрный платочек означает крутость и не причастность к какой-либо из группировок, нейтральный цвет правильных пацанов. Но вот незадача – чёрные платочки сюда не пускают. Следовательно, их надо делать самим. Из чего? Носок на голову не налезет, чёрных футболок почти ни у кого нет, да и раскроить сложно. Зато у всех есть бесплатные (от заведения) чёрные трусы с резинкой. Подрезать в двух местах, подвязать – и чудо головной убор готов. Модный парень сразу же чувствует себя дитём улиц и ищет себе подобных, сбиваясь в стайки по 3 – 5 человек. «Ты с какого района? Бруклин? Бронкс? Вау, кул!» Чаще всего трусы надеваются на коротко остриженные головы, так что целевое назначение убора по сохранению причёски можно смело отклонить. Цель одна – «би кул.» Интересно, когда до наших краёв доберётся здешняя мода. Ведь у нас так любят прививать культурные традиции Запада.

Понедельник 4 октября 2010.

Началась очередная неделя. С утра холодно, моросит

дождь. 5 утра. Совершенно без предупреждения, сразу же зовут в комиссарию – местный ларёк. Времени на расчухивания и подтягивания в постели нет. Жутко неохота покидать нагретую постельку, тем более в быстром темпе. Надо! Запасы провианта почти исчерпались. При таких утренних подъёмах моя голова соображает плохо и медленно. Нащупываю под матрасом ручку, с трудом нахожу список покупок за прошлую неделю. И почему я со вчера ничего не подготовил? Чуть не забыл взять батарейку. Чтобы купить новые батарейки требуется сдать старые, так просто их не продадут. Лимит владения – 2 батарейки на человека. Запихиваю наволочку в карман.

Я уже обзавёлся дополнительной наволочкой, чтоб не раздевать свою подушку. Со стороны до сих пор для меня картина выглядит комичной – ходить в магазин не с пакетом, а с наволочкой. Положенных бумажных пакетов в ларьке нет многие годы, все привыкли.

Вот я стою в коридоре: сонный, с не почищенными зубами среди точно такого же сонного царства. Никак не могу привыкнуть к свитерку с длинными рукавами. Зябко. Так, что же сегодня не забыть купить? Рука ощупывает карман: батарейка на месте, не забыл и не потерял. Это главное. Заливаемые кипятком супы, соево-говяжьи колбаски, овсянка, рис, кофе, чай, сахар, тунец... Совершенно не хочется думать. Вот бы вернуться в постель, под тёплое одеяло... Выходим в коридор, набралось 25 человек, ровно половина ха-

ты. Продвигаемся до развилки. Один пролёт коридора совсем прохутился – крыша течёт. На полу разложены одеяла, капли дождевой воды капают в подставленные пластиковые ящики. Вокруг зоны бедствия разложены таблички: «Внимание! Мокрый пол» на английском и испанском языке. Дежурный сопровождающий нас мент советует смотреть под ноги и не подскользнуться. К нашей группе присоединяется по пути ещё 20 человек из другого dormитория. На развилке поворачиваем направо, проходим мимо столовой. Потолок тут подвесной металлический. Недалеко от выхода из столовой ржавчина изрядно разъела ещё один пролёт потолка. Он давно стал тёмно-бурым, с него капают жутко грязные ржавые капли. Капает неравномерно, подставленных тазиков явно не хватает. Проходим это место поскорее, чтобы не попасть под каплю, многие в белых футболках. Один раз и на меня капнуло – пришлось стираться. Конечно же, я тогда был в белоснежной, чистой, свежевыбеленной хлором футболке.

Коридор, лестница, подъёмы и спуски. Проходим через металлодетектор, предварительно вынув батарейки из карманов, кладем их рядом на большое пластиковое мусорное ведро. Если детектор не пищит, берём батарейку и поворачиваем к «комиссарному» залу ожидания. Это маленькое помещение, где на стене висит список доступных товаров на сегодня. Я принимаюсь за модификацию старого списка. Допи-сываю солёный огурец (иногда душа так просит!), очередной

блокнот (вдруг распишусь и получится целая книга. И куда только чистые листы деваются?), зубную пасту про запас (опыт дефицита или нехватки зубной пасты в ларьке подсказывает быть запасливым).

Ждём долго, целый час. Народу много, народу душно и скучно. На ровном месте между двумя молодыми худыми неграми из разных дормиторий возникает недоразумение, немедленно переросшее в драку. Сложно им драться в тесной толпе, которая сразу же драку пресекает и немедленно предотвращает конфликт. Почти сразу прибежала делегация Ментов, забрала несколько ближайших зрителей и одного драчуна. И вот мы уже стоим в очереди скупаться. Пять работающих окошек (в каждом продавец) обслуживают довольно быстро. Счёт за телефон за прошлую неделю 8 баксов, продукты на эту 50 – итого 130 осталось, денег хватит ещё на пару недель. Вот мы вернулись в хату.

Нашего драчуна уже упаковали, теперь его переведут в другой дормиторий и добавят очков в классификацию. Не прошло и часа, как его кровать занял новый постоялец. Этот дормиторий не пустует, очень много заключённых имеют низкую классификацию и сидят за всякую ерунду. Сажают даже за выброшенный из окна машины окурок и пользование мобилкой за рулём. Правда, сидят такие до одного месяца в отдельных корпусах. Эта хата транзитная надолго здесь не задерживаются.

Я сложил все вещи в коробку, разделся и залез под одеяло.

Сейчас будут звать на подстрижку. Ваучер у меня есть, надо сходить: уже и ногти на ногах отрасли, пора подстригать, но не сегодня, ни за какие коврижки я не вылезу из этого царского ложа. Так тепло, хорошо, сладко спиться. Три часа подремал и к 11:00 будят на обед. И я опять сонный в такой замечательной уютной постели. Вылажу, одеваюсь, чищу зубы, выпить кофе не успеваю. Аппетита нет. Выстраиваемся шеренгой, повторяем утренний маршрут.

После обеда звоню домой и консулу. Новостей никаких. И вот со мной впервые за всё время пребывания в Америке происходит с о б ы т и е, которое я ждал с самого моего первого дня. При естественной в таких обстоятельствах паранойе и инстинкте самосохранения я постоянно был начеку и подозревал всех и каждого, кто со мной заговаривал, интересовался ходом моего дела и характером моих обвинений. Я представлял себе «подсадных уток» умными, хитрыми, расчетливыми, постепенно входящими в доверие, как это показано в фильмах. Но реальность просто поражает воображение. Сразу вспоминается старый анекдот: тренировали американцы шпиона для забрасывания в нашу деревню, обучили русскому языку, игре на балалайке, питью водки, одели в телогрейку и забросили в глухое село, где его сразу же и раскусили местные бабульки. «Ты шо сынок, ну и хто ж ты, як не шпион – ведь у нас в деревне негров отродясь не было». За всё время моего пребывания никто ничего не знал про мою не понятную статью УК 460.20 «Кор-

рупционное предприятие». И вот негр из новеньких, даже толком не расслышав мой ответ с названием статьи, за которую сижу, выпаливает с нетерпением встречный вопрос «дую сэм дампис?» Гениально. Это прямо таки моя вторая страница дела, которое я никому не показывал. Притворяюсь валенком. Следующая партия его вопросов ну, просто проходит по всем пунктам списка моих обвинений. С трудом сдерживаю улыбку, но молчу. Гляжу на этого «Штирлица с парашютом за спиной», который театрально задирает футболку и говорит: «Донт ворри (не волнуйся), я не мент, на мне нет микрофонов, вот смотри... Можешь мне всё рассказать, я сам в этом бизнесе». Особенно меня умилил вопрос про «ты знаешь, что такое ВМЗ?» А я – сибирский валенок, ни черта ни в чём не разбирающийся...

Год назад я сидел в Греции в Курдало с одним представителем питерской интеллигенции, оттарабанившим 20 лет по зонам. От него я усвоил гениальный по сути совет, как себя вести в подобных обстоятельствах. В некотором роде это даже мастерство – уметь вести беседу ни о чём, «порожняки гонять». Абсолютно нейтральная беседа, в которой абсолютно не за что зацепиться. И вот вместо чистосердечного признания или малейшего утверждения моих возможных познаний в чём-либо, я плавно съезжаю с темы. Конечно же, качество и грамматика моего английского языка понижаются, да и уровень понимания падает. Часто переспрашиваю, делаю задумчивое, не понимающее выражение ли-

ца. «Донт ноу». Общее представление о деле вроде бы имею, очень поверхностное, но хоть убей, терминов не понимаю. А сам тем временем внимательно слушаю и на ус мотаю. Настоящие ли татуировки у этого негра? Всем агентам секретной службы, ставят такие дорогие искусственные зубы? (Я простых обывателей-заседателей с такими идеальными зубами ещё не видал). Наверное, это завербованный на стороне (из пойманных и согласившихся сотрудничать), а не профессионал. Значит встреча с профессионалом ещё впереди. Сбор информации не получился, зацепок нет, а дело висит. На что они вообще рассчитывали? Что несколько месяцев на плохой еде в скверных условиях обитания выбьют меня из колеи, и я буду хандрить в глубочайшей депрессии в поисках «жилетки для плаканья и излития души?» Или что я буду хвастаться на каждом углу своим делом? Конечно же, негр предлагает мне совместное светлое будущее, где мы будем «красть вместе» и «я его чему-нибудь научу». Здесь я уже просто не в силах сдерживать улыбки. Честно говоря, я уже повидал здесь нескольких болтунов, которые хвастали содеянным и искали оправдания своим действиям, доказывая всем вокруг свою «пушистость» несмотря на содеянное. Не зря говорят, что болтун находка для шпиона. «Порожняковая» беседа не вызывает бурного интереса у моего собеседника. Каждая его провокация видна невооружённым взглядом. Он «понимает положение бедных, но умных выходцев из постсоветского пространства, у которых просто

нет иного пути существования, кроме как воровать карты у богатых буржуев»! Я эту тему не развиваю, к его неудовольствию, потом он пытается убедить меня, что «сейчас все вокруг воруют карты, продают и покупают краденную информацию и это нормально. Да и сроки минимальные дают, иногда даже выпуская на свободу первоходовок после чисто-сердечного признания (на поруки под честное слово никогда не делать этого в будущем)». Вместо ожидаемой с его стороны моей бурной реакции на эти последние слова последней надежды выйти отсюда поскорее, моё лицо остаётся безучастным. В конце концов все его провокации исчерпались. После этого момента из риторических вопросов с элементами непродуктивного диалога его интерес ко мне угас. Весь остальной день он со мной не разговаривал. Я много думал, анализировал все его вопросы и всё сказанное мной. Нет, мой мозг не деградировал, я нахожусь в абсолютно здоровом уме, инстинкты самосохранения на высоте. Четыре недели осталось до суда. Остаётся ждать новые сюрпризы, я к ним полностью готов. Надеюсь.

Вторник 5 октября 2010.

«Никто не забыт, ничто не забыто». Вот и про меня не забыли, как я вначале думал. На поклон к прокурору я не соизволил явиться, хоть он меня и приглашал. Зная привычку Бэндлера докапываться, придираясь к словам, хранение молчания является вполне разумной идеей. Даже интервью журналистам до суда я решил не давать, хоть они и собира-

лись приехать из Киева и сделать репортаж. Теперь меня пытались разговорить насадкой. Жить стало веселее.

Сегодня впервые за долгое время пораньше поднялся с постели, ещё до обеда. Почистил зубы, попил кофе, позавтракал овсянкой: я как-то живее стал чувствовать себя со вчерашнего дня. Состояние летаргического сна ушло, да и теперь совсем не скучно жить. Теперь прокурор наблюдает за мной чужой парой глаз, что он ожидает увидеть? Как сделать всё наоборот, вопреки его желаниям? Держать оборону до даты суда! Приучить себя вставать рано. На суд в 4:30 утра поднимают. Вчера утром в ларьке я чувствовал себя вялой сонной мухой, а ведь в таком состоянии надо будет прокатиться до здания суда и не растеряться, быть начеку во время заседания. Самое время менять распорядок дня.

«Подсадная утка» – ранняя птичка, проснулся раньше меня. Наблюдаю со стороны за ним, жду его реакции. За целый день он со мной не заговорил, зато к нему просто таки прилип молодой паренёк, сидящий за ворованные карты. Нашёл себе гуру, называется! Не хочется вступать не в своё дело, но давать кому-либо советы с кем кому дружить я не намерен. Может я ошибаюсь и глубоко заблуждаюсь (ага, щас) относительно знатока карт и он – невинный агнец, а не посланный правоохранительных органов, и вообще я тут гость, сохраняющий ко всему нейтралитет. Наверно, я совершенно не разбираюсь во взаимоотношениях американских негров и всей их ней системе понятий и ценностей. Вряд ли без чёр-

ных трусов на моей голове они прислушаются к моему мнению. Буду постепенно познавать этот загадочный мир, но ни в коем случае не ассимилироваться и не искать своего места в нём.

Сегодня днём после обеда не спалось, слушал радио. Рассказывали о группе русскоязычных хакеров, утащивших три миллиона долларов у «бедных» американцев. Выступал по радио юрист, ничего нового я не узнал, лишь уверился в своих познаниях сложившейся ситуации. В пресс-релизе пишут, что их посадят и дадут по 30 лет срока. Де факто это статьи УК, предполагают до 30 лет, реально же дают от полугода до двух. Организаторам не больше восьми. Общественность довольна: справедливость восторжествовала, в тюрьме, можно жить спокойно. Сколько дел, в конечном счёте, реально доходит до суда и успешно закрывается, нигде не афишируется, не понятно. А ещё меня поразили новости о Викторе Буте, ожидающего со дня на день экстрадицию в Нью-Йорк из Таиланда. Ему завели второе дело по отмыванию денег и мошенничеству, чтобы выпереть из страны. Как же до боли это знакомо! Те же не законные методы, та же безукоризненная эффективность. Лишь одному Поланскому удалось покрутить дули Америке из Швейцарии, но какой ценой. С такими аппетитами по экстрадиции скоро тут мест не будет – куда же эту новоприбывающую публику девать?

Вот день подходит к концу. После ужина принимаю душ, стираюсь, кушаю супчик. С похолоданием стал больше ку-

шать. По радио вещают рассказ Бунина «Натали». Эти полу- часовые аудиокниги подстёгивают меня самого к творческой писательской деятельности. Вдохновлённый, с десяти вечера принимаюсь за бумагомарательство. Сажусь на коробку с провиантом, кладу блокнот на застеленную постель и принимаюсь выводить неудобной гибкой ручкой ужасные каракули на расчерченной в линию бумаге. Голова свежа и ясна. Пью за день много горячего чая, согреваюсь. Чай без кофеина (в ларьке другого нет, чтобы не чифирили), но на мою бодрость сей факт не влияет. Странно, но со вчерашнего дня я весь воспрянул духом, но это не перевозбуждение или нервы. Это напоминание самому себе, где я нахожусь. Ошибки совершенно не простительны в таких обстоятельствах неравной борьбы, и они возможны с обеих сторон. Так, что держу оборону. Ещё четыре недели. Успею подготовиться, не упасть духом и не перегореть. Пишу эти строки в моргающем свете. Если лампы мигают, то это дежурный мент сигнализирует об отбое, который настанет через считанные минуты. Время идти чистить зубы и готовиться ко сну. Что-то я сегодня чрезмерно увлёкся писаниной не заметил, как два часа пролетело. Столько времени пролетело, что назад оглядываться страшно.

Среда 10 октября 2010.

Итак, с сегодняшнего дня я начал жить по новому распорядку дня. В 5:30 утра нас разбудили – замена постельного белья. Одеваю штаны, носки, кроссовки. В хате из-за до-

ждей чувствуется сырость, поэтому теперь на ночь стал вынимать стельки из кроссовок – пусть проветриваются. Более двух лет (!) эта пара китайских кожаных кроссовок служит мне верой и правдой. Купил я их в Польше на распродаже, всего за 30 баксов. Первый раз одел их на Кубе, где и проходил 10 дней, всё время моего отдыха на этом чудесном острове. Спустя 5 месяцев, в них же я отправился на остров Родос. С тех пор кроссовки в основном гуляли по маленькому кругу тюремного стадиона на острове Кос, а затем по европейскому континенту в тюрьме Курдало. При бережном уходе они успешно сохранились до сих пор, иногда наведываясь на местный тюремный стадион, с которого открывается вид на задворки Бронкса. 15 дней свободы и почти 29 месяцев хождения по мукам. На левом «туфле» протёрлась кожа, на правом треснула перфорация в районе сгиба носка, стельки стали плоские как блины, аксельбанты на шнурках растрепались. Подошва держится надёжно: щелей и зазоров нигде нет. Покупая эти кроссовки, я даже и представить себе не мог, что совершу в них практически кругосветное путешествие от райского острова и до первых кругов ада. Путешествие продолжается.

Я развязываю узлы на простынях, меняю бельё на чистое. Вчера принимал душ, за ночь полотенце так и не высохло. Очень кстати эта замена белья, иначе оно вскоре начало бы дурно пахнуть. Теперь стал гораздо лучше отжимать бельё после стирки и многократно встряхивать его, избавля-

ясь от последних мелких капелек воды. На новых простынях уже привычным образом завязал узелки, застелился.

Пошёл пощупал самовар – горячий и полный, что странно. Заварил себе чашку чая с сахаром да залил кипятком овсянку. Позавтракал. Может, даже попробую на этой неделе встать разок и сходить на положенный завтрак. Лампы в хате не горят, на улице только-только начинает рассветать. Зовут на стадион. Во всей хате желающих не нашлось. Гулять по мокрой траве после вчерашнего дождя? Представляю как там холодно и сыро. Залажу в чистую постель и быстро засыпаю.

Хорошо по утрам пить горячее и кушать овсянку, организм это чувствует. Пара часиков хорошего крепкого здорового сна тоже на пользу. Встаю в 10 утра полный решимости и вдохновения. Вокруг тишина – все спят. Школьники в школе, уборщики моют полы. В ванной комнате никого нет, всё вокруг чистое, свежевывмытое, приятно пахнущее. Не надо выбирать умывальник почище – нигде нет ни мыла, ни пены, ни волос и сбритой щетины, ни следов зубной пасты.

Делаю себе полную чашку крепкого кофе со сливками. Тишина вокруг радует слух, даже радио слушать не хочется. Пью кофе и внутренне борюсь с желанием опять залезть под одеяло и подремать до обеда. Может ещё кофе выпить? Кофе начинает действовать. Сонное состояние, выработанное привычкой, сменяется волной творческого вдохновения.

Достаю свои записи, начинаю корректировать и дописывать. Мне там совершенно ничего не нравится: одни деепричастные обороты да обрывки мыслей. Черкаю и творю до обеда. 11 часов, идём в столовую, хоть утром и завтракал, но за какой-то час до обеда успел проголодаться. Сегодня в столовой покрасили стены в бледно-фиолетовый цвет (раньше был бежевый). Окна открыты (всё равно на них мелкая металлическая сетка, как сито, чтоб ничего нельзя было выбросить из окна), из них дует. Пропускаю часть людей вперёд себя. Первые, взявшие еду садятся за стол, начиная от окна. Я сажусь ближе к центру, пусть пахнет краской, лишь бы не на сквозняке. Тут не то, что парацетамола, простого аспирина не допросишься. В лучшем случае дадут таблетку какого-то тайленола (у меня закралось подозрение, что это вообще плацебо, а не лекарство). Если заболеешь, то могут забрать в больницу. Выписываясь из неё, назад в свой dormitorio не попадаешь, засунут куда попало. Прошлой зимой здесь была эпидемия нового гриппа, многие dormitorии были закрыты на карантин: ни свиданок, ни улицы. В столовую карантинные ходят в одиночестве, не пересекаясь с другими dormitorиями, как делается при сигнале тревоги. Зима ещё впереди предстоит готовиться. Три одеяла у меня есть, тёплые носки в изобилии. Витаминов хватать не будет, фруктов мало, о чесноке и луке не приходится мечтать. Даже сахара не хватает – в этом дорме несунув с кухни нет. Пора всерьёз задуматься об утренних завтраках.

Дважды звонил Насе, не дозвонился, лёг полежать на пару минут... заснул на 2 часа. Опять пью кофе, но вдохновение так и не приходит. Слушаю радио, опять мусолят тему русских хакеров, которые вовсе и не хакеры. Как бы ведущие не хулили бедных студентов и студенток, но врагов народа, по мнению русскоязычных радиослушателей, из них ну ни как не получается сделать. Они скорее герои, которыми восхищаются. Ведущий радиопередачи восклицает: «Да что это такое! На какую зону мы вещаем?». Ещё почему-то бедному старому Лужкову здесь на русскоязычных радиостанциях кости перемывают, и Кремль жутко не любят, подтрунивая по каждому удобному случаю. И Белый Дом не шибко хвалят. Может быть, просто душу отводят, кто их знает.

Четверг 7 октября 2010.

Сегодняшняя попытка раннего подъёма не увенчалась успехом: проснулся, немножко пообщался, не покидая постели, и дальше уснул до обеда. В 8 утра меня разбудил своими сборами (уходил этапом на «стэйт» – тюрьму) сосед с соседней кровати. Старый знакомый, который в эту хату перешёл вместе со мной из прошлого 16 дормитория. До этого вместе с ним ездили на суд. Ждал он суда 6 месяцев, вчера осудился. Суд предложил ему срок заключения 7 с половиной месяцев, если он согласится взять вину на себя. Он взял. Теперь ему осталось досидеть полтора месяца в тюрьме штата, к Рождеству будет дома. Сказал мне, что он не виновен, но другого выбора у него не было. Если бы он дальше

пошёл отстаивать справедливость в суде, то этот Новый Год он бы встретил здесь в dormitorio. А дома семья, детишки ждут. Судебный процесс (trial) – дело затяжное, и не факт, что удастся его выиграть. Проиграет – 3 года сидеть придётся, так что он пошёл на сделку с прокурором, «чистосердечно сознался», получил 7,5 месяцев, и на этом всё закончилось. Никакой нервотрёпки, бесконечного ожидания, езды по судам. Да и суд в случае сделки не тратит бюджетные деньги города на судебный процесс. Прокурор не только повышает статистику раскрываемости преступлений, но и берегает деньги города, упрощая сразу же брать вину на себя и полностью раскалываться.

Мне мой прокурор Бэндлер предложил со слов адвоката, «крэйзи дил – всего лишь три года!». Если буду судиться и проиграю по всем пунктам обвинения, то судья может дать от 6-ти до 12-ти лет. Есть и хорошая новость коррупционное предприятие, краугольный камень всего моего дела, на прошлом слушании с меня окончательно снял другой судья. Теперь все обвинения идут сами по себе, ничем сверх серьёзным не скреплённые. Но, блин, много их осталось: 60 актов по 8-ми статьям. Борьба предстоит нелёгкая – иного пути нет.

Спустя некоторое время после моего прибытия в Америку один из судей снял с меня обвинение в коррупционном предприятии, Бэндлер сразу же подал апелляцию на это решение и начал на меня психологически давить. Он заявил

мне: если я возьму вину на себя до того, как судья даст ответ по коррупционному предприятию, то он гарантированно может предложить мне «всего лишь» три года. Если судья повесит это обвинение на меня опять, то при чистосердечном признании без судебного процесса будет уже минимум пять лет, а если пойду судиться и проиграю, то могу получить аж от 12 до 35 лет. Подталкивал, торопил меня сдаться и взять три года пока суд не вынес решение. И суд, в конце концов, постановил: коррупцию снять. Я думаю, что прокурор прекрасно понимал, что суд этот пункт обвинений отклонит. Следовательно, он подавал апелляцию не для того, чтобы опять прицепить ко мне коррупционное предприятие, а чтобы намеренно сгустить краски и умрачить моё положение, вынудив меня сдаться, испугав меня перспективой получения многих лет тюрьмы вместо каких-то трёх. Я знал, что со всех остальных участников дела «предприятие» сняли, оно оставалось только на мне. А один человек, сам единолично, без соучастников не может быть обвинён в организованной преступности, обязательно требуется преступный сговор между соучастниками для создания коррупционного предприятия. Если сговора нет, то получаются отдельные преступные акты согласно УК Нью-Йорка ст. 460.20. После моей маленькой первой победы прокурор через адвоката пригласил меня к себе, поговорить. Я не поехал. Всё сказанное мной он может использовать против меня, а молчание подсудимого никак нельзя использовать против под-

судимого. На суде вообще можно молчать, ничего не объяснять, не оправдываться. Презумпция невиновности здесь, в отличие от Греции, есть так, что посоветовавшись с адвокатом, я решил играть в молчанку. Улик нет. Это «липовое дело» никак не получается слепить воедино. Миллионы долларов уже потрачены на проведение расследования, им же надо отчитываться о проделанной работе. Перспективы стать прославленным детективом и получать приличную пенсию покрылась для Бэндлера туманом и моё будущее тоже в тумане. В общем, мы как ёжики в тумане.

Своему бесплатному адвокату с момента моего последнего суда я так и не дозвонился. Консул откликается с готовностью, но новостей у него нет. Интересно куда подевался мой внутренний украинский паспорт, незаконно конфискованный секретной службой Америки в ходе обыска, проведённого у меня в киевской квартире по месту прописки. Наши «доблестные» правоохранительные органы со всей готовностью услужить пану негру в Белом Доме, низко кланяясь, невзирая на наши законы и здравый смысл, на «золотом блюдечке с серебряной каёмочкой» отдали иностранным вторженцам собственность Украины – внутренний паспорт гражданина Украины. Этот паспорт по нашему же закону не должен покидать территории страны и не является личной собственностью владельца, принадлежит выдавшему его государству. Теперь если секретная служба вздумает уничтожить документы, удостоверяющие мою личность (всё

у них в руках – внутренний и заграничный паспорта, водительские права), то каким образом я смогу доказать кто я такой? На лицо кража личности, прямо как в фильме «Идентификация Борна». Только это не приключенческий фильм, а бюрократический кошмар получается. Поживём, увидим.

А пока я потешаюсь над местными неграми по хате. Сегодня меня спросили: «Ты с Украины? Это Европа? Вы на другой стороне планеты живёте? У вас там, на Украине тоже 365 дней в году?» и это была не шутка, а вполне серьёзный вопрос. Незнание, где в мире ездят машины с правым рулём, а где с левым – я могу понять, приравнивание Украины к Сибири по вечным морозам и холодам я тоже в принципе могу себе представить. Мало ли где Норильск, а где Киев. Здесь в школе проходят географию лишь одной страны. Кстати, я заходил в здешний школьный класс. Возле школьной доски на стене висит карта мира, на ней Америка расположена по центру, с детальным указанием не только штатов, но и небольших городов. Весь остальной мир располагается вокруг Америки, на периферии. Это не два полушария, а одна цельная карта, потрясающая воображение. «Empire state of mind». Куда я попал?

Кстати, не так давно я тут придумал тест на адекватность. В прошлой хате мой сосед, итальяно-латино-американец, иногда спрашивал новоприбывших: «Что тяжелее фунт металла или фунт ваты?» Но это скорее был тест на внимательность. Я вспомнил подобный тест начальной школы:

«курица на одной ноге, стоя на весах, весит 2 кг. Сколько она будет весить, стоя на двух ногах?» Вопрос стал настолько актуальным, что его стали задавать даже дежурным ментам. Менты отвечали без запинки, сразу и всегда правильно, в отличие от «трусов на бритую голову». Ответ некоторых из них «4» просто взрывал аудиторию (некоторые отвечали правильно, предварительно подумав). Адекватные с виду люди, абсолютно не странные с виду – всегда отвечали правильно, встречались и недоверчивые, которым даже приходилось доказывать, что правильный ответ 2, а не 4.

Прав был Задорнов, невероятно прав относительно наших стереотипов про обычного американца. Я всегда думал, что он шутит и утрирует, но это чистейшая правда, я убедился на опыте. Может, конечно, я не в том месте делаю выборку для среза знаний, но знаний здесь нет. Может быть недельный лимит в 50 пакетиков сахара, установленный в ларьке (и искусственный дефицит глюкозы для работы мозга) и отсутствие художественной и обучающей литературы в здешней библиотеке специально сделаны для отупления, препятствуя саморазвитию. Получается разделение народных масс на касты, прямо как в Индии. Одни в Гарвардах, другие в дормиториях. Кросс-обмен между этими двумя кастами односторонний. Гарвард в спущенноштанниках не нуждается, и так там «местов» нет. Тут есть.

Суббота 9 октября 2010.

Распогодилось. Я думал, что наконец-то к похолоданию

включили подачу тёплого воздуха вместо холодного из вентиляционных отверстий в потолке. Оказалось, что это потеплело на улице. Согласно прочно укрепившейся непобедимой привычке проснулся к обеду. Умылся, почистил зубы, но не успел выпить кофе, заспанный, ничего не соображающий.

Вот открываются двери в основной коридор, идём шеренгой как обычно, но капитан направляет нас не в столовую, а совсем в другую сторону. Интересно. Поворачиваем налево, где располагается мой старый dormitorio. Кроме двери на улицу в той стороне ничего больше нет. Странно. При выходе из dormitorios нам строго-настрого приказали не болтать в коридоре и даже проверили наличие бейджика (с именем и фоткой), который на груди. В коридоре куча Ментов и несколько капитанов. Куда мы идём? Вот дверь на улицу. Мы выходим из здания! Улица! Как давно я не дышал свежим воздухом. А как тепло! Греет солнышко, ветер колышет траву, голубое небо и асфальтированная дорожка под ногами с высоким сетчатым забором по бокам и крышей над головой. Закрытый коридор под открытым воздухом. Сегодня мы будем обедать в столовой, которая находится в отдельном здании, чем-то напоминающем полевую палатку или торговый стадион. Наверное, нашу столовую решили всю окрасить. Пока сгруппируемся, пока дойдём до столовой 5 минут жадного вдыхания уходящего лета. И вот мы у дверей с надписью «Mess hall». Представьте себе белый зонтик без руч-

ки в разложенном виде, стоящий на земле. Как будто большой чеснок с окном в каждом зубчике, металлические спицы – несущая конструкция здания, облепленная пластиковыми листами и с окном в каждом пролёте. Идея интересная, вот бы такой дачный домик построить, дёшево и практично.

Внутри всё точно такое же, как и в нашей столовой: выдававшие виды столы с привинченными стульями, окошки выдачи еды и канистры с «соком». Подносы маленькие бумажные одноразовые. Еда та же самая. Покушали, вышли из столовой, постояли немного на улице, дождавшись пока следующий дормиторий скроется в недрах здания. Какая изумительная, замечательная погода! Возвращаемся не спеша, продлевая миг ощущения воли. Входим в наше здание с замечательным настроением, последние по настоящему летние деньки! Встать бы завтра пораньше да выйти погулять на стадион пока не ударили холода.

Позвонил домой, поговорил с Настей. Взял бумагу, ручку... вдохновения нет. Вздремнуть бы часок. Не укрываясь одеялом кладу голову на подушку... Сплю до ужина. Просыпаюсь, включаю радио, время давно перевалило за 5 часов, а ужинать всё не идём. В хате тишина, игровая комната закрыта, телефоны на стене без телефонных трубок. Очередная тревога. Значит, кто-то что-то умудрился вынести с улицы: идя туда и обратно мы не проходили через металлодетектор. Сколько всяких гвоздиков, шурупчиков было на пути и на территории вокруг заброшенных летних зданий, мимо

которых мы шли к столовой и никаких камер наблюдения.

Зовут на ужин. Зовущий нас мент почему-то в одноразовых резиновых перчатках. Строжайше приказывает нам молчать в коридоре: «If you have something to tell just, swallow it». Выходим, в маленьком коридорчике по пути до малоиспользуемой двери пожарного выхода на улицу, стоят менты 10—15 человек, все в перчатках. Значит будут шмонать. Обыск поверхностный. Прощупывают, но в карманы не лезут. Значит ищут оружие. Тишина. С той стороны двери, на улице уже слышны возгласы возмущения «вот зэ фак». А на улице вечер, солнце село появилась мошकारа. Пахнет морем и желтеющей травой. Вот бы и завтра пойти сюда кушать.

С обеда ничего не ел, весь день проспал и теперь очень хочется кушать. Ужин порадовал: 3 куриные котлеты (вместо положенных 2-х), картофельное пюре и размороженный набор отварных овощей (фасоль, горох, морковь, картофель, спаржа). Котлеты мягкие и горячие, пюре съедобное. Никогда я ещё не кушал столь вкусно приготовленной еды в здешних столовых. Наш дежурный мент – толстая пожилая негритянка в очках – говорит нам, чтобы сегодня хлеба и вилок из столовой не выносили, из-за этого могут быть неприятности. Некоторые захватывают с собой недоеденные котлеты и оставляют их на улице, просто на земле. Здесь столько котов шастает! На проходной отделяющей полузаброшенную базу от коридора, я заметил миски с водой и сухим кошачьим кормом. Следовательно, наличие котов здесь предусмотре-

но, хвостатые охранники, оберегающие территорию от мышей и крыс. Всех нас поразил один из этих котов: он одним махом вскарабкался на шестиметровый сетчатый забор, развернулся на верхушке, не порезавшись о колючую проволоку, и умудрился задом спуститься вниз, успешно перейдя на противоположную сторону. Наблюдали мы за котом уже выйдя на улицу после ужина.

Здесь нас задержали минут на 10, но никто не возражал. Над нами периодически взлетают самолёты с аэропорта «La Guardia», а ещё видны звёзды. Первые звезды увиденные мною в этой стране не на флаге. На обратном пути нас не шмонали. Входим в хату, какой режущий глаза свет, какой спёртый воздух в этом помещении. Душевые не доступны, телефоны выключены. Тревога продолжается. Все находятся в одной комнате на своих кроватях. Шумно. Пью третью чашку кофе, но вдохновение так и не приходит, совершенно не получается писать. Слушаю радио, теперь и в выходные дни есть хотя бы одна русскоязычная станция.

Вот и полночь миновала, свет потушен, зубы почищены. Слушаю и слушаю радио. Кофе работает отменно, сна ни в одном глазу, мои глаза сфокусированы на потолке, отдыхают в темноте от назойливого света люминисцентных ламп. Сложно здесь сберечь зрение.

Воскресение 10 октября 2010.

На стадион с утра не звали – я и забыл, что весь корпус закрыт, нет никакого движения заключённых кроме столовой.

Следовательно, обед может задержаться. Постиранные вчера штаны высохли, но забрать их с игровой комнаты нет возможности – она закрыта. Беспокоиться нечего, можно спать и спать.

К полудню я проголодался: позавтракал овсянкой, выпил кофе, видимо позвонить домой сегодня не удастся и шмона не избежать. Только началась интересная передача по радио, как они пришли. Откладываю радио, снимаю носки, надеваю шлёпанцы, пристёгиваю бейджик к футболке и сажусь на угол кровати. Руки за голову, гуськом идём в душевую. Там мы разденемся, нашу одежду ощупают на предмет наличия оружия. И тут я чувствую в левом кармане вилку, которую забыл вынуть ещё со вчерашнего вечера. Сбрасывать её на пол уже поздно – сразу же привлеку к себе внимание. Заходим небольшими группами, раздеваемся. Даю свою одежду менту, может он просто выбросит вилку на пол. Снимаю футболку, с безразличным видом подаю ему штаны. Он их мнёт в руках и не замечает длинного твёрдого предмета в моём кармане. Просит открыть рот. Очень внимательно осматривает подошву шлёпанцев, а 12-ти сантиметровую вилку в кармане он не находит! Отдаёт мне вещи. Одеваюсь.

Нашу мини группу выводят в игровую. В одном углу там сложены стулья, в другом свалено на полу сохнувшее бельё (наверно, мои брюки уже успели окончательно высохнуть). Становимся шеренгами лицом к стене, затылком к хвату, не видя, что там за спинами происходит. По несколько

человек вызывают к кроватям, проводя обыск кровати в присутствии владельца. Меня вызвали в числе последних, когда практически все кровати уже были перерыты. Мою кровать обыскивала молодая, слегка полная негритянка. Ни пластиковой коробки из-под овсянки, в которой лежало мыло, ни картонной коробки из-под зубной пасты она не выбросила. Прощупала лежавшие под матрасом футболки, аккуратно вывернула запасы провианта, оставив пакетики чёрного перца, соли и горчицы (хотя по идее это по правилам следует выбрасывать). Даже в аккуратно сложенных бумагах не рылась. В этот раз повезло. У соседа же наоборот – всё перерыли. У него под матрасом вместо аккуратно сложенных вещей обнаружился бардак. «Парень, после обыска здесь хуже не будет» – иронично пошутил мент, копаясь в горах помятой одежды и комканных простыней. Обыск закончился.

Я перестелил постель, быстро сложил небольшие остатки провианта назад в коробку. Завтра ларёк, денег осталось недели на две. Придётся экономить, во-первых, надо не забыть купить ручку, в этой осталось около 2см чернил в стержне. Сама ручка длиной около 10см, прозрачная и гибкая. Сам стержень в ней толстый, но и его стенки толстые, поэтому на самом деле внутри очень мало чернил и они кончаются быстро. Не знаю, сколько придётся исписать 40-ка центовых ручек, пока получится книга. Для себя я твёрдо решил – напишу обязательно. Нечего ассимилироваться со здешней средой.

Обедать нас повели в старую столовую, при входе в неё мент снимал всех проходящих через металлодетектор на видеокамеру. «HD» Сонька на штативе. В столовой никаких видимых изменений не произошло. Значит, тут что-то произошло, какое-то происшествие. Конечно же, в моём дормитории никто ничего не знает и не интересуется. Плохо жить в неведении окружающей обстановки. До самого вечера телефоны не давали, лишь после ужина тревогу отменили, и жизнь вернулась в прежнее русло. Позвонить домой сегодня не удалось.

Быстренько набросал список необходимых покупок на завтра, написал страничку дневников и до самого отбоя слушал радиостанцию «Голос России». Рассказывали о том, как Л. Толстой писал «Войну и мир». Переделывал, переписывал, у него даже была специальная бригада переписчиков, не считая, его жены. Я же не то, чтобы переписать – перечитать написанное с трудом могу, редко какая строчка мне нравится. Поживём – увидим, что из этой затеи выйдет.

Ночь на понедельник. Завтра рано вставать, а спать совершенно не хочется. Русское радио прекратило вещание, пере скакиваю с одной станции на другую. Темно. Бледные ночные лампы не горят. Душно, зудят комары. По теории вероятности им есть, кого здесь кусать кроме меня, я о них не думаю, пора бы подстричься, скоро ногти прорежут дырки в носках. И постираю завтра свитерок пока тепло, скоро его опять придётся надеть. Недурно бы написать одну из за-

планированных глав книги. Может адвокату позвонить? Нет, чёрт с ним, не буду, и так дел хватает.

Понедельник 11 октября 2010.

Утро. Такое чувство, что совсем недавно задремал, только-только начало сниться что-то хорошее. «Get ready for commissary» – будит нас мент. Надо вставать. Список написан, батарейка наготове. Чищу зубы, умываюсь и как в такую рань и с такой головой можно ехать на суд? Самовар отключён. Пью стакан газировки. Двухлитровой бутылки хватило на неделю. Перед каждой творческой потугой выпиваю полстакана «спрайта» (вообще-то это дешёвенький субстрат спрайта, тем не менее, стоящий здесь полтора доллара) и принимаюсь за выведение строчек этого текста на бумаге.

На эту неделю придётся ограничиться кофе и сахаром. Сегодня нас собралось более половины дормитория чужих дормов к нам паровозом не цепляли, мы быстренько пришли, затарились и ушли. Мент в окне ларька поинтересовался, как правильно читается моя фамилия. Из сказанного мной перечня желаемых товаров он понял всё с первого раза, не переспрашивая. В соседнем окошке торгует старая противная мымра афроамериканского происхождения в очках. То ли она притворяется, то ли действительно не понимает моего английского языка с ужасным «рязанским» акцентом. Её окно я всегда игнорирую, и не только я – редко кто из впереди стоящих в очереди устремляется к её окну.

Еда на 18 долларов занимает менее половины наволоч-

ки-мешка. Быстро и скромно прошёл процесс закупки провианта: сладких булочек не было, печенье надоело. Дополнительного сахара добыть негде – кухонные несуну так и не зародились в нашем дорме.

Вот мы вернулись обратно в хату, я упаковал покупки в коробку, сложил накладные под матрас. Лёг, ещё целых 17 дней до суда – успею подстроиться. Как же меня утомила эта двухчасовая прогулка до ларька и обратно. Сейчас 7 утра. Из суда я вернусь в 7 вечера.

Снял штаны, носки и не такие большие у меня ногти, ещё недельку вполне подождут. Укрылся с головой одеялом и заснул крепким здоровым сном до обеда. В обед нас опять снимали портативной видеокамерой у входа в столовую. В коридоре много капитанов, возле камеры стоит детектив, одетый в гражданское и бляхой, висящей на чёрном шнурке на шее. Наблюдает. Без бляхи на улицах города я бы скорее принял его за хронического алкоголика, а не детектива.

Пообедали и вернулись в хату. В столовой ещё мигали лампочки тревоги, а вот в коридорах всё спокойно. Домой я не дозвонился, улёгся слушать радио. Сегодня передавали очень интересную и вдохновившую меня передачу про Маршака. Оказывается он 10 лет жил в Англии, закончил там универ и знал английский язык не хуже лингвиста-носителя. Ездил он по Англии, собирал и записывал народное творчество, пополнял словарный запас и занимался переводами английской детской поэзии на русский язык. Как просто и ге-

ниально звучат его переводы! Сразу же почувствовал себя дураком: переводчиком мне быть не дано. Я прекрасно понимаю суть фразы на английском языке, НО донести её смысл на русском никак не могу. Меня не устраивают построенные мной лингвистические конструкции. Может быть, искусству перевода надо учиться независимо от изучения самого языка, может быть надо пожить с десятков лет в окружении носителей языка (не включая носителей, носящих странные головные уборы). Если консул принесёт словарь, буду развлекаться чтением словаря.

На улице +23С, дождь собирается, парит. Совершенно ничего не хочется делать. Проверил баланс, внёс в свой бухгалтерский листок расходы за сегодня – всё сошлось. На следующий понедельник осталось 56 баксов. Иногда местные компьютеры дают сбой, из-за которого со счёта пропадают суммы от доллара до сотен долларов, я был тому свидетелем. С тех пор собираю и берегу все накладные, сверяя баланс каждую неделю. Не собираюсь дарить этим супостатам ни доллара. Надеюсь, что никогда в жизни не придётся считать копейки. Приходится, но не копейки, а центы.

Элементарные математические операции меня вконец сморили. Лёг спать и спал так крепко, что даже предварительные зазывания дежурного мента готовиться к ужину, меня не разбудили. С постели, быстренько приведя себя в порядок, отправился в столовую. Хорошо спал не я один – погода такая. Опять видеокамера у входа в трапезную, с ней

детектив и стайки капитанов и капитанш. Еда вкусная: 2 соевые котлеты, 3 ломтя хлеба, листья салата, кетчуп, отварная морковь, кукуруза и труха консервированных ананасов. Сделал себе здоровенный бутерброд, поел кукурузы, съел всю порцию ананаса. По возвращении выпил чашку кофе, принял прохладный душ (уже стал привыкать к слегка тёплой воде, горячая здесь редко бывает, в отличие от предыдущего дорма). Постирал свитерок, футболку, послушал радио. Наконец-то мой мозг проснулся, и пришло вдохновение. Уселся на коробку с провиантом, взял блокнот и начал писать. Вдохновение всегда приходит к вечеру: ни утром, ни днём ничего не получается, поэтому и ночью плохо засыпаю – ну никак вдохновение ни покидает. Вот бы мне диктофон и отдельное помещение, подальше от шума, может писанина продвигалась бы быстрее. «Маемо те, шо маемо».

Среда 13 октября 2010.

Пятница. Сегодня не среда, а самая настоящая пятница, тринадцатое. Но обо всём по порядку. Утро, ну совершенно ничем не примечательное. Все события начались после обеда. Все телефоны свободны – решаю позвонить домой. Дозваниваюсь и чувствую, что положенные 15 минут могу не договорить: вдруг резко и совершенно неожиданно захотелось сходить «по-большому». Терплю – вот сейчас договорю и побегу. Мне с телефонной трубкой в руке сквозь плексиглас видно наличие туалетной бумаги, висящей на соседней стороне. Довести до конца телефонный раз-

говор мне не удалось. Надо же, чтобы именно в этот неподходящий момент, неожиданно-негаданно, появилась дежурная «сл-о» и сказала, что меня ждёт консул и надо идти прямо сейчас. Замечательно. Беру выписанный пропуск, иду коридором, вроде бы не всё так критично, терплю. Прохожу в помещение «intake», где следует переодеться в серую робу без карманов – это спецодежда для встреч. Привезли группу новеньких – жду пока их обыщут в раздевалке. Долго жду и думаю, что же такого я вчера съел. Минуты тянутся бесконечно. Наконец-то переодеваюсь и иду на встречу. Голова же совершенно о другом думает, никак не могу настроить себя на беседу с консулом. Молоденькая дежурная ментиха сообщает, что консул ждёт меня уже целый час с того момента, как меня позвали. Пока звонок дойдёт до дорма, пока выпишут пропуск, пока пройду путь от дорма до «интейка», пока дождусь свободной раздевалки – система работает медленно.

Наконец-то я вижу консула. Газет на непонятном для американцев языке не пропустили, словарь тоже не разрешили. Даже из рук самого консула! Консул настроен по-боевому. Говорит, что попробует всё выслать по почте. Мои мысли полностью переключились на важную беседу, две недели до суда – остаётся ждать. К концу беседы я заметил, что одевая серую спецодежду я умудрился поцарапать плечо липучкой. Теперь оно саднит, когда вернусь, то намажу кремом.

По дороге назад молоденькая чёрненькая негритяночка с наманикюренными ногтями и в ментовской форме начала

со мной флиртовать: как правильно произносить моё имя, чтобы правильно звать меня в будущем, какой у меня адвокат и т. п. Забавно. В коридоре встретил одного старого здешнего знакомого: в первый день моего прибытия в МДС, мы вместе сидели в камере ожидания. 26-го числа его уже освобождают, а я 27 только собираюсь судиться. Сей факт его удивляет.

Возвращаюсь в хату. Наличие туалетной бумаги по приходу порадовало. В хате с прояснившейся головой приступаю к фронту работ: надо написать письмо консулу и проверить, сколько времени оно идёт до адресата. Заодно решаю дописать письмо домой – конверт давным-давно подписан, марки наклеены, а вот вдохновение дописать недописанное письмо никак не приходило. Выпил кофе, но оно никак не помогло.

Улёгся спать до ужина. После ужина накропал лист консулу, подписал конверт. Теперь осталось написать письмо домой. Мыслей нет, поэтому сделал паузу и пошёл смотреть мультик с ДВД диска и лишь под самый вечер я развернул бурную деятельность. К половине двенадцатого все письма были написаны и уложены в подготовленные к отправке конверты. Лишний раз перепроверил их, чтобы ненароком не перепутать письма местами. Заклеивать или нет? Может, утром что-нибудь допишу.

Вспомнилась история про одного нехорошего капитана, который при проведении обысков вскрывает заклеенные конверты, проверяя их содержимое. После этого конверты

становятся не пригодными к отправке. У меня на руках два конверта. На одном из них аж 5 марок наклеено – было бы жалко их потерять. Какие шансы встретить именно этого капитана при обыске, какие шансы быть обысканным лично им, учитывая, что нас 50 человек в хате, а «искателей» где-то 20—30? Да и полчаса до отбоя, – какой может быть обыск в это время? Кладу конверты на тетрадь с листами, слюнявлю палец... Вынуть его изо рта я не успеваю – в дверях стремительно возникает бригада обыска. Вошедшему на рутинную вечернюю проверку капитану не понравился шум в хате, и он решил припугнуть нас обыском. Думаю, не надо объяснять какой именно капитан это был. Вынимаю палец изо рта, вытираю его об одеяло и смотрю на этого капитана, о котором я думал несколько секунд тому назад. Вот он здесь и сейчас возглавляет обыск, как будто материализовался из мыслей. Я не успел заклеить свои конверты, считанные секунды спасли их от гибели. Это просто нереально, хочется засмеяться вслух!

С этим капитаном заходят и другие капитаны, плюс их свита и того около 10 человек, следовательно, шмонать будут не всех, а выборочно. Я даже шлёпанцы не одеваю, опускаю ноги в кроссовки. Капитан ходит рядами и читает мораль, ищет виновников шума – не находит. Затем решает показать свою власть, выбрав в случайном порядке 4 кровати стоящих рядом. Он не блефует, я абсолютно не удивился, ни капельки – это должно было случиться. Ведь я как раз ду-

мал о том, что всего этого ну совершенно не может быть, исходя из теории вероятности. Раз первые два маловероятных события произошли, то третье – не случайность или совпадение, а закономерность. Четвёртая кровать на которую он указал, была моей. Он выбрал мою кровать для обыска! Конверты не заклеены, я не успел их заклеить. Почему я так долго слюнявил палец? Я встаю вместе с тремя другими. Капитан просто выбрал кровати стоящие ближе к нему. На моей кровати бумаги, не подписанные конверты, подписанные и заправленные конверты, папка с эндайтментом, ручки. Отходим к стенке. Три кровати шмонают обыкновенные менты не слишком усердно – ведь это показуха, а не настоящий обыск. Капитан стоит напротив моей аккуратно застеленной постели с разложенной кипой бумаг. Читает мораль.

Они не заклеены. Не успел. Послюнявил палец и не успел. А он стоит. Может мне начать играть в лотерею? Постоял и пошёл дальше. Моему соседу, у которого вечный бардак на и под кроватью, в очередной раз всё перерыли. Мою постель так и не тронули, ушли. У всех вызвало полное недоумение – почему он выбрал меня, ведь я не вхожу в список нарушителей дисциплины. В первую очередь шмонают именно их.

А я знаю! Нет, не телепатией я его заманил и приворожил. Всё куда прозаичнее. Капитан этот светлокожий, один из немногих белых капитанов, поднятая им для обыска троика – негры. Белый капитан поднимает трёх негров из всей

присутствующей в хате разношёрстной интернациональной публики. Вот этого на все 100% не может быть в политкорректной стране, поэтому для не проявления расизма он и разбавил свою выборку одним белым. Но эту мысль я вслух не озвучил. Здесь, в лоне демократии действует трамвайное правило – не высовывайся. Свои мысли здесь вообще не принято выражать вслух, на слишком многие темы наложено табу.

Конверты я решил заклеить завтра перед отправкой и ещё раз удостоверился, что письма в своих конвертах, а не перепутаны местами. На ночь глядя проголодался, сделал себе супчик. Кушал его уже в темноте.

Пятница 15 октября 2010.

За вчерашний вечер и сегодняшнее утро хата немного «перетусовалась». Сменились мои соседи по сторонам. С момента моего прибытия в эту хату слева от меня жил пожилой китаец, который вместе со мной перешёл сюда из предыдущей хаты. С похолоданием он переместился на другую кровать, над которой нет постоянно дующего потолочного вентиляционного отверстия. Теперь он соседствует с выходцем из Белиза. Они с лёгкостью нашли общий язык – китаец в совершенстве владеет испанским. Негр справа перешёл на угловую кровать по соседству с типом, подозрительно напоминающим агента секретной службы под прикрытием. Теперь в том уголке завелась мини-комьюнити по компьютерным преступлениям. Конечно же, я не собираюсь перемещаться

в том направлении. Спереди от меня обитает молодой негр со своим вечным бардаком под кроватью. Из хорошего – он теперь сам встаёт в школу. До этого каждое утро над ним стоял наш дежурный мент и упрашивал его идти в школу: мягко, нудно, настойчиво. Из-за этого мне стало сниться, что и я в школу хожу.

Сзади моей кровати находится самый интересный инмейт всего дормитория. С десятков психиатров с лёгкостью смогли бы защитить диссертацию на этом типе. Это самый интересный псих, которого я когда-либо видел. В первые дни я изучал его, оценивая его уровень опасности для окружающих. Стрёмно спать по соседству с психом, но он оказался совершенно безобидным. Его сознание витает в совершенно другом мире. Он, беззвучно шевеля губами, постоянно ведёт внутренний диалог с кем-то. Делает жесты руками, пытаюсь что-то объяснить и доказать. Иногда его пробивает на беспричинный, безудержный смех взхлёб, смех до слёз. Вместе с ним смеётся добрая половина дормитория. Это такой детский счастливый смех, что мало кому удаётся сдержать улыбку и не рассмеяться. Ни причины смеха, ни личности своих невидимых друзей он не объясняет. Ещё он любит приводить себя в порядок: постоянно поправляет штаны, одёргивает, не по размеру большую футболку. Самое незабываемое зрелище начинается со старой зубной щётки: с непередаваемым выражением лица, этой щёткой он причёсывает свои усы. Резкими точными привычными движениями. Мо-

гу сравнить это с котом, который очень усердно вычухивает блох у себя за ухом – на это нельзя не смотреть. Чухается он в любое время, даже ночью после отбоя. Сядет на кровать, погладит пару минут усы и снова уляжется. Причёсывание головы щёткой для обуви выглядит ещё более комично – он не только гладит голову щёткой, но и в то же время двигает голову в противоположном от движения щётки направлении. Быстро быстро. И что-то древнее животное, давно забытое современными людьми, некий атавизм прошлого, нутром чувствуется в этих действиях. Иногда меня посещает мысль что передо мной уже не человек. Интереснейшее существо, живущее без рассудка и мышления на одних рефлексах.

Существо без будущего, но с очень богатым прошлым – ему есть, что вспомнить. Старое обрюзгшее тело, украшено великолепно исполненными художественными татуировками. Все его татуировки делятся на три типа: самая последняя на спине так и осталась незаконченной. Предпоследние – шедевры искусства в стиле 60—70-х годов. Не просто красивые рисунки, а рисунки досконально передающие атмосферу того времени: дама топлесс в павлиньих перьях, плейбо-евский кролик, картинка из вестерна и прочие. И последняя, самая важная татуировка, сделанная им видимо, в юности (после нанесения которой, спустя многие годы успела вырасти толщина руки, слегка её растянув). Тату, которая всё объясняет: почему последнюю тату так и не сделали до конца, почему его покинул рассудок, а вместе с рассудком он поте-

рял и свой круг общения, почему он так привык заботиться о своём внешнем виде, почему у него привычка открывать и держать двери для других. Набитая на правой руке, не очень профессионально, свастика. Фашистская свастика – на негре!!! На пожилom негре!!! Рассудок покинул его, а прислужничество, холуйство, раболепие осталось глубоко внутри на неискоренимом подсознательно-рефлекторном уровне. Я догадываюсь, что с такой тату он мог принадлежать лишь к одной организации – «Чёрные пантеры». Служил им верой и правдой, продвигался по карьерной лестнице, обростал связями и татуировками. Эта организация не сеяла доброе и вечное. И плана выхода на пенсию от подобных структур ждать е приходится. Непригоден – в расход. Только ему самому ведомо, что он увидел такого, что навсегда лишило его рассудка. Я не Фрейд и не психоаналитик, копать в чужом разуме не буду, могу предполагать, но не более того. он в своих мыслях, строя бесконечные диалоги и ведя переговоры с неизвестными, постоянно пытается что-то исправить. Увы, но это неисправимо.

В романе Ремарка «Чёрный обелиск» есть один интересный момент: когда главный герой, навещая психиатрическую клинику, попадает в изолированное от посторонних глаз помещение, с особыми «заклинившимися» психами, где они вновь и вновь переживают страшнейший момент своей жизни. Засыпало солдата в окопе – он откопался. С тех пор его мозг ничего другого не воспринимает, полный аутизм.

Солдат «откапывается» до конца своих дней в клинике под присмотром доктора. Полезно читать умные книги до того, как вживую столкнёшься с фактами в них изложенными.

Вечером услышал диалог двух здешних инмейтов. «Гайс, кто понимает время по-военному стилю?» «Я». «Что такое четырнадцать двадцать пять?» «Два двадцать пять пи эм.» «Сэнкс». Я могу понять, что коренные жители совершенно не разбираются в римских цифрах (любой латинос без запинки знает все символы до тысячи), но чтобы не разбираться во времени на документах...

Суббота 16 октября 2010.

По сравнению с прошлой субботой погода кардинально изменилась. Сегодня мы опять ходили кушать в столовую, расположенную на улице. Я ещё раздумывал надевать свитерок или нет – за окном такой красивый солнечный день. И холодный, в чём я убедился позднее. В помещении тепло – кондиционеры работают на обогрев. Снаружи дует охлаждающий ветерок, несущий в себе запах осени. Трава доживает свои последние дни.

Некоторые инмейты свитеров не одели, вышли в футболках, о чём сразу же пожалели, выйдя за пределы тёплого помещения. Поэтому в столовую зашли очень и очень быстро. И не дышали свежим леденящим сонную душу воздухом, а утрамбовались в предбаннике столовой и закрыли дверь. В столовой приятная теплота. Очередь подходит к окошкам выдачи пайки. Одноразовый поднос с порцией горячего без-

вкусного риса и жёсткое говяжье мясо с подливой.

Свежий воздух даже за небольшое прогулочное время вызывает аппетит. Днём дозвонился домой, узнал подробности о моей публикации дневников и возможно будущей книги. Моих домашних эта новость вдохновляет даже больше, чем меня.

Сегодня вместо ручки и тетради я взял в руки очередной прошлогодний выпуск журнала «Нэшионал Джеографик». В нём рассказывается про погребальный храм женщины-фараона, расположенный у подножья горы в Долине Королей. Читаю с интересом – подумать только, я там был! Вместо стандартного туристического посещения пирамид меня занесло в недавно открытый (шла весна 2007 года) храм, имя владелицы которого я ни запомнить, ни произнести не могу. Просматриваю фотографии знакомых мест. Следующая статья про русские православные храмы, глубинку России. Пусть там ещё немножко подрастёт ВВП и отправлюсь туда туристом-натуралистом, познавать необъятное. А пока я застрял в Америке. Здесь столько свободного времени для самоанализа, размышлений, планов и творчества.

Парадокс – лишь с несвободой появляется уйма свободного времени.

Воскресенье 17 октября 2010.

Завтра намечается ларёк, а денег на счету всего лишь 50 баксов, не мешало бы подстричься. И научиться пораньше вставать. И больше страниц исписывать за день. Пишу

на завтра самый скромный список из всех когда-либо написанных: супы, некое подобие мяса, кофе, сахар, очередной блокнот (подумать только – один уже исписал) и батарейку. Следующую неделю я продержусь.

Через 10 дней суд. Этот день казался таким далёким, но вот он всё ближе и ближе. Опять где-то в глубине души теплится какая-то непонятная надежда. Но не будем загадывать. Пока что я дрыхну до обеда и в ус не дую. На улице похолодало. Чем холоднее в хате, тем меньше желание покидать нагретое одеяло.

Кушать идём в обычную столовую. Вылез из-под одеяла, оделся, поёжился и надел свитерок. Выкинул использованный пакетик чая, который с вечера оставался в моей чашке. Отмотал три мотка туалетной бумаги на салфетки. Вышел в предбанник. Пристегнул бейджик к свитеру. Сначала собираемся всем дормом в предбаннике. Дежурный мент проверяет наличие бейджиков на груди и отсутствие инмейтов, задержавшихся в туалете или постели. Затем даёт команду капитану, что мы готовы. Капитан даёт добро на выход в коридор, как только другой дорм пройдёт и освободит путь. Мы идём, кушаем, возвращаемся. Всё остальное время мы проводим в хате, преимущественно на постели. Иногда смотрим телевизор или моемся. Жизнь котов. Пучина бездумия. Мыслить совершенно не надо. Наперекор обстоятельствам страшно не хочется деградировать. Слушаю новости, занимаюсь их анализом в уме. С нетерпением жду вечера и появ-

ления «Голоса России» в эфире. В таком информационном вакууме я готов читать даже сочинения Ленина и поваренную книгу. Читать нечего. Приходится писать.

Понедельник 18 октября 2010.

Ночка выдалась весёлая. Сегодня дежурная ментиха была не в настроении. Полночь. Она унюхала запах табака в туалете и разразилась угрозами, что потащит весь dormitorio на «дрог» – тест и выгонит отсюда всех курящих, а также устроит шмон. За наличие табака в кармане или в крови (при анализе) – карцер на 90 дней. Кстати говоря, менты-мужики входят в положение и смотрят на это сквозь пальцы, покрывая курильщиков. «Do it if you can hide it». Тихонечко покурили, попищали освежителем воздуха и порядок. В этом дорме положение вещей совершенно иное. Во-первых, здесь не профессиональные преступники с «криминал майнд». Школьники, попавшие по глупости, за глупость и продолжающие делать эти самые глупости здесь. Абсолютно не имеющие привычки прятать или не оставлять улики после своей деятельности. Во-вторых, здесь работают охранниками-сторожами не мужики, а Матрены, у которых в крови воспитание молодёжи.

На этом сегодняшние ночные приключения не закончились. Один молодой человек помазал, своего спящего товарища зубной пастой шутки ради. Помнится, у нас так дети в возрасте до 12 лет шутили в детских лагерях отдыха. Помазанный зубной пастой инмейт, идущий умываться в ванную

комнату, переполнил чашу терпения заведённой тётки. Дежурная пошла за капитаном. Конечно же, она привела не капитана-мужика, а себе подобную сварливую тётку. Полная, коротко-стриженная и дурно покрашенная капитанша начала подробную лекцию о том, что зубную пасту нужно наносить на зубы, а не на физиономию соседа. Она попросила срочно показать ей негодяя, который осмелился это сделать. Такого не нашлось. Ей это не понравилось. «Или вы его мне до завтра сдадите, или никакого ларёка завтра не будет!» – гаркнула она и удалилась. Свет потух. Так будет завтра ларёк или нет? Вопрос повис в воздухе. Свет погасили, хата улеглась спать.

Утром я проснулся от возни собирающихся на суд. Хорошо бы перенести ларёк на завтра, так неохота вставать. Спустя некоторое время объявляют: «Комиссары гэт рэди!». Одеваюсь, привожу себя в надлежащий вид. Список покупок и батарейка в одном кармане, наволочка в другом. Если на этой неделе я останусь без денежного депозита, то на следующий поход в ларёк, исходя из будущего объёма доступных для покупки вещей, вместо наволочки вполне смогу использовать... носок! «Комиссары гоу аут, ю хэв 3 минутс» – вопит вчерашняя ночная капитанша. Настроение у неё скверное. Похоже, поход предстоит весёлый. Кто входит в предбанник в шлёпанцах, тот выходит обратно под её ярые распоряжения о невозможности посещения ларёка без кроссовок или кед. Что-то новенькое. Но вот прихо-

дит толковый мужик, который занимается эскортом инмейтов от dormitorio до ларька. Обстановка разряжается.

Идём, ждём, скупаемся, возвращаемся. 30 баксов потратил, 20 осталось. Скверно, что сегодня в наличии не оказалось сахара. Купил бутылку пепси, буду черпать сахар из неё. Придётся всю неделю пить кофе без сахара.

«Рэк, волкинг аут». Не знаю, что меня туда потащило, но я решил выйти на прогулку. Скоро совсем похолодает и прогулки для меня закончатся. Нагуливать простуду к зиме я не собираюсь. Со мной вышел аж один человек. Спортсмен из 16 dorma, который и так каждый день выходил, и тут вышел. Сборы всех выгуливающих в коридоре. Мент-китаец всё снимает на портативную видеокамеру. Перед выходом он снимает наши удостоверения личности, поднося их по одному к объективу. На улице он будет документировать всю нашу прогулку от и до. Одет он в синее пальто стильного покроя с эмблемой заведения на рукавах и с блестящими пуговицами, чем-то напоминает военную форму. И вот мы уже на улице. Трава местами начала желтеть. Сыро, прохладно, пасмурно. Небо застелено кучевыми облаками. Как же хорошо, что я надумал выйти! Гуляю, дышу. Одного свитерка поверх футболки вполне хватает, совсем не холодно. Хочется смотреть на небо фокусируя взгляд на бесконечно далёкие облака. Глаза отдыхают от ламп дневного света. Складывается такое впечатление, что я дышу не носом, а сразу всем телом. Я оживаю отходя от состояния вечной спячки

и оцепенения. Вот бы выиграть предстоящий суд да махнуть на зиму во Флориду. Гулять там в тепле и мечтать о выходе и из этой тюрьмы. Надо запастись здоровьем и терпением. Как бы не впасть в депрессию с этой несладкой неделей без сахара. Ходил кругами целый час без остановки. Слышен пронзительный свисток. Время прогулки подошло к концу. Это к лучшему, в противном случае я бы в конце концов остановился и начал бы замерзать. Хорошо, что я сегодня надел длинные тёплые носки, ноги не замёрзли.

По возвращении я разделся и залез под одеяло. Можно и с длинными волосами идти на суд. Подумаешь проблема. Никакой парикмахерской на сегодня. Спать! Приятная усталость в ногах растеклась по всему телу. Какой мерзкий, противный свет у этих ламп. Какой ещё «вэйк ап фор га»? неужели я проспал 3 часа? Уже вставать и кушать? Н-да. Кушать хочется, вставать не хочется.

После обеда лёг спать до ужина. Утомила меня эта прогулка на свежем воздухе. Передозировка кислородом. Какой-то час на улице – и такие перемены. Даже глаза стали лучше видеть в даль. Так не хочется в будущем надевать очки. Спасая глазки длительным сном.

Вчера вечером подчинил наушники одному старику, который работает уборщиком. Сегодня он подарил мне новую, хорошую настоящую чёрную ручку. Заметил, что я постоянно что-то пишу. Теперь надо писать ею как можно больше. При первом же шмоне её отберут, поэтому пользуюсь воз-

возможностью писать по-человечески.

Во всей тюрьме дефицит хороших наушников. Радиоприёмник «Сони» идёт в комплекте с очень качественными стереонаушниками. Звук в них великолепный, но вот сам штекер довольно хлипкий. При неосторожном обращении или падении отходит контакт от шнура к штекеру и начинается трагедия: поиск новых наушников. В ларьке продаются дешёвые наушники за 60 центов. Хуже акустики, наверно, в мире не бывает. Свистят, гремят, шумят. В общем, они не пригодны, поэтому вопрос ремонта старых наушников весьма актуален. Не так давно от нечего делать я взялся подчинить одному инмейту его поломанные наушники. Ни скотча, ни зажигалки (для снятия изоляционной краски с тонких проводов), ни тем более ножика тут нет. На помощь пришла смекалка и найденный под матрасом маленький кусочек от внутренности наушника. Я сцарапал краску с тонких проводов, предварительно сняв зубами пластиковую изоляцию. Скрутил шнуры между собой, превратив стереосистему в моно. Прицепил смотку к оголённому штекеру и примотал кусочком верёвки, вынутым из полотенца. Работает! Владелец радио не понимает разницы между стерео и моно звуком. А я думал это мне «медведь на ухо наступил». До этого он сам пытался подчинить наушники, но у него ничего не вышло: просто примотать снятые с пластиковой оболочки металлические провода недостаточно. Сперва, с них надо снять краску, а без зажигалки это чертовски трудно.

Моя конструкция сделанная за несколько минут и держащаяся «на соплях», работает до сих пор.

Вторые наушники для старика я сделал ещё быстрее. Тоже моно звук закрутил. Если найду жвачку, то и стерео систему можно будет забалтывать. До чего же здесь скучно, абсолютно нечем себя занять.

Вторник 19 октября 2010.

Сегодня мне приснился чудной сон: иду я каким-то коридором. Открывается боковая дверь. В коридор выходят Путин и Медведев. Я прохожу между ними, при этом Путин здоровается со мной. Похоже на ночь глядя я переслушал «Голос России». Вечером, собираясь в душ я узнал плохую новость. У меня украли мои шлёпанцы и подменили их точно такими же, но старыми и поношенными. И только сегодня, вытащив их на свет из-под кровати, я заметил подмену. Получается, когда я вчера утром гулял по улице (а остальные спали), кто-то подменил мои шлёпанцы и уехал этапом. Вчера утром около пяти человек уехало на другую тюрьму. Это был кто-то из них. Подумать только – украсть 89-ти центовые шлёпанцы! Обидно.

Самое дорогое – радио с хорошими наушниками, держу поглубже, под матрасом. Сплю буквально над ним. Плохо жить в транзитной хате. В прошлой было куда спокойнее: ведь там люди обитают годами и всё судятся, судятся, судятся. Тут же с ерундовыми делами быстренько осуждаются и отбывают. Ходивший отсюда на суд переселенец из 16-й

хаты, оставлял мне на сохранение свою коробку с продуктами и радио. Через неделю и я на суд поеду. Сделаю точно также.

Весь день занимался исписыванием новой ручки, аж большой палец под вечер онемел. В итоге накропал 5 страниц. Плохо пьётся кофе без сахара. Кратковременные приступы лёгкой депрессии с угасанием переходят во вдохновение.

Среда 20 октября 2010.

Ровно неделя осталась до моего суда. Сегодня узнал потрясающую новость про моего судью. Оказывается, моего соседа ждёт тот же самый судья и прокурор, что и меня. И он очень хорошо знает этого судью. Во-первых, этому судье чихать хотелось на мнение прокурора. Он полностью самостоятельный, не идёт ни у кого на поводу. Является самым справедливым судьёй Манхеттена, судит не предвзято и мягко. Все просто мечтают попасть на этого судью Максвелла, который единственный из всех по-настоящему вникает в суть дела.

Во-вторых, он читает поступающую к нему корреспонденцию и «мотает на ус». Ему можно написать письмо, предварительно посоветовавшись с адвокатом (чтобы ненароком не свидетельствовать против себя). В качестве «ложки дёгтя» мне достался прокурор Бэндлер – худший прокурор Нью-Йорка, так что суд предстоит быть интересным.

А пока в который раз я приучаю себя вставать пораньше. Сегодня удалось проснуться очень рано. Проводил взглядом,

уходящих на завтрак и... продолжил сон. Не смог покинуть такое приятное ложе. Потом пришла смена белья. Проявил бдительность, «не отходя от кассы», — мне забыли дать наволочку. На автомате перебрал в руках две полученные простыни и полотенце. «Пиллоукэйс?» Получил наволочку. Если бы ушёл не глядя, остался бы без наволочки. Сегодня чистых наволочек на всех не хватило, так что мне повезло вдвойне. Идя с чистым бельём от двери до своей кровати, пощупал самовар. Вода есть, постелил чистую простынь, почистил зубы. Сделал себе безкофеинового чаю без сахара, скушал порцию овсянки. На улице только начало рассветать. «Рек, коминг аут». Последние тёплые деньки. Два человека отправляются на прогулку. Я не вхожу в их число. Залажу в чистую остывшую постель и сплю до обеда.

Два часа дня. Пью кофе, сахара нет, ради интереса подливаю сладкой колы в горячий кофе. Ни сладко, ни вкусно. В целом — какая гадость! Опять и опять пью кофе. Вдохновение не приходит. Раскладываю бумаги, беру ручку в руки. Не помогает. Мыслей сегодня у меня не наблюдается. В ручке так много чернил, бумаги полтора блокнота. Но увы.

Четверг 21 октября 2010.

В голове мысли проносятся табунами, мне не хватает усидчивости и терпения изливать их на бумагу. Эх, мне бы диктофон или печатную машинку. Мыслей много, хороших мыслей мало. Постоянно зарождаются какие-то проекты и идеи. Потом я начинаю думать об этой новой идее, чем

больше думаю, тем меньше она мне нравится. В итоге она мне уже совсем не нравится, мой мозг её отклоняет, снимает с повестки дня и окончательно удаляет. Затем возникает новая мысль, и её путь из небытия в небытие повторяется. Из ниоткуда в никуда. Я лежу в постели, слушаю музыку и наблюдаю за движением мыслей в своей голове. Ничего толкового. Если человек – это то о чём он думает, то я – гиперморфное, постоянно изменяющееся создание, живущее в хаосе и ведущее созерцательный образ жизни. Натуралистических замашек записывать свои наблюдения у меня нет, они не достойны покидать пределы моего разума и быть увековеченными на бумаге.

Иногда меня посещает навязчивая идея – написать книгу. Стоит мне взять в руки ручку – и желание писать полностью покидает меня. О чём писать? Кто это будет читать? Какие новые полезные обществу идеи и мысли я смогу создать? Складывается впечатление, что всё умное уже давно написано. Черпать чужие мысли, идеи и лепить из них свою книгу – это реферато-писание получается. Я никогда не писал рефератов. Всё уже давно написано до нас и находится на просторах всемирной сети. Оно печатается, сдаётся, защищается. Но никогда не читается. Ибо чушь несусветная. Лишь одна тема способна заинтересовать умы XXI века. Разоблачения – обличения. Вытаскивание на поверхность того, что всегда скрывалось за рамками моральных норм, дверями правительственных коридоров и секретами военно-ком-

мерческих тайн. Но это удел журналистики. Меня же упорно тянет в беллетристику. Возможно это – некое графоманство, желание писать, вызванное сложившимися обстоятельствами. Здесь ни книг, ни собеседников, ни развлечений. Ничего. Чашка крепкого кофе без сахара, включающая мозговую деятельность. Мозг играет сам с собой. Сплошные внутренние монологи. Шизофреники способны и на диалоги. Может за этой гранью и начинается настоящая гениальность.

Сегодня в очередной раз видел сон на английском языке. Ассимилируюсь на подсознательном уровне, языковая среда оказывает своё влияние, хочу я или нет. Наверное, это самый эффективный способ не просто изучения, а глубочайшего познания иностранного языка. Да, я начал лучше понимать о чём они говорят. Да, я начал понимать, что они говорят, ещё до того как они начали это говорить. Я уже могу предугадать, что у них на уме. Вот ново пришедший ин-мейт подходит ко мне. У меня в наушниках играет музыка, он обращается ко мне и что-то говорит, его губы шевелятся, я его не слышу. Отрицательно качаю головой. Он понимает, что я его не слышу. Думает, что раз я его не слышу, то и не понимаю, о чём он спрашивает. А я прекрасно понимаю. Он не спешит уходить. Я вынимаю один наушник и говорю: «Ноу, ай донт хэв фоун колл фор сэйл». Он растерянно уходит в полной уверенности, что я умею читать по губам или обладаю телепатией. Ведь я его вопроса не слышал, но ответил на него, что называется в тему. Собственно, другого

вопроса мне незнакомцы не задают. «С какого района?» – не спрашивают – видно, что я не местный. «За что сидишь» – их не интересует, каждый о своём деле думает. Остаётся самый насущный и часто задаваемый вопрос – скупка телефонных звонков.

На одного инмейта согласно установленному лимиту полагается 15 минут телефонного разговора в день. Это мало. Кому мало, а кому и позвонить некому. Они и продают за умеренное вознаграждение свои минуты телефонным болтунам. «Бизнес есть бизнес». Я в эти игры не играю. Мне с моими агентами секретной службы, сидящими на телефоне и конспектирующими все разговоры, посторонние звонки не нужны. Чревато, мало ли о чём эти криминальные элементы будут говорить. Потом докажи, что эти слова не ты говорил, ведь это с твоего счёта звонили. Все звонки записываются и при возможности используются на суде против звонящего. При каждом звонке об этом напоминает сообщение на местной АТС: сначала проигрывается это записанное сообщение, а потом идут короткие гудки соединения.

Пятница 22 октября 2010.

Сегодня днём три инмейта привязали своего спящего товарища к кровати. Он спокойно спал днём, укрывшись с головой одеялом. Привязали его крепко-накрепко верёвкой для сушки белья и закричали: «Вставай, вставай скорее! Ты опаздываешь на ужин!» Он проснулся и попытался подняться. Не удалось. Всеобщий смех.

Снова похолодало. Утром по старой привычке пошёл обедать в одной футболке и пожалел – в коридорах и столовой холодно. По возвращении из столовой в срочном порядке выпил чашку горячего кофе и залез греться под одеяло. К полудню позвонил домой. Нет, мне совершенно не нравится это похолодание. Хорошо, что сегодня утром меня не понесло гулять на стадион.

Утром проснулся рано (тренирую себя для утреннего подъёма на суд), но пределов кровати не покинул и тотчас же уснул до обеда. Каждый раз просыпаюсь без бодрости и как будто не выспавшийся. Сплю около 12 часов в сутки. Кофе помогает всё меньше и меньше. Душа жаждет смены обстановки.

Вчера поздним вечером нашей дежурной ментихе устроили экзамен. Пришла комиссия. Дали команду разойтись по постелям. Я мысленно попрощался со своей замечательной, но запрещённой к хранению ручке – думал, что это обыск. Оказалось – учения. Наша дежурная отобрала 10 добровольцев, увела их в игровую комнату и провела натальный обыск под пристальным взглядом комиссии. Она проходит какую-то сертификацию на умение качественного проведения обыска. Видимо метит на повышение.

В остальном здешняя жизнь ужасно скучна и не насыщена событиями или интересными происшествиями. Новички приходят, старички уходят. Поговорить не с кем, иногда по несколько дней подряд ни с кем не перекидываюсь и сло-

вечком. Скорей бы уже этот суд.

Суббота 23 октября 2010.

Сегодня утром мой знакомый доминиканец отправился на депортацию. Я познакомился с ним в мой самый первый день пребывания в камере предварительного ожидания MDC. Спустя некоторое время, его как и меня перевели в 16-й дорм, а затем вместе со мной в этот 10-й. в принципе я с ним разговаривал мало. Знакомых лиц становится всё меньше. На его кровать у стены перебрался китаец. Ему с похолоданием стало дуть от окна, поэтому я и не спешил переходить к окну или внешней стене. Предпочитаю оставаться в относительном центре комнаты. Тут теплее всего, с приоткрытых окон не задувает. На ночь глядя не только вынимаю стельки из кроссовок, но и выворачиваю на изнанку носки. Сыро. Начинаю ценить наличие одеяла на матрасе под простынёй, снизу. Настоящие зимние холода с морозом и снегом ещё впереди. Эх, Флорида, Флорида.

В новой запрещённой к хранению ручке чернила кончаются также быстро, как и в маленькой покупной. На написание романа её однозначно не хватит. Думаю, к моменту ближайшего обыска я успею её исписать и выкинуть.

Слушаю радио. Рассказывают об одесских писателях. Некоторые из их имён у меня на слуху, но их произведений я не читал. Теперь я не читатель, а писатель. Как чукча из анекдота. Организм противится интеллектуальной деятельности. После двух выпитых чашек кофе всё равно кло-

нит ко сну. Не из чего черпать вдохновение. Я заметил в себе одну неискоренимую склонность писать «штампами». Получается какой-то набор лозунгов и заумных книжных слов, объединенный причинно-следственными связями и деепричастными оборотами. Как от этого избавиться – не знаю.

Пять лет университета, оставили неизгладимый отпечаток на стиль моего письма. Бесконечное написание конспектов, экзаменов, рефератов, дипломных работ, на экзаменах все старались внести в свой мало осмысленный текст побольше заумности, пафоса, солидности. Разбавить куцые предложения академической статистикой. В итоге текст с виду получается довольно мудрёный, но в то же время сложно читаемый и плохо воспринимаемый. А ещё – много букв, что было хорошо. Думали не о риторике и «краткости – сестре таланта», а о том что надо заполнить весь лист, чтобы ответ на вопрос выглядел развёрнутее и полнее. Теперь я, как дипломированный специалист банковского дела, с потрясающим мастерством владею техникой бумагомарания и составления всяческих «писюлек». Леса моей родины, трепещите передо мной! Вас порубят, пустят на бумагу. И бесчисленные полчища пачкателей бумаги будут печатать «свои», скачанные из Интернета рефераты, доклады, статьи. Будут писать справки и письма, которые никто и никогда не удосужится прочитать до конца. Пыльные громоздкие шкафы, именуемые архивами, будут хранить в себе результаты псевдоинтеллектуальной деятельности целых поколений.

А я всё никак не созрею на написание чего-нибудь токового и читаемого. Всё придумываю для себя отговорки для само отговаривания от творческой деятельности писателя. Вполне получается уговорить себя. Это я здесь стал таким ленивым или был таким до этого? Я могу победить всех агентов секретной службы, прокуроров и прочих врагов, но я никогда не смогу одержать безоговорочную победу над своей ленью. Это неотъемлемая часть моего сегодняшнего «я».

Воскресенье 24 октября 2010.

День совершенно ничего не предвещал. Вчера вечером, надеясь написать что-нибудь толковое, я не спрятал свою ручку. Сегодня днём я всё ждал когда же ко мне пожалует муза. Пожаловал обыск. Запрещённая к хранению ручка осталась лежать среди карандашей, заканчивающейся другой простой ручкой и моих записей. И прятать её в конверт уже поздно.

Влетел какой-то громкоголосый капитан с воплем: «это обыск, руки за голову, всем оставаться на своих местах». С ним было всего лишь несколько помощников. Хм, может быть будут шмонать не всех, а выборочно. Странно так мало людей пришло. Но новые люди всё подходили и подходили. Принесли специально предназначенные шторки для раздевания за ними. Пришёл «СВАТ» в бронежилетах, касках и с дубинками и куча Ментов. Впереди меня, на сколько я мог видеть из позиции, лёжа с руками за головой, я увидел её – ментиху из моего прошлого дорма. Но ведь она работает

сторожем, а не в группе обыска! На днях проверяли способности и навыки обыскивать людей у нашей дежурной ментихи. Похоже они сейчас на всех нас начнут коллективно отработывать зачёты по шмону. Собравшихся «гостей» в нашем дорме набралось так много, что стало ясно – прощай, моя ручка. Обидно. Не заметить её нельзя. И как назло вчера её не «заховав». Шмонали нас очень странно. Сначала отобрали самых потенциально опасных с точки зрения классификации. Им устроили полный досмотр с раздеванием за шторкой. Остальных просто ощупали и поставили спиной к стене, чтобы мы могли видеть всё происходящее. Уйма капитанов, уйма молодых Ментов. Молодая симпатичная темнокожая ментиха первой начала рыться в вещах инмейта. Сразу же стало видно, что она это делает в первый раз. Скромно, робко, не спеша. Так и есть – это учения. На нас. Я гадаю кому же из «студентов-шмонателей» достанется моя кровать. Как же тщательно они роются, даже развязывают узлы на простынях. Нет, не реально было спрятать ручку. Как же я теперь буду писать? Вот и закончилась моя писательская деятельность.

«Сэвэнтин». Моя кровать. Это она – знакомая ментиха с вызывающей причёской и в чёрных кожаных перчатках. И она сейчас будет шмонать именно мою кровать. Затеплился лучик надежды: вдруг она не заберёт ручку. Она посмотрела на меня. Однозначно, она должна меня помнить. Но за шмоном моей постели смотрю не только я, но и капи-

таны, и посторонние зрители. Первым делом она вынимает одеяло из наволочки и тщательно его ощупывает. Развязывает узелки на простынях, прощупывает верхнее покрывало. Заворачивает простыни и наволочку в одеяло и поднимает одну половину матраса. Там я вижу свои записи, блокноты и ручки. Она берёт мой пластиковый прямоугольный тазик для стирки, в котором ничего другого нет, кроме шампуня и мыла в пластиковой коробочке из-под овсянки (она запрещена к хранению, менты все пустые коробки выбрасывают как мусор). Начинает складывать туда некоторые вещи: книгу, радио, блокноты. Вот она берёт в охапку все ручки и карандаши, держит их в одной руке, а другой кладёт вещи в стоящую коробку. На соседней кровати другая молодая не опытная ментиха уже собрала богатый урожай запрещённых ручек, а моя ментиха всё копается и копается, держа все мои ручки в руке. Оставит или конфискует? Ну, что ты стоишь, блин, сделай же что-то с ручкой!!! Она бросает всю охапку ручек в тазик, переворачивает матрас и начинает рыться с другой стороны. Тазик зажат двумя половинками матраса. Его содержимое скрылось из вида. Там внутри моя ручка и записи. Остальное меня не волнует. Знала ли она о запрещённости этой ручки или сознательно её оставила? Не знаю.

Между рядов ходит мент и собирает пустые пластиковые бутылки с прочим мусором в пакет. Между рядами трудно ходить. Всё завалено старыми газетами и хламом. Такого

тщательного усердного обыска я здесь ещё ни разу не видел. Как народ умудряется прятать табак? Или это менты умудряются его не находить, ища лишь оружие.

Все формальности вроде «стой там, руки за спину, иди сюда» были строго соблюдены. Безукоризненная педантичность. Всё происходящее снимается на видеокамеру. После каждого завершённого обыска кровати капитан делал пометки в своём блокноте. Таких экзаменирующих капитанов было около десятка, плюс командующие капитаны, плюс наблюдающие капитаны. После обыска кровати нас по одному заводили в игровую комнату. Проходя мимо трёх броненосцев, я чуть было не рассмеялся. Ну и «сват»! накаченные мужики в бронежилетах, касках и с длинными деревянными дубинками смотрятся естественно. Но тут было всего два высоких крепких мужика. Между ними в таком же костюме спецподразделения стояла женщина. Она была в два раза ниже, чем они. Пожилая, изрядно намакияженная капитанша с габаритами колобка. Представьте себе бронежилет – вид сбоку. Одетый на худого человека, он более менее напоминает русскую буквы «П». А теперь представьте себе букву «Л», сидящую на букве «О». ну совсем не сходится он снизу, габариты не те. При этом сквозь пластиковое прозрачное забрало громадного шлема со ста метров виднеются чрезмерно подкрашенные глаза и ярко красные намаженные старушечьи губы. Дубинка в её руке достаёт до пола. С видом Наполеона, созерцающего горящую Москву, она наблюдает

за разгромом кроватей.

Надеюсь следующий обыск будет не скоро. После вынужденной тишины при проведении обыска в игровой комнате начали выплёскиваться наружу накопившиеся эмоции. Никто не ожидал шмона: не было ни единого сколь серьёзного повода. Тем более такого грандиозного шмона. Конечно же, первым делом начинается поиск виновных. И виноватые тут же находятся. Согласно всеобщему мнению, виновником шмона оглашается престарелая очкастая ментиха, по духу более похожая на школьную учительницу. Ей очень не нравился запах табака в ванной комнате, по этому поводу она очень любила возмущаться. Похоже ей надоело сотрясать воздух и она принялась действовать. Вот и результат.

Проходы между кроватями завалены не только мусором, но и носками, журналами, шлёпанцами и прочими нужными вещами. Мы все закрыты в игровой и наблюдаем за кроватями и всем происходящим через стекло. Происходит совершенно неожиданная вещь, начавшая щекотать нервы всем. Вместо уборщиков из нашей хаты пришли совершенно посторонние люди, со своими мусорными пакетами и швабрами. И начинают сгребать всё с пола, наполняя свои пакеты. Наши уборщики никогда не выбрасывают журналы и прочие личные вещи после проведённого обыска. Обычно вначале их выпускают из игровой первыми – они заматают проходы, а затем выпускают нас. Если в ходе обыска что-то нужное случайно упало на пол, то это можно успеть подобрать

до выбрасывания. Сейчас они сметают всё подряд. Вот чужой уборщик пытается подобрать несколько игральных карт и положить их на кровать. Бдительный капитан не даёт ему это сделать. Карты отправляются в мусор. Я почему-то начал беспокоиться о своих записях — было бы чертовски обидно потерять их таким глупым способом. Среди сгребаемого мусора виднеются носки. Обидно терять вещи, созерцая без возможности вмешаться. В игровой комнате зреет злость. Почему-то все считают, что это именно его носки замели и выбрасывают. Нам отсюда сквозь окна хорошо видно, что именно распикивают по прозрачным мусорным пакетам. Новые журналы, страницы из книг, газетные листы, пакеты сахара из столовой (их хранить нельзя). Покупайте, товарищи, покупайте сахар в ларьке! Зачем Америку объедать? При обыске не выбрасывают лишь покупные серые пакетики с сахаром. Всё отправляется в мусор. Уборщики уходят, забирая мусорные пакеты с собой. Капитан уходит вслед за ними.

Наша ментиха открывает дверь в игровую комнату. Первым выбегает паренёк, с самого начала обыска просившийся в туалет. Ему так и не разрешили. Я направляюсь к своей кровати. Воздух наполняется матерщиной. Итак. Блокноты на месте. Все записи свалены в одну кучу. Нахожу ручку. Роюсь дальше ища дневники. Неужели месячный труд пропал? Нет, вот они. Странно, она же раскладывала вещи совсем не так. Содержимое тазика, скорее всего, вывернули сверху на вещи. Да, так и есть. тем не менее суперручке удалось спа-

стись. Все записи на месте. Теперь можно приступать к наведению порядка. Зубная щётка лежит на бумагах. Картонную коробку из-под зубной пасты, в которой лежала щётка, выбросили. Ну и ладно. Осталась одна пластиковая вилка. Коробку из-под чая, в которой вместо пакетиков чая, я хранил приправы, тоже выбросили. Пакетики хаотично разбросаны по всему тазику. Картонные упаковки из-под риса открыты. Из кроссовок вынуты стельки. Наверное, это было к лучшему, что я не прятал свою ручку, а оставил на виду. Этим она совершенно не вызвала никаких подозрений. В ней осталось около 6см чернил – надо писать побольше.

Стельки у меня какие-то грязноватые. Вечером после ужина я их постирал и сам принял душ. Куда-то запропастилась одна из моих футболок, я её отчётливо запомнил по небольшой дырке на рукаве. То ли я давным-давно забыл её в игровой, не забрав после сушки, то ли она потерялась в ходе обыска. Трудно сказать. В запасе у меня остались ещё 3 белые футболки. Тащить всё это ново нажитое барахло с собой во Флориду или не тащить? Выбросить или потерять всегда успею. Буду барахольщиком. Хоть и живу как-будто в отсеке одного дня, но запасливо. Своё будущее я сейчас предсказать никак не смогу. Оно генерируется абсолютно без моего участия. Странно так жить – без будущего. Никакой уверенности или гарантий на день грядущий нет. Урок с неожиданным переездом в эту новую хату показал всю нестабильность, хлипкость и шаткость моего поло-

жения. Фигаро здесь, Фигаро там. В среду суд – последний оплот надежды на хоть какую-то определённость.

Понедельник 25 октября 2010.

Утром у меня состоялась самая скромная закупка продуктов в ларьке. На счету осталось 26 баксов. Денежный перевод сегодня так и не пришёл. На 12 баксов купил продукты первой необходимости (20 супов, 10 псевдоколбасок, 50 пакетиков сахара и батарейку). Ни сладких булочек, ни мини-пирогов в наличии не оказалось. Я так надеялся захватить с собой на суд что-нибудь калорийное – пожевать сладость в камере ожидания. В 7 баксов мне обошлись звонки за прошлую неделю и 7 баксов остаётся на эту. Суд на носу, надо и консулу звонить, и домой. Куда лучше иметь хоть какой-то запас на звонки, чем сидеть совсем без денег и ждать перевода.

На улице очень тепло +21С. Выхожу погулять. На улице не только тепло и хорошо, но и мокро. Вся трава мокрая от обильной росы. Гуляю кругами, одетый в свитерок и спортивные штаны. Желтеющие листья постепенно опадают с деревьев. Посмотрел себе под ноги, штанины снизу намокли, к ним налипла сухая трава и грязь. По возвращении в хату пришлось стирать штаны, носки и мыть кроссовки.

Хорошая новость – удалось добыть такую дефицитную сейчас сладость, ведь сам того не ведая, я оказался хранителем ещё более дефицитной вещи – ваучера-купона на стрижку. На суд я решил твёрдо не стричься как все делают (неужели бритоголовость здесь у судей ассоциируется с невинно-

стью?), а пойти на randevу с судьёй и прокурором в своём самом естественном виде – хорошо помытой головой с волосами умеренной длины и в тенниске с воротником, а не казённой белой футболке. Я обменял свой ваучер на сладость, псевдоколбаски и чипсы. Хотя это и запрещено здешними правилами, но все так делают. Ибо это есть жизнь. Куплю себе другой ваучер на следующей неделе.

Звони домой – сегодня дошло моё письмо. 13-го послал, 25-го дошло. Быстро. В голове зародилась идея быстренько послать домой побольше из того, что я успел написать.: а это и дневники, и главы книги. Я взял разлинованный листок бумаги и провёл карандашом ещё одну линию между уже напечатанными линиями, пользуясь вторым альбомом вместо линейки. Теперь на одну страницу поместиться в два раза больше текста. Архивация, однако. И экономия не только бумаги, но и денег: здесь на почте письма взвешивают, чем тяжелее письмо, тем больше денег стоит отправка. Моё воображение рисует тысячи исписанных страниц. Тем более черновики всё равно надо переписывать и исправлять: ума не приложу, почему в них столько описок, черканий и стрелок переноса фрагментов написанного текста. Плюс это резервное копирование данных на случай если письмо не дойдёт и потеряется. Весь день занимался кропотливой писаниной. Мелкие буквы пишу гораздо медленнее, чем обычные крупные и плохо читаемые. Под вечер онемел кончик большого пальца руки. Работы «не початый край». И когда это я

успел исписать столько листов?

Вторник 26 октября 2010.

Сегодня сбылся наяву один из моих редких ночных кошмаров. Я сначала даже не поверил – ведь такого просто не может быть. Рано утром меня разбудили. Нет, это уже не сон. Это явь. Меня, дипломированного специалиста по экономике и без пяти минут полиглота. Меня, заполнившего все необходимые документы, что я не бомж с улицы. Меня вызывают в школу!!! Мир сошёл с ума. Снова в школу. Иду, умываюсь, чищу зубы и пытаюсь проснуться. Голова совсем не соображает. Видос соответствующий. Кое как приглаживаю волосы. Что вообще происходит?

Иду к другой дежурной ментихе, сидящей в «пузыре». Задать ей вопрос я так и не успел. Она называет мою фамилию (и почему этих чёрных молоденьких негритянок так интересуется правильное произношение моей фамилии? Первый раз переспрашивают, а потом запоминают) и указывает на соседнюю дверь. «Горщон Академия» – это наше ПТУ, училище на 2 года. Это ещё что такое? Нет, это не ошибка. Вхожу в школьную дверь.

Там сидит тётка с кипой листов на столе, её помощник спрашивает из какого я dormитория. Она отвечает за меня: с десятого. Они вдвоём видели из какой двери я вышел и прошёл со своего dormитория до их школы. – не более 15 шагов. К чему этот глупый дежурный вопрос? Она умней его, наверное учительница. Они находят мою фамилию

в списках. Указывают на дверь за их спинами. Вхожу.

За дверью располагается маленький тесный класс с одностольными партами, за которыми сидят несколько индейцев. Одна пожилая белая тётка сидит у школьной доски, одна толстая негритянка – за школьным учительским столом. Тишина. Я вообще не соображаю что происходит. «Морнинг» – говорит мне негритянка. «Морнинг» – говорю я ей, очень заспанно и как-то печально. Жестом руки она указывает мне на пустые парты. Сажусь поближе, за сокамерником из моего дормитория. «Дую спик спанишь?» «Йэс» – отвечаю я на автомате. Часть мозга всё-таки просыпается. «Бат ай эм нот латинос. Ай эм рашн». Лицо негритянки при этом выражает крайнее удивление. Она тут же начинает рассказывать лично мне о прелестях образования, открывающего широкие перспективы в будущем. Вторая тётка вторит о том, что многие получают образование в тюрьмах и это нормально. Только сейчас замечаю, что у негритянки нет четырёх передних верхних зубов, при этом у неё отменная дикция. И как это у неё получается так разговаривать? Наверное, кто-то из учеников постарался, или плохо водит машину и не пристёгивается.

Я всё ещё «не въезжаю» в суть происходящих вещей. «Что вы можете мне предложить?» – куда, кда же подевался мой акцент? Почему спросонья у меня такое идеальное произношение и вообще какой-то чужой, совершенно не мой голос? Она смотрит на меня как на умалишенного. Нет, она не ве-

рит, что я русский. Зачем я сказал, что я русский? Потому, что они вряд ли знают о существовании Украины, а объяснять ей где это и что это, мне лень. Ещё подумает, что в этой далёкой стране читать и писать не умеют, как в каком-нибудь Буркина-Фасо или Папуа Новой Гвинеи. Поэтому мой мозг на автомате сказал «рашен». Она вообще мне не верит. После театральной паузы она говорит: «Скул». «Вот скул?». «Скул» – упрямо повторяет и сверлит меня взглядом. «Вот кэн ю тиг ми? Ис ит джаст симпл праймари скул?». «Йес». Она выжидает. Ждёт от меня энтузиазма в грызке гранита науки. Сонный я остаюсь безучастным к происходящему. «Ноу, ай эм нот интрестинг ин зыс». После этой моей фразы я как будто уменьшаюсь в её глазах. «Какую школу в Нью-Йорке ты закончил?», «Я никогда не был в Нью-Йорке, но у меня есть диплом». «Где ты получил диплом?» «Украина». Теперь я окончательно кажусь ей завравшимся нелегалом, нарушающем все мыслимые устои её родной страны. «Вот кайнд оф дигри ду ю хэв?» Тут я ещё немножко просыпаюсь. Ага, сейчас они предлагают мне школу не совсем начальную (с 1-го по 8-й класс), как предлагали в первый раз, а 9—11 классы среднеобразовательной школы. Чудесненько. Выпаливаю с совершенно безразличным видом и безучастным голосом в полной тишине: «Ай хэв юниверсити дигри. Мастер дигри оф экономик энд бэнкинг». Моего сидящего спереди сокамерника после этой моей фразы «пробивает» на смех. «Хи ис гэниус, вот ду ю вэнт фром

хим.» Негритянка не верит. Старая белая тётка заявляет: «У них в России совершенно другая система градации образования. Но они очень умные. Русские сидят у себя дома, здесь в тюрьме я их не видела». К чему она это сказала? Неужели я похож на мексиканца-нелегала? Они обе не верят мне ни на грош.

И тут в классе раздаётся вопрос: «Мастер экономик энд вот?» Поворачиваю голову налево. Мужик в светлой рубашке сидит на тумбе у стены. Молодой опрятный. Не заключённый. За доли секунды мой мозг окончательно проснулся. Интуиция вопит: Ахтунг-ахтунг (тревога)! Во-первых, он не учитель. Если он учитель, то я балерина. Во-вторых, он не мент-охранник. В прошлой школе, где я был, охранники сидят в форме с прищепленным на груди жетоном. У этого мужика что-то висит на шее. Я чётко вижу шнурок благодаря полу расстёгнутому вороту рубахи. Это без сомнений детектив. Федерал. Они бродят по тюрьме как призраки и занимаются никому не понятными делами (наверное, грызут бюджетные деньги, симулируя бурную активную деятельность). Ему за меня сказали «Бэнкинг». Он смотрит на меня. Он один верит мне. И мне это не нравится. Не сболтнул ли я лишнего? Всё равно буду ссылаться на секретную службу. У них есть доказательства моей образованности, ведь моя университетская выпускная дипломная работа проходит как улика по делу. Я хотел было сказать, что мой диплом они могут увидеть в Вашингтоне у федералов, его они изъяли в хо-

де обыска в Киеве. Но под прицельным взглядом федерала мне расхотелось метать бисер. Молчу.

Нам раздали анкеты и карандаши. Какое у вас образование, где вы будете жить после выхода из тюрьмы и тому подобное. В графе электронного почтового адреса я поставил прочерк. Указал телефон скайп-переадресации. Однозначно этот федерал мной заинтересовался. Я устоял в бланк, заставив себя не пялиться на федерала. Всем спасибо, все свободны. На столе у негритянки лежат методички по проверке знаний у взрослых. Неужели наши знания будут проверять?

Мне уже давно с момента прочтения объявления о компьютерных курсах, пришла в голову одна идея. Записаться на курсы пользователя ПК, провалить экзамен и получить справку о том, что я не умею пользоваться компьютером. Для суда. Интересно, что будет, если я наберу ноль очков в тесте на «айкью»? Завтра суд, а я о такой ерунде думаю.

Днём после обеда к нам в хату пришёл пакет с одеждой для обитателей дормитория – социальная помощь. Из моих размеров в наличии оказалось только две футболки и две пары трусов. Молоденькая негритянка-ментиха, когда я зашёл в их дежурную будку за одеждой, пощупала мои велюровые штаны и сказала, что они ей нравятся. Чувствую себя пришельцем из другого мира, одетым совсем не так как здесь принято.

Вечером перелистал своё дело. В конверт к нему положил три псевдо колбаски, начатую упаковку кофе и сладость. По-

умылся в душе, при этом очень тщательно вымыл голову. Слегонца занялся писательской деятельностью. Я полностью готов к завтрашнему дню.

Среда 27 октября 2010.

Ночь. Темно. Я проснулся ещё до того, как нас начинают будить на суд. Снова засыпать смысла нет. Оказалось, я вовремя проснулся. Не прошло и минуты, как ко мне подошёл дежурный мент и начал будить на суд. 4:30 утра, в 5:00 отправляемся завтракать в столовую. Встал с кровати, переоделся в свою парадную одежду. Умылся, почистил зубы. Сел на кровать ждать. Времени полно. В темноте мне не видно самовара: включён он в розетку или нет, подошёл к нему, потолкал: он включён, горяч и полон воды. Сделал себе чашку сладкого кофе, ещё не допив её до конца, мне захотелось в туалет, по-американски именно это желание называется «сэконд». Плохо ехать на суд с прихваченным животом. Увы! Сегодня мой живот почему-то решил жить своей жизнью. Сходил в туалет, полегчало. Допил кофе, окончательно взбодрился. Начали звать на завтрак и на суд.

Одевать или не одевать свитр? На сегодня обещали +22С. Решаю, что и одной тенниски вполне хватит. Беру свою папку с бумагами и провиантом и выхожу в коридор. На подходах к столовой прождали около получаса. Аврал. Такое впечатление, что сегодня вся тюрьма отправляется на суд. Столовая перегружена, столов не хватает. И там, внутри столовой тоже приходится ждать. В конце концов, беру свою

порцию манной каши, мармелада, сахара и молока. Зря, ой зря,пил я это молоко. Хорошо, что апельсин всё-таки не ел. Но обо всём по порядку.

Ещё в столовой я увидел знакомого латыша. В прошлый раз ездил с их ней компанией на суд. В этот раз мы тоже едем вместе. Им как и мне перенесли суд. После завтрака в столовой мы отправляемся в клетку ожидания, предварительно пройдя в одних трусах рамку металлодетектора. Вещи проходят рентген, включая носки и бумаги. Полы в этой комнате застелены одеялами, чтобы не ходить босиком по холодному полу. В клетке я встречаю всех трёх латышей. Разговорились. Хоть они и согласны взять вину и получить свой год, их заседание суда всё равно откладывают. Ребята приехали из Латвии немножко покутить. Для этих целей они запаслись поддельными кредитными карточками. Сняли номер люкс в дорогом отеле, ходили по магазинам. Словом им в чём себе не отказывали. Но рано или поздно – отказала кредитная карта, ведь даже чужие деньги имеют свойство рано или поздно заканчиваться. Теперь вспоминают ребята незабываемый вид с балкона номера люкс да туфли купленные за штуку баксов. Молодые ребяташки. Посидят годик и их отправят на депортацию. И здесь таких охотников за мимолётным счастьем полным полно. Один из латышей успел поссориться со здешними ментами. Теперь на суд его будут водить отдельно от других, закованного в цепи.

В клетке народу набралось уйма! Не то что сидеть – сто-

ять негде. Латышей увезли с первым автобусом. От нечего делать начал рассматривать обложки и корешки книг, которые читают здесь ожидающие суда. Это либо религиозная литература, либо детективы про чёрных братков-наркоторговцев. Даже солидного вида джентельмен в костюме, галстуке и лакированных туфлях читает какую-то белиберду.

Начали набирать во второй автобус. Позвали и меня. В сцепке в этот раз мне достался опрятного вида мусульманин. Выходим на улицу. Очень тепло, моросит дождик. Мы – последняя пара в очереди на автобус. Вдруг из моей папки выпадает на землю карандаш. Я его быстро поднимаю и бросаю обратно в папку. И начинается! Я даже вначале не сообразил, почему мои действия вызвали замешательство у сопровождающего мента. Напомню – моросит дождь. Мент тут же берёт у меня папку из рук и начинает в неё смотреть. Прямо на улице под дождём. Мы уже в автобусе, но он и не думает заходить. Он смотрит в папку. Водитель встал со своего водительского сиденья и стал смотреть на этого мента. Я стою на ступеньках, мой пристёгнутый мусульманин в полной растерянности ждёт в салоне на полпути. Мент молчит, мокнет, смотрит. Его лицо озаряет улыбка до ушей. «Пэнсил!» – кричит он водителю автобуса и отдаёт мне папку. И тут до меня дошло: ему показалось, что у меня выпал патрон (к огнестрельному оружию), а не карандаш. Карандаши здесь короткие – огрызок с заточенным концом, сантиметров 5—6 в длину. Я со своего карандаша от нечего де-

лать соскрёб всю заводскую краску, от чего он стал тёмного деревянного цвета, поэтому в темноте на асфальте он никак не походил на обыкновенный карандаш. А патроны в тюрьме находят. Пол года тому назад, ещё до моего прихода в ГМДЦ, здесь на полу тюремного коридора нашли патрон от «калаша». Каким образом сюда проносят патроны и зачем – я не знаю. Таблички – объявления, что «за хранение ножа и патрона дают срок», вначале вызывали у меня некое умиление: ну при чём здесь патрон? Как стрелять без пистолета? Самострел сделать не из чего.

Внутри автобус меня поразил. В клетке народу ждёт уйма, а мы отправляемся с пустыми сидениями. В этот раз мы ехали каким-то необычным объездным путём. Как будто экскурсионный автобус – катаемся и катаемся по городу. Увидели два популярных моста, клинику и множество городских улиц. Возле клиники находятся очень интересные трёхуровневые паркоместа. Припаркованная машина поднимается как бы подъёмником, а под ней паркуется другая. Затем подъёмник поднимает две машины и под ними паркуется третья. Очень хорошо придумано. Новая длинная дорога оказалась интересной в эмоциональном и познавательном плане, но животу на пользу не пошла. Я расстегнул верхнюю пуговицу брюк.

Порадовало то, что мы сразу же заехали в здание суда, а не камеры ожидания МДС. Здоровенный автобус втиснулся в подземный паркинг суда. Нас начали выводить группа-

ми до лифта. Лифт оклеен агитационными объявлениями в необходимости носить штаны на поясе, а не в районе колен. «Нет приспущенным штанам!» Я растолстел, штаны даже с расстёгнутой верхней пуговицей и не думают спадать ниже.

На 7-й этаж Верховного суда нас набралось 8 человек. Поднялись лифтом. Встречающий и принимающий нас мент-ирландец читает моё имя и фамилию скорее по памяти, чем с карточки заключённого. Почему-то среди всех здешних подсудимых он одного меня считает настоящей мафией. В тесной камере ожидания набралось человек 20, потом привели ещё и ещё, и нас стало 32. Не то, что прилечь, присесть негде. Я занял позицию у решётки поближе к телевизору. Как впоследствии оказалось – зря. ДВД-плеер сегодня сломался – кина не будет. Но думал я не о кино и не о суде, а о животе. Вокруг беспокойного пуза сконцентрировалась вся вселенная. Время 9 утра, через 5—6 часов меня поведают на суд. Дотерплю или нет? Унитаз здесь есть. Грязный. С него открывается панорамный вид на всю камеру. Метрах в двух от него на расстеленных, на полу газетах спит негр. Обстановка не располагает.

Несколько соседей по скамейке пытаются завязать со мной разговор. Ага, можно подумать мне сейчас до философских рассусоливаний. «Спик инглиш Вери литл – Ураина». На этом всё. Говорить на ломанном английском с жутким «рязанским» акцентом куда проще, чем без ак-

цента. Чувствую себя как Нео из кинофильма «Матрица» в эпизодах «слоу-моушен». Время реально замедлилось, оно не идёт, а медленно и нудно тянется. Такого не бывает в реальной жизни. А живот живёт своей жизнью, время для него тикает с точностью швейцарских часов. Причём часы тикают в обратную сторону, отсчитывая оставшееся время до часа «Ч». Через несколько часов живот к величайшей радости притихает.

Мысли иного характера снова стали посещать мою голову. Есть ли в этой камере люди, проходящие по моему делу? Увижу ли я Василенка? Узнаю ли я его? Что я ему скажу? Передам сообщение от Джимми от его товарища-сокамерника, с которым я пересёкся в МДС. Собственно на этом и всё. Хочется поскорее пойти на суд и выяснить своё будущее. А ещё хочется кушать. Живот успокоился, не приспичит ли снова? Съедаю скромную колбаску, сладость решил оставить на потом. Сажу на скамейке, прислонившись спиной к стене, руки скрещены на груди, глаза закрыты, пуговица на штанах растёгнута, но её никому не видно под тенниской. Во рту привкус колбаски. Помещение заполнено монотонным гулом голосов, клонит ко сну. Суд кажется ещё таким далёким. В итоге я задремал в сидячем положении. Неглубоким, спокойным сном.

Проснулся я от того, что принесли покушать: сэндвич с сыром и упаковка молока. Хочется пить. Но это же молоко плюс мой живот. Калькуляция возможных рисков и по-

следствий. Рискну. Вспоминаю про кофе. Открываю упаковку, засыпаю туда растворимый кофе, взбалтываю, крепко зажав пальцами верхушку картонной упаковки. Капли молока проливаются на пол. Кофе никак не хочет растворяться в холодном молоке. Отпиваю немножко молока и продолжаю перемешивать путём взбалтывания. Молоко, появившееся на пальцах уже не белое, а коричневатое – значит таки смешалось. Вытираю пальцы туалетной бумагой, припасённой в кармане. Сэндвич я не решился кушать и отдал его вечно голодным наркоманам-планокурам. Как я и рассчитывал, кофе придал мне бодрости и ясности ума.

Я приступил к рассматриванию собравшейся публики. Проходящих по моему делу здесь нет, ведь на слово «Украина» никто не прореагировал. И Василенко здесь нет, если конечно он не негр преклонного возраста в очках тихонько притаившийся в углу. Начали понемножку, по одному забирать на суд. Негр в рубашке, чёрном расстёгнутом свитере и галстуке, пошёл первым. Он признал свою вину, вернулся и начал ныть о несправедливости жизни. 21-летнему карлику мексиканцу дали 2 года, он пришёл заплаканный и замкнулся в себе. В клетке ждали своей участи: несколько наркоманов с заторможенным, но счастливым видом; несколько откровенно психически нездоровых личностей, которым тюрьма – не тюрьма; несколько дураков, которых кто-то использовал (в корыстных для себя целях) и посадил, а они только сейчас расчухались и возмущаются; один

африканский беженец; один гомосексуалист постоянно ругающий кандидата в мэры Нью-Йорка, который в своей предвыборной программе обещал бороться с Геями. Остальной контингент совершенно ничем не выделялся.

На суд меня повели гораздо раньше, чем я ожидал. Беру свою папку с бумагами. Мои руки сзади застёгивают наручниками и ведут на суд. В конце коридора. Перед входом в помещение суда стоят два стула. Сажусь, жду. В этот раз адвоката до начала суда ко мне не подзывают. Как же хорошо, что живот не беспокоит! Меня ведут в зал суда. Там как-то подозрительно пусто. Точно – как всегда ничего не готово: ни документов о снятии обвинения о коррупционном предприятии, ни запрос о предоставлении списка улик от прокурора. Перенесено аж на 19 января! И почему я совершенно не удивлён? Отлучаемся на минуту с адвокатом. Он быстренько через переводчицу посвящает меня в курс дел. С воодушевлением говорит о том, что прокурор Бэндлер будет обязан предоставить список улик, согласно закона, и ему не отвертеться. Адвокат быстренько протараторил и убежал. Меня тотчас же увели.

И вот я снова в привычной клетке ожидания. Грызу сладость и думаю, что времени для написания книги мне хватит с головой. С таким ходом событий федералы во Флориде меня не дождутся. А что суды будут откладывать и откладывать – так это я знал ещё в Греции, по сводкам новостей. В прошлом моём дормитории была та же самая карти-

на: после 20-го отложенного суда инмэйты просто перестают их считать. И мент-ирландец скоро будет считать меня неотъемлемой частью судебных заседаний. Живот вновь напомнил мне о себе. Н-да, поскорее бы вернуться.

Значит этот Новый год я буду встречать встречать в Нью-Йорке, а следующий возможно во Флориде. Если повезёт. За нами пришли. 10 человек спускаются лифтом – мы в подземном паркинге. Вот он автобус, на котором мы приехали. Стоит, ждёт. Но идём мы не к нему, а к микроавтобусу, который повезёт нас в MDC в камеры ожидания отбытия на тюрьму. Держись живот! Мои мысли вновь сосредотачиваются лишь на нём. В MDC аналогичная переполненность камер. Все камеры забиты людьми. Это хорошо – значит скоро поедем обратно. Но я не рассчитал одного – людей может не только не хватать на заполнение автобуса, но и быть слишком много. Поэтому автобус укомплектовался и уехал, а мы, новопршедшие, остались дожидаться следующего.

Вновь увиделся с латышами – им опять отложили суд. Латыши уехали первым автобусом. Скучать в одиночестве мне не пришлось. Новенькие всё прибывали и прибывали. По привычке я разглядываю книги в их руках. И тут входит белый молодой паренёк, держа подмышкой книгу на русском языке! Не успел я подумать кто это передо мной, как он меня спросил: «Ты тоже латыш?» «Украина». И вот я созерцаю очередную драму человеческой жизни.

Приехал россиянин из российской глубинки на заработ-

ки в поисках лучшей жизни. Четыре месяца честно работал. Потом виза закончилась, стал нелегалом. С пустыми руками возвращаться домой как-то никому неохота и пошёл он по проторенной здесь многими эмигрантами из СНГ дорожке: карты, деньги, два дружбана. На коренных Джонов Смитов они не походили, поэтому час их поимки настал довольно быстро. Так, что придётся возвращаться не просто с пустыми руками, а ещё и с судимостью, через годик полтора. И вновь берёзки станут такими родными, а старая хата в селе – царскими хоромами. Но счастливая жизнь в роскоши и богатстве – она же была такая близкая, такая реальная и возможная. «Спалился на ерунде – и посадили.. А если бы не посадили – ух, тогда бы...» Просто немножко не повезло. Некоторым везёт. Следуя их примеру, сюда устремляются всё новые и новые ловцы счастья, удачи и халявных денег. Мексиканцы и пакистанцы едут сюда за краюхой хлеба для своей семьи, «нашим постсоветские люди» – за миллионами.

Автобуса дожидаемся около получаса. На обратном пути мне в напарники попал словоохотливый пожилой негр, получивший 5 лет за воровство карточек и готовый пересказать мне всю свою жизнь по пути назад. «Ноу спик гуд» – и я еду в полной тишине. В салоне выключен свет. Тепло. На улице идёт дождь, за окном темно, в полной красе виден светящийся ночной город. Мой живот опять играет в игры с замедлением времени. Негр пьёт молоко, автобус трясётся проезжая лежачих полицейских. Какие шансы на то, что негр

прольёт молоко на меня? Небольшие. Сейчас приедем сразу схожу в туалет и пойду в душ, стираться и мыться. Всё равно стираться надо, я молока не боюсь. Негр спокойно допил своё молоко и бросил пустую упаковку на пол. Ни пролил ни капли даже на себя. Аккуратный. О чём я думаю? Зачем я думаю о всякой ерунде? А это, чтобы не думать о животе. Пуговица так и остаётся расстёгнутой.

В клетке ожидания в самом ГМДЦ есть более-менее приличный унитаз. Дотерплю? Да. Вот мы подъезжаем к дверям нашего блока. Заходим во внутрь, с нас снимают наручники, по одному заходим в маленькую предварительную камеру, затем проходим металлодетектор (вдруг патрон занесём) и сразу в большую камеру, по пути захватив поднос с остывшим ужином. Чревато мне сейчас кушать. Съедаю одну сосиску и яблоко. Когда же наконец нас отправят по хатам? К счастью нас позвали очень быстро и пошли мы быстро. Перед входом в нашу хату нас (3 человека) обыскала наша дежурная ментиха, которая недавно сдавала зачёт по проведению личного обыска. Ощупала она мне карманы и штаны, а толку? В пухлую папку, находящуюся в руке, она так и не заглянула. Нет, не быть ей капитаншей. Вхожу. Туалетная бумага имеется – это очень хорошо. Кладу папку на свою кровать, отматываю побольше бумаги и направляюсь в туалет. Между поручнями унитазных полукабинок ребята привязали палку из-под швабры и активно подтягиваются. Нет, господа, не суждено вам продолжать свои под-

тягивания. Спешно занимаю кабинку на противоположной стороне. Они деликатно удаляются. Затем с нетерпением иду в душ. Я такой потный и жирный, что капли воды на моей коже группируются и с лёгкостью скатываются вниз, «как с гуся вода» в буквальном смысле. Такое впечатление, что как будто жиром помазан. Моюсь долго, потом переодеваюсь во всё чистое и иду в хату. Конечно же тут никто (кроме меня) не ожидал, что мне на столько отложат суд. Теперь чувствую себя здесь, как родной. Стираться или нет? кладу грязную одежду в коробку.

Делаю себе сначала кофе, а потом макароны с рисом и псевдомясной колбаской. Хорошо, что моя постель возле окна. Хорошо, что у меня много одеял. Плохо, что мне здесь куковать и куковать. Забираюсь под одеяло, включаю радио. Какая же утомительная эта поездка на суд! Очень хорошей идеей оказалось кофе смешанное с молоком. Взбодрило и оживило. В следующий раз обязательно сделаю тоже самое и не буду ужинать кукурузой перед судом. На этом всё, буду отдыхать и набираться сил. Усталость в теле стала приятной. Почистил зубы и улёгся в постель. Заснул ещё до отбоя. Засыпая, подсчитал – осталось ещё 83 дня. До чего? Поживём – увидим.

Воскресенье 31 октября 2010.

Вот и подошёл к концу октябрь. Я отоспался за эту неделю, прошедшую с момента суда. Впереди два месяца до Нового года. Настало время ставить перед собой цели и зада-

чи на остаток этого года (на будущий год ещё рано загадывать). Запрещённую к хранению ручку я уже почти исписал – внутри стержня не видно чернил. Вскоре придётся переходить на не удобную ручку. Куплю завтра в ларьке, вместе с очередным блокнотом. За месяц писанины мне более-менее стало нравиться то, как я пишу. Расписался. Остаётся практиковаться и практиковаться. Начал вести статистику, по сколько страниц в день получается писать. В среднем выходит две с половиной страницы. Медленно. Честно говоря. Надеюсь, что беру качеством, а не количеством.

Завтра основательно закуплюсь в ларьке – на здоровье экономить нельзя. Нас то и дело пугают гриппом и возможным карантинном. А что толку, если в душевой вместо кипятка, как в прошлом дорме, течёт тепленькая водичка – попарить ноги не получится. И вряд ли здешняя пища содержит хоть какие-то витамины. К концу этой недели похолодало. Под футболку теперь надеваю майку и хожу в высоких, почти до колена, носках. В столовую надеваю свитерок. В общем, готов к зимовке.

Сейчас занимаюсь в основном не написанием новых страниц, а переписыванием и отправкой домой уже написанных. Диверсификация, однако. Будет жалко, если какой-либо из конвертов не дойдёт и потеряется.

Вчера посмотрел фильм «Уолл стрит 2». Честно говоря, ожидал чего-то большего. Гораздо хуже первой части. Попытался вспомнить сюжет первой части – так и не смог. Стран-

но. «Если Егор смотрит фильм – значит, фильм должен быть хорошим» – сказал тут один кубинец. И точно – на неинтересные фильмы я не хожу. Душещипательные истории про «чёрных пушеров» меня не интересуют. Всё больше и больше времени стал проводить за бумагами, как засяду после обеда, так практически до вечера и сижу. То переписываю и правлю, то творю. Иногда даже проскальзывает мысль о... нехватке времени! Вот что значит найти для себя увлекательное занятие. Чуть не забыл написать: в честь Хэллоуина на обед дали по куску курицы и тыкву. Какие же замечательные праздничные обеды были в тюрьме на греческом острове! Никакого сравнения.

Среда 3 ноября 2010.

С понедельника начал активно переписывать свои дневники, местами их корректировать и отправлять домой. Запрещённая к хранению ручка вчера закончилась. Выбросил её от греха подальше. Пишу теперь ерундовой гибкой короткой ручкой. Скорости написания текста она не прибавляет. Буквы получаются страшнющие и плохо читаемые.

Что интересного произошло за прошедшие дни? Посмотрел фильм «Социальная сеть». Меня прямо таки привели в игровую и усадили его смотреть. В ходе просмотра киноленты все оборачивались и смотрели на меня, сравнивая с главным персонажем. У нас оказались одинаковые причёски и... носы. Где они нашли такого актёра? Почему он выглядит именно так? Почему я сейчас похож на него? Потому

что я являюсь его антиподом. Гарварду – гарвардское, украинцам – украинское. Всё просто и гениально.

Впервые за долгое время в ларьке оказался в наличии шоколад. Плитка 41 грамм, называется «Херши». Худшего по качеству шоколада я в своей жизни не ел. Соевый лецитин вперемешку с маслом какао и микроскопической дозой шоколада. Редкая гадость, но я так соскучился по шоколаду. Ем его и вспоминаю, каким он вообще должен быть на вкус. Скоро забуду вкус нормальной настоящей еды.

За эту неделю в хате сменилась мода на ношение штанов. Теперь все носят штаны на поясе, не демонстрируя своей задницы в трусах. Порядок навёл относительно пожилой, но очень подвижный и бойкий кубинец. Он начал щипать и бить папкой с бумагами по задницам своих здешних «вольноодетых» латинских товарищей, при этом, заявляя, что только «мариконы» ходят с приспущенными штанами, а подобных людей он не уважает. Через несколько дней, вся хата (включая и не латиносов) стала ходить в нормально одетых штанах. Даже капитаны в коридоре удивляются столь резкой и необъяснимой перемене. В остальном ничего нового не произошло.

Поправка. Сегодня вечером произошло. Наконец-то решили проблему с горячей водой. Теперь из крана течёт не просто тёпленькая водичка, а настоящий кипяток с паром. На днях нашу хату посетил «без одного погона капитан» – мент, вот-вот готовящийся стать капитаном. Он за-

шёл в хату и начал нас с умным видом критиковать: почему возле стен коробки с вещами (не положено), почему постели не застелены. Конечно же, на него сразу же «наехали» наши инмейты: почему у всех есть горячая вода, а у нас нет? Хочешь стать капитаном – делай что-то, а не командуй. И вообще, пока не исправишь воду в хате, можешь сюда не возвращаться! Он с умным видом лично пошёл в душевые щупать воду в кранах. Пощупал, убедился, что она прохладная и молча ушёл. Это было в понедельник. В среду вечером дали горячую воду. Теперь можно не просто мыться, а как следует париться. Честно говоря, никто такого от этого почти капитана не ожидал. Вот, что стремление выслужиться творит с людьми, в конечном счёте – они рьяно начинают исполнять свои обязанности.

Пятница 5 ноября 2010.

Часиков эдак в 4 утра меня разбудили и задали вопрос – переезжать будешь? В тупике крайнего ряда кроватей, около дальнего угла, освобождается одна кровать. Слева от неё обитает старый тихий негр, справа – спокойный и тихий спортсмен. И меня как тихого решили пригласить к тихим. Я согласился. На улице темно. Несколько человек пакуют свои вещи, и готовятся к переезду на стэйт-тюрьму. Нет, не удастся мне сегодня поспать. Одеваюсь, от нечего делать чищу зубы. Потом переносу свой матрас и свои пожитки на новое место. Метров 10 от старого. Меня убедили, что зимой здесь совсем не холодно. Невдалеке вентиляция с тёплым

потоком воздуха. Одно окно справа от меня и одно в изголовье кровати. Не дует – это правда. Но зима-то ещё впереди. В общем, поживём-увидим. Переехал успешно. Света с двух окон очень и очень много. Кроме спортсмена никто возле моей кровати не ходит, ибо тупик.

Зовут завтракать. Пристёгиваю бейджик и иду. На завтрак человек 15 набирается, что немало. В сегодняшнем (единственно доступном) меню гречневая каша, яблоко, джем, хлеб и полпинты молока в тетрапаковском пакете. Завтракаю очень и очень основательно, съедая почти всё. Положенные пакетики с сахаром забираю с собой.

Очень и очень не привычно возвращаться на другую кровать. С набитым пузом засыпается быстрее. К сожалению, сытость не спасает сон от утренних зазываний школьников. Ровно в 9 утра к нам заходит школьная учительница – пожилая еврейка с некрашеными седыми волосами, невысокого роста, очень живенькая и бодренькая. С характерным, слегка юморным акцентом, начинает читать мораль школьникам, нежащимся в постелях. Голосок у этой бабульки-божий-одуванчик громкий, заполняющий собой все закоулки хаты. Не проснуться невозможно.

Все и проснулись. И заметили, что моя кровать пуста. «И тут Остапов понесло». У каждого возникала своя версия того, что же со мной произошло: принял вину и уехал на тюрьму; его похитили агенты секретной службы; теперь он в федеральной тюрьме; теперь он работает на них... и так

далее и тому подобное. Выдавшие мой переезд ни словом ни обмолвились. Я лежу себе, укрывшись с головой одеялом, и слушаю эти забавные предположения. Сон полностью прошёл. Я и представить себе не мог, что меня будут так вспоминать и обсуждать. Обсуждения утихли. Никто из знающих так и не выдал тайны моей передислокации. Спать всё равно больше не получится. Вылажу из-под одеяла, беру чистое бельё, полотенце, шампунь, бросаю всё в тазик, надеваю шлёпанцы и иду в душ. И только сейчас до бригады языковедов доходит, что я никуда не пропал. Происходит забавная сценка – секунд на пять. Хи-хи, ха-ха.

В душе основательно распариваю себя кипятком. Затем завтракаю овсянкой, пью зелёный обезкофеиненный чай. У меня возникло такое чувство, что кофе совершенно перестал меня бодрить. После чашки крепчайшего кофе могу преспокойно заснуть. Надеюсь, если сделать перерыв в несколько дней, то оно вновь обретёт для меня магическое свойство источника вдохновения.

Вечером научился играть в новую для меня карточную игру – «джин». Играю с доминиканцем и белизийцем. В картах мне невероятно везёт: часто выигрываю. За карточной игрой вечер проходит быстро. Весь день отговаривал себя писать, откладывая на вечер. Вечером как засел играть, так до самой ночи. Хорошо посидели, поболтали, поиграли. Удивительно, но в Белизе не говорят по-испански. Это бывшая Британская колония в Центральной Америке. Глубоко внутри у ме-

ня закралось такое чувство, что теперь я со всем миром могу найти общий язык. Вот теперь я точно готов к кругосветному путешествию. Аскетическим образом жизни меня теперь не напугаешь, да и иностранцы мне уже совсем не в диковинку. Пора как-нибудь учить и другие языки.

Суббота 6 ноября 2010.

Сплю очень и очень крепко. Может быть, это из-за более свежего воздуха на новом месте. Нас будят в 10:30. До одиннадцати есть время умыться, почистить зубы и выпить кофе. Глаза заспанные, реакция какая-то заторможенная. Ну, как же можно начать утро без чашки крепкого кофе? Даже заводная музыка по радио меня совершенно не заводит. Достал блокнот и записи из-под матраса и положил на коробку. Надо писать. Вот как засяду и начну творить... Эх, подремать бы часок. Но нет, очень скоро нас поведут в столовую. Пообедаем, вернёмся. Я опять выпью кофе, позвоню домой, послушаю радио.

Два часа пополудни. Ручка наготове. Момент начала творческой деятельности кажется таким близким. Вместо блокнота мне в руки попадает вчерашняя газета, за ней – несколько бестолковых журналов. Рассматриваю фотки сытой счастливой жизни американских знаменитостей. Слушаю музыку. «То шо я щас толкового напишу? Вечером, вечером пренебреженно займусь» – говорит мне внутренний голос. А белизец говорит, что неплохо бы и этим вечером в картишки перекинуться. Интересно, когда настоящие писатели на-

ходят время для написания романов?

Днём хорошенько поспал, но всё равно не выспался. Вечером попарился, одним глотком выпил кофе с последним сахаром и просто-таки заставил себя черкануть несколько строчек. С такими темпами «Войну и мир» я точно не напишу.

Понедельник 8 ноября 2010.

Началась очередная неделя. Самое главное – сегодня удалось раздобыть новую хорошую ручку полную чернил. Давненько у нас не было обысков. Шансы распрощаться с ней довольно велики. Остаётся только писать и писать.

Вернёмся к событиям вчерашнего дня. Вечер воскресенья. Раз на обед дают курицу, то на ужин нечего ждать чего-нибудь хорошего. После символического ужина, возвращаясь назад в хату, у меня созрела мысль: а не перекусить ли мне супчиком? О еде после ужина думал не я один. Доминиканец и белизиец пригласили меня поужинать с ними. Вариаций доступных к приготовлению меню не так и много: собрать всё, что есть и залить кипятком (что не заливается – насыпается сверху и перемешивается). У них здоровенная упаковка хорошего китайского риса, 2 пачки супа, пакет рыбы и запасы курицы с обеда. У меня – солёный огурец в рассоле, тунец и бесчисленное количество специй из-под супов (вместо целого пакетика, я бросаю в суп половину, по солёности и вкусовой насыщенности вполне хватает на миску, оставшиеся пакетики всё накапливаются и накапливаются).

Рис и сухие суповые макароны решено перемешать, залить кипятком; сверху насыпать всё остальное плюс горчица, майонез и сыр. В теории, по времени этот не хитрый процесс приготовления простейшей снеди должен занять около пяти минут.

Практика показала, что на самом деле ну никак не меньше двух часов. Всё началось с простого банального вопроса: в чём можно залить кипятком столько риса, да потом ещё и перемешать? Начались поиски посуды. Большая пластиковая ёмкость нашлась с трудом. Затем эту ёмкость пришлось мыть. К моменту её нахождения и мытья горячая вода в самоваре успела закончиться. Около 15—20 мин закипает новая порция воды. Засыпать рис с макаронами в ёмкость и залить кипятком – это тоже время. Рис набухает. Дешёвый китайский рис (64 цента за упаковку) набухает хорошо. Дорогой американский (2 бакса за тот же самый вес, даже чуть меньше) не набухает вообще.

Наша троица к этому моменту в принципе созрела к поеданию даже не успевшего набухнуть, не готового риса – вид и запах еды возбуждает и без того присутствующий аппетит. «Да сколько там того риса – надо ещё пакет супа бросить». До заливания кипятком ёмкость была заполнена ровно на половину. Хватит ли этого на троих? Пока куски курицы были распотрошены на мелкие кусочки, пока солёный огурец был покрошен с помощью ложки (процесс длительный и смешной). Странно, что огурец не улетел на пол. Всё,

наконец-то готово! Курица с тунцом плавает в огуречном рассоле вперемешку с кусочками солёного огурца. Время смешать и кушать.

Открываем ёмкость. Китайский рис действительно разбухает. Жидкости нет совсем. Рис с макаронами упирается в крышку. Не то, чтобы перемешать – засыпать ничего нельзя! В таких случаях здесь прибегают к запасному плану. Расстелить целлофан на крышке коробки, высыпать туда еду и там перемешивать.

Одноразовых кухонных перчаток – в изобилии, одноразовых фартуков, идеально подходящих по габаритам для расстеливания, ни у кого не осталось. Полиэтиленовые пакеты – страшный дефицит. Их тоже нет. Еда есть, а кушать не получается. Если бы не рассол, то можно было бы разложить по мискам еду, а сверху посыпать её начинкой. Но рис мы без специй заделывали, он не солёный и безвкусный. Рассол хранит в себе изрядное количество солёной приправы. Всё-таки это надо как-то перемешать.

Поиски «на чтобы высыпать» не увенчались успехом. Голод – не тётка. Вопрос решили радикально: распотрошили новый бумажный пакет, вывернув его наизнанку. Положили его на прослойку из старых газет, покрывающих крышку коробки. Три коробки друг на друге образуют стол. Перемешали как есть, плотная бумага впитала в себя часть рассола, но не разлезлась. И как это мы столько еды думали съесть втрём?

В 5 часов вечера нас одолевал зверский голод. К 7:15 мы закончили приготовление ужина, но к этому времени аппетит уже под угас. Тем не менее, разложили еду по имеющейся таре и принялись за еду. Вкусно. Много. После съедания половины порции наступил переломный момент. Еда перестала влазить. Едим дальше, смотрим украдкой друг на друга, и не подаём вида, что есть уже не в состоянии. Неспеша так жуём, нахваливая рассольчик, окрасивший рис и макароны. Дышать становится всё труднее.

Вечерняя игра в карты не сложилась. Игра в объедаловку перешла в игру засыпаловку. Сложно сидеть с таким пузом, лежать приятно. А как приляжешь – сразу же клонит в сон. Так, что тем вечером я кое-как прикинул список покупок на понедельник, почистил зубы и уснул гораздо раньше, чем обычно.

Встать бодрым, с утренним зазыванием в ларёк, мне не удалось. Всё равно охота спать и не охота вылезать из-под одеяла. В хате прохладно. На улице этой ночью обещали +6С. Если ещё немного похолодает, то придётся спать под двумя одеялами. Почистил зубы, попутно паря руки в горячей воде.

Поход в ларёк прошёл быстро. В коридорах холодно даже с закрытыми окнами, в ларьке тепло. Кроме обычных покупок, купил 10 шоколадок (хоть этот шоколад и скверный, но я всё равно люблю шоколад) и 10 здоровенных пакетов китайского риса. Интуиция подсказывает мне, что на следу-

ющей неделе, в наличии его уже не будет. Народ набирает даже по 20 пакетов этого риса. Шутка ли – китайский рис почти в 4 раза дешевле американского при лучшем качестве. Ларёк заставлен коробками дорогого риса от пола и до потолка. Китайский под прилавком. Но все-все знают, что он там есть и просят именно его. Инмейтов не проведёшь.

Ещё один интересный момент, почему-то предпочитаемое мной первое окно ларька перестало пользоваться доверием у населения. Никто не хочет покупать у того негра, у которого я постоянно затариваюсь потому, что он очень часто делает ошибки в накладной. Например, вбивая вместо одного пакета чего-нибудь, он получает аж одиннадцать, передержав палец на кнопке. Я же постоянно смотрю на экран компьютера, всё проверяя ещё до распечатки накладной. При этом зачитываю список покупок с заранее написанного на бумаге, а не гадая на месте что бы такого купить. В итоге с середины очереди я отправляюсь к не желанному для других первому окну, быстренько затариваюсь и спокойно ожидаю возвращения, сидя на лавочке рядом со своей, набитой снедью наволочкой. Тяжёлая наволочка получилась – рис тому виной.

Через полчаса все затарились. Возвращаемся обратно. Не удобно нести тяжёлую объёмную наволочку. Как бы это удивительно не звучало, но абсолютно непредвиденный случай избавил меня от тяжёлой ноши, но добавил хлопот. Сознаюсь: да! Я подумал о том, что было бы хорошо, если бы

лично мне не пришлось так далеко тащить на себе эту тяжесть. Нет, я не думал о левитации наволочки в антигравитационном поле, по воздуху или наличию «кравчучки» на колёсиках. Мне почему-то вспомнились так называемые «таксисты» греческой тюрьмы, где пакистанцы за умеренную плату переносили тяжеленные ящики с водой, со льдом, едой и вообще они чуть ли не прирождённые носильщики. Но ничего конкретного я не намечал. И не планировал. Просто так получилось.

У впереди идущего, весьма молодого инмейта (скажем так: персидско-индусской национальности), по дороге назад выпал пакет с чипсами из бумажного пакета. Он остановился. Я тоже, по инерции, думая совершенно о другом. За пакетом чипсов на пол последовали ещё несколько вещей. «Хэлп ми» (помоги) – говорит он мне. А к кому ещё ему обращаться?

Он не так давно прибыл, расположился по соседству с белизийцем. Видел, как мы играли там в карты. Напуганный паренёк, очень надеющийся на помощь адвоката. Прилично одет. Понятное дело ему здесь страшно, инстинктивно он ищет для себя самое безопасное окружение. Ну и нашёл трёх флегматиков, играющих в карты. Одного созерцания со стороны, даже без участия, ему хватило для понимания «ху из ху».

Ну, вот сейчас подниму твои чипсы, супы, положу их сверху на пакет и топай себе дальше. Не судьба. Бумажный

пакет продолжает рваться. Практически всё содержимое пакета вываливается на пол. Паренёк падает на колени чуть ли не со слезами на глазах и пытается собрать разлетевшиеся продукты в одну кучу. «Хэлп ми, хэлп ми плиз» – просит он лично меня. Очередь обходит нас, все с интересом наблюдают. Ну а чем я тебе сейчас могу помочь? Очередь ушла от нас и остановилась за поворотом, невдалеке. «Плиз хэлп» (помоги, пожалуйста). Как? Подходит дежурный мент. И почему они не ходят с запасными пакетами? Мент сочувственно смотрит. Не ругает за задержку, не помогает. Смотрит. И я смотрю. Не могу же я сейчас просто пожать плечами и уйти. И помочь ничем не могу. «Плиз хэлп, пут ит ин ёр бэг» (помоги, пожалуйста, положи это всё в свою сумку). Мне эта идея не нравится. Мой вещмешок и так тяжёлый. Индус стоит на коленях и смотрит на мой мешок, как на оплот последней надежды. Свободного места осталось мало, забит на две трети.

Нет, этот созерцающий мент ничем не поможет. Ничего другого не остаётся. Развязываю свою наволочку. Он начинает складывать туда свой провиант. Эх, сейчас придём, придётся пересматривать и сверяться с накладными. Лишняя морока. «Сэнк ю, сэнк ю». Он даёт мне в руки его бутылку пепси и блокнот, забирая наволочку. Догадался, что нести эту наволочку доведётся ему. Присоединяемся к хвосту очереди. Здесь никому до нас нет дела, никто ничего не комментирует. Странно. «Сэнк ю, сэнк ю вэри мач» – постоянно

раздаётся у меня за спиной до самого возвращения в хату. Всё-таки бестолковый народ эти пакистанцы. В хате я занялся сортировкой вещей: где мои, а где его. Это заняло гораздо меньше времени, чем я опасался.

«Рэк, волкинг аут». Нет, не пойду я сегодня гулять – пойду стричься. Где-то через час нас позвали на подстригание. Я надел самую худшую белую футболку, взял выписанный пропуск и небольшой компанией мы отправились стричься.

В парикмахерской тепло – в каждом окне вмонтированы оконные кондиционеры, помимо общей вентиляции. С футболкой я не прогадал: куда проще вытрусить белую футболку, на которой всё видно, чем серый свитер. Входя, записываем свои имена в книгу посетителей и садимся на стулья ждать своей очереди. В углу работает телевизор. Жужжат машинки, щёлкают ногтегрызки. Среди всё входящих и входящих заметил знакомого русского паренька. Поболтали немного. Как ни странно, общих тем для беседы мало. Ждём своей очереди около часа.

Парикмахер подозвал меня и начал вести непринуждённую поверхностную беседу на испанском языке. Где-то на четвёртом сказанном мной предложении (подлежащее, сказуемое, несколько прилагательных) он меня раскусил и понял, что испанский – не мой родной язык. Про загадочную далёкую страну Украину он ничего не знает. Машинка прошла по моей голове. Пряди чёрных волос скатываются по чёрной ткани, в которую, я укутан. Я замотан

по самую шею, а сама шея залеплена специальной липучкой, чтобы остриженные волосы не падали за ворот. После стрижки взял ногтегрызку и подстриг ногти на руках и ногах. Ногтегрызки находятся в стакане с какой-то синей жидкостью. Стерилизуются. С ней в комплекте дают бумажный пакет для остриженных ногтей. Возвращаешь её на место – получаешь обратно свой пропуск и можешь идти.

Возвращаюсь обратно. Наша полная чернокожая дежурная ментиха, забирая пропуск, делает мне комплимент относительно причёски. Хм, всё-таки она правильно запомнила мою фамилию. Беру чистые трусы, футболку, полотенце, шампунь и иду в душ. На мытьё подстриженной головы тратится заметно меньше шампуня. Вытряхиваю белую футболку от мелких колючих волос (они всё равно умудряются проникать), затем застирываю её. Ненавижу, когда волосы колются. Пью кофе, сохну, натираю лицо и руки кремом. Голова сохнет теперь гораздо быстрее.

После обеда телефоны опять не работают. Вечером другая дежурная ментиха сделала комплимент про причёску. Странно всё это.

Четверг 11 ноября 2010.

«Радио Дэвидсон» как всегда радует. Сегодня вечером с удовольствием и некой улыбкой слушал познавательную передачу об английском языке. Как этот язык меняет русскоязычных людей в эмиграции, когда они живут в чужой языковой среде. Только сейчас на меня снизошло озарение,

что же со мной в действительности происходит. Вот почему стилистика моего русского языка так заметно изменилась. И я не могу не чувствовать это. То моя речь изобилует бесконечными деепричастными оборотами, то скупо штамкую лозунгами и куцыми предложениями а-ля Маяковский. Конечно же, без заимствования иностранных слов в написании своих записок об Америке я ну никак не могу обойтись. Пора оставить свои тщетные попытки писать на литературном русском, подражая классическому стилю. Не смогу. Уже не смогу. Теперь в моей голове родной язык благодаря изоляции и в некоторой степени ассимиляции стал диким и самобытным, обрёл самостоятельность. Местами ловлю себя на том, что стал задумываться о порядке слов в предложении: как бы их красивее и складнее расположить. До начала изучения испанского и углублении познаний английского, такой карусели с прилагательными, подлежащими и сказуемыми у меня не было. С этого момента я твёрдо для себя решил: буду писать, как пишется.

В недавно прочитанном журнале была интересная заметка о том, что написание дневников уменьшает стресс. Возможно. Вероятно. Но размышления как бы яснее выразить свои мысли на бумаге, чтобы они были понятны и другим, вряд ли способствуют душевному спокойствию. Скорее всего, это приводит к некоему личностному росту в навыках журналистики и развитию аналитических способностей. Вот выйду, куплю костюмчик с отливом и стану аналитиком. Ра-

ботёнка непыльная и непонятная. Буду с умным видом в галстук рассусоливать о злободневных темах и пускать пыль в глаза...

Но вернёмся к реальности. Вчера вечером к нам пришли и предложили сделать прививки от гриппа. Я отказался. Вряд ли лично мне прививка пойдёт на пользу. Из всей хаты согласились прививаться всего лишь несколько человек. Буду париться в душе, тепло одеваться и беречь здоровье естественным путём.

Сегодня заметил одну интересную вещь. Бюджет здешнего учреждения слегка сократили. И как-то совершенно не заметно для всех пропал один мент, которого мы видели раньше по 3 раза на день. Попал под сокращение вместе с самоварами. Нет больше ни его в хатах, ни новых самоваров на складе. Одним бездельником стало меньше. Чем он занимался? Работал градусником! Ходил с термометром по всем хатам, измерял температуру и записывал её в блокнот. Оказалось, кондиционеры могут работать вполне самостоятельно и без него.

Суббота 13 ноября 2010.

В хате железно установилась мода ходить в нормально одетых штанах. Новички, приходящие с приспущенными штанами, немедленно направляются в «пузырь» за бельевой верёвкой. Верёвкой они подпоясываются и ходят как приличные люди. К мнению кубинца относительно положения штанов на поясе народ прислушивается.

На днях, без видимой на то причины «выписался» подозрительный тип, которого я принимал за агента секретной службы. Паранойя у меня не напрасная. Вчера после моего звонка домой секретная служба показала свою некомпетентность в прослушивании моих телефонных разговоров. Оказывается, они не просто слушают записи всех звонков, а ведут прослушку в реальном времени! Один из подслушивающих агентов вчера оплошал и выдал своё присутствие. Как я и говорил раньше, в этой игре ошибки возможны с обеих сторон, не только с моей. Правило: «болтун – находка для шпиона» никто не отменял. Обязательно в начале весны в телефонной беседе «ненароком проговорюсь» об артефакте, закопанном на дачном участке. Авось, как в том анекдоте, придут менты и перекопают весь огород. Как представляю себе США с лопатами в руках...

В остальном всё скучно. С нетерпением жду посылки с книжками. Чёркаю уходящие дни в календаре. Много начёркал, много пустых клеточек осталось. Пересмотрел свою статистику написания книги. Медленно. Очень медленно и не результативно. Вчера пришло моё первое письмо с началом будущей книги и дневниками. Ещё два письма в пути, третье на подходе. А книга не продвигается. Планы грандиозные, но дальше них дело никуда не движется. Надо что-нибудь поменять.

Всю неделю кушал шоколад. Начал чесаться (аллергия на эту дешёвую химию), но перестать есть шоколад не в си-

лах. Поздний вечер. Слегка за 11 часов. Игровая комната уже закрыта. Перед сном подкрепляюсь овсянкой – с набитым желудком быстрее засыпается. В хату заходят капитаны в перчатках. Обыск. Вялый вечерний обыск. Ни они, ни мы не проявляем какой-либо инициативы: никто не верит, что сейчас, на ночь глядя, нас будут шмонать. Зашло всего лишь несколько капитанов и несколько Ментов. Ожидается показательный шмон: сейчас поднимут несколько постелей, слегка покопаются и уйдут. Но шмон прошёл ещё проще. Капитан с портативной видеокамерой сначала провёл видеосъёмку душевых, затем быстрым шагом обошёл всю хату, пробурчал на микрофон камеры «происшествий не обнаружено» и ушёл вместе со всей бригадой шмона. Значит теперь у меня уйма времени до следующего шмона для исписывания своей замечательной ручки.

Почти под самый отбой мне в руки попал учебник по грамматике английского языка, также обучающий писать эссе. Учебник с тестами для прохождения выпускного школьного экзамена по английскому языку для тех, кому этот язык родной. Раз акцента я побороть не могу, то не заниматься ли мне грамматикой? В школе и универе я её не любил. Завтра обязательно займусь более тщательным изучением. Свет погас. Прячу книгу под кровать и готовлюсь ко сну. Вот если смешается английская и русская грамматика в моей голове, – то какая каша для будущего читателя из этого получится: вкусная или нет?

Воскресенье 14 ноября 2010.

«Шэвэлэв, мэйлинг рум». Пол-десятого. В такую рань я разбужен такой ожидаемой фразой. Пришла посылка! Удивительно – здешняя почта работает в воскресенье. Одеваюсь, умываюсь. Выхожу в предбанник, получаю пропуск для шатания коридорами, и первый раз иду на почту. Где она располагается, я знаю – каждую неделю, идя в ларёк, мы проходим мимо почтового отделения с окошком для выдачи посылок. В действии я почту ещё не видел. С самым беззаботным видом иду коридорами. Если начать суесться, рассматривать красные линии на полу, читать надписи на дверях и стенах. То первый встреченный мент (стоят они буквально на каждом углу, то есть на поворотах коридоров, развилках и металлодетекторах) тут же тебя незамедлительно остановит и начнёт проверять пропуск, сверяя его с удостоверением личности и временем выдачи. Я на ментов не обращаю внимания, целенаправленно шагаю с постной физиономией а-ля «морда кирпичом». Получается проходить от и до вообще без остановок.

Дошёл я до почты. Там очередь, но очередь занята своими делами. Инмэйты из разных дормиториев увлечённо беседуют и не спешат получать свои посылки. Меня пропустили вперёд. Даю менту в окошке почты своё удостоверение. Здоровенный негритянский детина с длиннющими «дредрами», массивными перстнями на всех пальцах и кучей побрякушек на шее поверх формы взял мой пропуск и ушёл в недра сво-

его почтового отделения. Вернулся он быстро, с посылкой. Надпись «Укрпошта» и с полсотни марок выделяют этот пакет среди других. Мент заполняет тетрадь со списком получателей и отправителей. Ему с трудом удаётся держать ручку в руке – мешают перстни. С не меньшим трудом побуквенно выводит сложночитаемые для него имя и адрес отправителя, затем и получателя. Расписываюсь в журнале. Мент при мне, на моих глазах вскрывает бандероль. Внутри три книги и два журнала. Непонятный язык книг совершенно не вызывает в нём никаких эмоций или удивления. Лениво перелистывает книги и складывает их в очередной бумажный пакет. Порванный пакет с марками и адресом он выбрасывает, отдавая мне содержимое посылки в новом. Беру его, разворачиваюсь, прохожу мимо болтающей очереди и возвращаюсь в хату, предварительно пристегнув на грудь своё удостоверение.

Иду с пакетом и никто мной не интересуется. Вынимаю книжки, сворачиваю и надеюсь сохранить пакет на будущее – авось пригодится. «Золотой телёнок», «Братья Карамазовы», «Луна и грош» и кроссворды с sudoku. Подумать только – почти целых полгода я не читал книг на русском языке! На радостях сразу же принялся читать. С неохотой пришлось прервать чтение и отправиться на обед.

Затем дозвонился домой, отпрапортовал о полученной посылке и погрузился в осмысленное чтение. Меня насторожила одна вещь: стиль написания «Золотого телёнка». Языко-

вые конструкции один в один совпадают с грамматическими формами английского языка. Мне почему-то сразу подумалось, что авторы в совершенстве владели этим иностранным языком. Теперь о порядке слов в предложении. Я вообще перестал задумываться и акцентировать на нём внимание. Будь как будет. Зачитался я до трёх часов, отчего слегонца утомился и надумал поспать. Улёгся, накрылся с головой одеялом.

Сон не пришёл. Пришёл шмон, которого никто не ожидал. Благодаря «сарафанному радио» мы узнали о приближающейся бригаде шмона буквально за пару минут до её появления. Ручка, моя ручка. Прятать или оставить на месте? Я успел исписать её на треть. Не так обидно терять. Оставил её на самом видном месте среди всех бумаг, рукописей и канцелярских принадлежностей. Лёг поверх одеяла. Тишина. Все готовы, лежат на своих местах.

Входит капитан, выкрикивая на ходу «уан Мэн ту уан бэд». Все давно лежат на своих кроватях, приняв соответствующие позы. Капитан слегка удивлён: неожиданного появления не получилось. Честно говоря, шмона на самом деле, особенно после вчерашнего, никто не ждал. Шмон прошёл быстро и безболезненно. Я лишился одноразовых ложек, утреннего бумажного пакета и пластиковой мисочки, в которой лежало мыло. Оставили не только мою ручку, но и старые газеты, которые всегда выбрасывают. Есть и позитивные последствия шмона: отыскиались пакетики с саха-

ром. Этим утром пил кофе без сахара. Думал, закончился – порыскал в своей коробке и не нашёл. Шмон нашёл. Несколько заваливавшихся пакетиков – на этот вечер и до завтра хватит. К чему этот второй показательный шмон – не понятно. Складывается такое впечатление, что нас (самый безопасный дорм) шмонают гораздо чаще, чем другие дормы с более высокой криминальной классификацией.

В начале вечера принял душ, а потом в связи с обострившимся чувством голода, мы затеяли ужин. Ужинали вчетвером: к нашей обычной компании присоединился молодой компьютерщик-индус, сосед белизийца. Тот самый паренёк, которому я помог донести покупки с ларька. Оказывается, этот индус бывал в Москве, где встречался с настоящими русскими хакерами. Там же ему сказали, что самые лучшие хакеры в мире живут на Украине. Но я своё происхождение, country of origin, ему не раскрыл. Ещё чего доброго начнёт приставать с глупыми вопросами.

Весь вечер до отбоя, вместо чтения, провёл за игрой в карты. Чувствую трёх книжек мне на долго не хватит. Надо растягивать удовольствие до следующей посылки. На ночь глядя составил список покупок на завтра. Выпил чаю, и почему-то подумалось: снова понедельник, снова рано вставать. Как-то зачастили эти понедельники с ранними подъёмами.

Понедельник 15 ноября 2010.

«Понедельник – ранний день, подниматься что-то лень». Хватит ли мне продуктов на эту неделю, если я сегодня ни-

куда не пойду? Нет. Надо идти. Нехотя встаю, чищу зубы. Успеваю выпить кофе и скушать сладость. Тепло. Одевать свитер или нет? Одеваю, беру всё необходимое. В коридорах тоже тепло. За нашей шеренгой идущих в ларёк, пристраивают ещё один небольшой дорм. Несмотря на такое количество народа закупаемся на удивление быстро. Шагая тёплым коридором с наволочкой, полной продуктов, я думаю: а не сходить ли мне погулять, раз так потеплело? На всякий случай, поверх свитера одеваю футболку. Меняю носки на длинные и выхожу на прогулку.

С нашей хаты вышло три человека, включая меня. На улице пасмурно. Небо застелено серыми дождевыми облаками. Земля сырая, но росы нет. Всё-таки ещё одна футболка поверх свитерка оказалась совсем не лишней. Подтягиваю штаны, чтобы ненароком не испачкать низ штанины о мокрую землю, и приступаю к круговой прогулке вокруг стадиона. Кто играет в баскетбол, кто усиленно занимается на турнике. Странно, что в один из последних тёплых деньков со столь замечательной погодой, на улицу вышло так мало людей: из 6 хат не набралось даже 30 человек.

Хожу и гляжу на свои штанины. Росы нет, благодаря чему они сохраняют сухость и чистоту. В отличие от штанов, на кроссовки поналипала грязь и мокрая земля. Их точно придётся мыть по возвращению.

Положенного часа мы не выгуляли: начал моросить дождь. Свисток выводящего мента – и нас заводят в зда-

ние. У крыльца, перед входом в здание, мы обтрусили нашу обувь. Теперь кроссовки не такие ужасно грязные. В хате я обтёр их дочиста туалетной бумагой. По идее сейчас бы сходить в душ, а затем заняться плодотворной деятельностью. Вместо этого я вынимаю стельки, пусть дышат, залажу под тёплое одеяло и с удовольствием засыпаю. Как же всё-таки хорошо, что не пришлось стирать штаны!

На обед просыпаюсь (точнее, меня будят) уставшим и разбитым. Совершенно ничего не охота. После обеда ни кофе, ни сладость не придают мне бодрости и вдохновения. Решаю несколько sudoku, слушаю радио, читаю книгу. Хочется спать, но не получается уснуть. Вечером удалось себя взбодрить горячим душем. Но вместо плодотворной деятельности я засел до самого отбоя за карточную игру «джин».

Вторник 16 ноября 2010.

В который раз мне не удалось выспаться. Замену постельного белья назначили на сегодня. Может не менять – ведь у меня сейчас постелено всё новое. Но полотенце сыровато, наволочка не так свежа, как была когда-то. Встаю, собираю бельё в охапку. Узлы развязываются с трудом. Сдаю грязное бельё, получаю чистое, проверяю комплектность, застилаю заново постель и плюхаюсь в неё дрыхнуть дальше.

Часика через два я просыпаюсь от шума работающей дрели и какого-то непонятного металлического скрипа. Странно. Протираю глаза, ищу сонным взором источник беспокойства. У выхода из хаты, прямо над столом дежурного мен-

та, бригада рабочих со стремянкой меняют люминисцентные лампы. Странное дело: они меняют рабочие лампы на... рабочие, а некоторые нерабочие не трогают. Заменяли с десятков ламп и ушли. Мотивы этого загадочного обмена ламп остались неизвестны.

Вечером произошло интересное событие. К нему привело желание рядового мента выслужиться. В нашей хате очень часто стали появляться менты-новички. Их недавно приняли на работу, вот они и стараются выслужиться в первый же день службы. Молодой чернокожий паренёк, спокойно сидящий на стуле и разглядывающий скорее свою новую ментовскую форму, чем нас, вообще ничего не предвещал своим скромным присутствием. «В тихом омуте черти водятся». Кто же знал, что в его голове очень плотно засели выученные инструкции относительно возможных «ЧП». Ему их туда так плотно забили, что он почему-то решил использовать их вместо логического мышления. Оказывается, всегда слепо следовать инструкциям не так хорошо и замечательно, как кажется на первый взгляд.

Представьте себе слегка напуганного мента в свой первый день службы. Вокруг одни криминальные элементы. Страшно. Оружия для самозащиты нет, вместо кольта на поясе болтается какой-то никчемный баллончик. Сидит себе этот свежеиспечённый мент на стуле, спиной к окнам игровой комнаты – мечтает стать капитаном. И вдруг за его спиной возникает возможность выслужиться и продвинуться по ка-

рьерной лестнице в первый же день! Инструкции «что делать в такой-то ситуации» вспыхнули в его сознании, и он незамедлительно принялся их исполнять. В игровой комнате произошла совершенно незначительная потасовка, перепбранка на повышенных тонах, которая могла бы привести к драке. Мент в одно мгновение залетел в игровую и попытался их уговорить.

Кстати говоря, мент-новичок без накопленного авторитета шансов убедить кого-нибудь в чём-нибудь не имеет вообще. Такого безразличного отношения к своей персоне, да при исполнении служебных обязанностей, он никак не ожидал. В чехле на поясе висел самый крайний и убедительный аргумент, коим он не замедлил воспользоваться. Эдакий маленький неприметный баллончик. Однажды я видел его в действии. Эффективность потрясающая. Но и в этот раз смехотворный жест мента (расчехление баллончика) не привлек внимания. «Вестернов, что ли пересмотрел». Неуверенные в себе менты частенько достают этот баллончик, поигрывают, но никогда на самом деле не используют.

Стоит он как дурак с баллончиком в руке, а на него никто не обращает внимания. Обидно! палец неуверенного мента уверенно надавил на кнопку. Белая тонкая струя плотной массой вылетела из носика баллона. Представьте себе слезоточивый газ в маленькой тесной комнате с кучей народа внутри. Что в ней произошло, я узнал лишь со слов очевидцев. Лежу на кровати, читаю – и вдруг из игровой как по-

валят люди! Прямо как «черти из табакерки», ретировались все. Кто побежал умываться в ванную, кто от греха подальше сразу же нырнул в свою постель. И тишина.

Только мент в своём «пузыре» докладывает по телефону сложившуюся обстановку. Пришли капитанши, злые-презлые. Оказывается, каждый баллончик снабжен пломбой. При нажатии пломба срывается и начинаются неприятности. Как таковой драки не было. Осматривать руки на предмет наличия синяков и ссадин нет смысла. Внятного объяснения, почему дежурный мент решил воспользоваться оружием, не было. Мало того, со страха или от неожиданности он забыл против кого именно он использовал баллончик! При «пшике» все дружно разбежались и смешались в толпе у дверей. Совещание в «пузыре» ни к чему не привело. Пришло ещё несколько капитанов. Вот кому придётся отчитаться за происшествие.

Началась бюрократическая волокита. В игровой комнате, предварительно проветренной, засел капитанский штаб. Некоторым из нас раздали листки: «Напишите, что вы видели». Все написали, что они спали и ничего не видели. Сонное царство! Капитаны сменили тактику допроса и начали заводить к себе в игровую инмейтов в случайном порядке и по одному. Это тоже не принесло никаких плодов: «стучать» здесь не принято.

Тем временем одумался молодой виновник происшествия. Видимо после пролистывания картотеки с фотогра-

фиями инмейтов он вспомнил некоторых участников драматического события. Капитаны ушли, унося с собой кипы исписанных бумаг. Минут через пять спорщики-провокаторы со слезами на глазах упаковали свои вещи, согласно распоряжению капитанов, и были переведены в другие хаты. Ещё через пять минут их места заняли новые люди. Жизнь пошла своим чередом и об этом событии больше ничего не напоминало. Этого молодого мента с тех пор мы больше не видели.

Среда 17 ноября 2010.

Вечером состоялась самая грандиозная карточная игра. Всё началось достаточно банально. Я играл в «джин» с белизийцем и доминиканцем. Потом к нашей игре подключился молодой индус, и игроков стало четверо. Неожиданно для самого себя, мне почему-то пришла в голову идея поиграть во что-нибудь повеселее начинающего надоедать «джина». Первым делом, конечно же, я подумал о «дураке», но так и не вспомнил по сколько карт раздаётся на руки: 6 или 7. Тасую колоду карт. И тут мне в руки попала карта, кардинально изменившая весь вечер. «ПИКОВАЯ ДАМА». Правила этой игры незамысловаты. С первой же пробной сыгранной партии игра очень понравилась игрокам. Мало того, она вызвала такой бурный интерес у окружающих, что вокруг нас собрались любопытствующие наблюдатели.

После второй сыгранной партии зрители превратились в игроков. К нам присоединились нигериец и американец (представьте себе – здесь водятся американцы). Некоторые

подходили и интересовались правилами игры. Энергетика бешенная. Шум, гам. Все смеются на ровном месте. Даже при всём желании удержать серьёзную мину на лице нереально. Я аж вспотел. Некоторые игроки покрылись румянцем. Пиковая дама гуляет по кругу. Об игре в «джин» никто и не заикался.

В перерывах между партиями собравшимся зрителям показывались карточные фокусы. Зрители и игроки находились в столь расслабленно-затуманенном состоянии полнейшей прострации, что не были способны разгадать даже простейшие карточные трюки. Так зарождается вера в магию. Думаю, завтра не только мы будем играть в эту незамысловатую игру. Играли три часа подряд, до выключения света. Игроки пожали друг другу руки и разошлись в полной темноте. Лишь отсутствие света и присутствие капитана могло остановить сегодняшний игровой процесс.

Пошёл умыться. Лицо такое жирное, как будто неделю не умывался. Уставший, как будто дрова колот. Настроение замечательное.

Четверг 18 ноября 2010.

Что бы вы думали? Опять спозаранку меняют лампочки. Вот они какие – здешние грызуны бюджета. В хате все лампы вполне реально заменить минут за 40, а их меняют уже третий день. Приходят рабочие с одной маленькой коробкой ламп. Со скоростью, медленнее эстонской, они приступают к работе, и вяло, но шумно, меняют люминисцентные лам-

пы. Открутят плафон. Откроют. Вынут старые лампы. Поставят новые. Закроют плафон. Завинтят шурупы электроотвёрткой. Передвинут стремянку под следующую лампу. Зарплата у них почасовая, и это при непостоянной работе. Поэтому они не спешат её закончить: ведь платят за работчасы, а не за результат.

Шум портативной дрели на батарейках, закручивающей и откручивающей шурупы, не располагает ко сну. Наблюдая с постели за процессом. Самое интересное, что и сегодня они не довели до конца свою работу: осталось 3 лампы по 2 лампочки в каждой. Похоже, они и на завтра обеспечили себя работой. Тут среди нас есть один электрик. Работа здешних мастеров его совершенно не удивляет – говорит, что он работает точно так же.

Рань несусветная. Лампы уже горят – значит, время позже 8-ми. Школьники в школу ещё не идут, значит не позже 9. Встаю, иду и принимаю горячий душ. Заливаю кипятком колумбийский кофе и упаковку овсянки. Завтракаю. Школьников снова начинают будить и направлять в сторону учебного заведения. Тихо. Беру книжку, немного читаю. Душ и кофе дали потрясающий результат – на меня снизошло утреннее вдохновение. Сел на коробку и написал пару страниц вразумительного текста, даже сам остался доволен результатом. Как бы найти побольше этого самого вдохновения?

Днём активно слушал радио. Виктора Бута всё-таки экстратировали из Таиланда, теперь он сидит в МСС. Стран-

но, но я ощущаю некую солидарность по отношению к нему: ведь он два с половиной года боролся с экстрадицией, боролся за свою свободу. Достоин уважения, когда человек плывёт против течения. Жаль, что крайней гаванью заплыва оказался в итоге Нью-Йорк. С другой стороны – это скорее море, как ни барахтайся в реке, всё равно попадёшь в море. Дамы и господа, не попадайте в коварные горные реки, живите тихой спокойной жизнью где-нибудь в пустыне или тайге, подальше от быстротечных рек жизни. В крайнем случае, для своей прокормки тягайте рыбу с этих рек удочками с берега. Понемножку, не замочив ноги, ибо крупные рыболовные траулеры, не справившиеся с течением, в итоге выбрасывает в открытое море. А море – не место для тьюфяков и слабых духом. Море – это путь в океан. Надо быть Колумбом или Магелланом для путешествий такого масштаба. Мало на свете Колумбов. Может от того, что им подобным зачастую отказывают в первоначальной ссуде: «кругосветное путешествие – конечно, замечательно, но стройте себе корабль сами, за свои, а там видно будет». Вместо бескрайних просторов океана неудавшиеся мореходцы вынуждены довольствоваться... лужами. Или гранёными стаканами, превращаясь в любителей запотевшего графинчика да незамысловатой закусочки. Что-то меня сегодня потянуло на лирические отступления. Философствую. А всему виной скука и обыденность бытия.

Хоть пицца для ума в виде книг и sudoku есть. С белым

светом новых люминесцентных ламп читается лучше, светят равномерно, глаза не устают. Очень вовремя их поменяли. Скоро ещё одну посылочку с книгами получу, будет что читать.

Пятница 19 ноября 2010.

День проходит очень быстро. Сутки коротки, но дней много. Продуктивных дней мало. Сегодня, слегка вдохновлённый книгой «Луна и грош», проверил свои способности в рисовании. Взял распечатку своих телефонных звонков, сложил её дважды и принялся рисовать на чистой обратной стороне. Нарисовал я спящую дежурную ментиху. Она облокотилась о стол, положила голову на руку и дремала. Недвижимый объект легче рисуется с натуры. Чёрной ручкой за пять минут набросал лёгкий эскиз. Далеко мне до совершенства, я абсолютно забыл, как это делается. Но вышло не так паршиво, как я ожидал.

Молодёжь повально занята рисованием Микки Мауса на обратной стороне конвертов или созданием открыток с любимыми мультперсонажами. Некоторые рисуют на куске материи, укорачивая казённые простыни. Получаются небольшие платочки с рисунком по центру и плетёными краями – сувениры для детей или подруг. Парадокс. Твёрдые пластмассовые ручки держать запрещено, а длинные жёсткие деревянные остро заточенные карандаши можно. Но это не художники, а ремесленники. Рисуют практически одно и то же, зачастую под копирку. Разукрашивают и продают

по 2 – 5 баксов. Более продвинутые лепят из мыла небольших медвежат, разрисовывая их бурыми карандашами. Если слепить из мыла макет пистолета и покрасить в чёрный цвет, то это закончится плохо. Уже узнавал, чисто из праздного любопытства. Можно даже раздобыть специальный альбом для рисования с хорошей бумагой и карандашами. Но вот незадача – рисовать то нечего. К рисованию диснеевских персонажей совковая душа не лежит. Разве что притащить сливу из столовой, положить её на упаковку риса, подпереть супом и нарисовать «натюрморт в натуре».

Суббота 20 ноября 2010.

Вчерашним вечером произошла маленькая трагедия. За тот вечер я основательно подъял свои запасы сладостей и псевдоколбасок потому, что кушать больше нечего. Сломался самовар и кипятка больше нет: сухой рис и супы сиротливо покоятся на дне коробки. Но трагедия заключается в том, что новых самоваров на складе нет. И не будет. В связи с кризисом бюджет учреждения сократили. Мало того, планируют сокращать и дальше. С нашего рациона в столовой вскоре пропадёт чёрный перец, а суточную пайку урежут на 500 калорий с 2,5 тысяч до 2 тысяч.

Днём заходила низкорослая бойкая капитанша, смотрела наш самовар. Вместо самовара усмотрела курильщиков в туалете, позабирала у них удостоверения личности. Наверное, их скоро отсюда переселят, или просто отделаются строгим выговором. Борьбa с курением в тюрьме бесполезно,

капитаны это знают и вынуждены смотреть на это сквозь пальцы. За исключением бойких тётушек. Они любительницы повоспитывать и почитать мораль. Полноватые тётки в летах здесь количественно преобладают.

Вечером из столовой принесли бидон-термос с кипятком, литров 30. Сделал себе крепкого кофе. Днём пил кофе по-гречески, на холодной воде.

Но самая интересная вещь произошла утром: я проснулся со щемящим чувством голода (сладости на ночь глядя не смогли заменить полноценный горячий ужин), поднялся с постели и таки пошёл на завтрак в столовую. Там на всех табличках в графе положенной утренней пайки хлеба уже успели заменить цифру «4» на «2», но всё ещё выдают по четыре ломтя. Я обильно помазал их повидлом и съел. Выпил молоко, пакет хлопьев и сахар забрал с собой. Хлопья это не рис, их можно и так погрызть. Аж 12 человек отправилось сегодня завтракать, бьём рекорды. После завтрака продрых до обеда и встал не выспавшимся и разбитым.

Днём немного поиграл в карты с молодым индусом (24 года, мой сверстник), а потом часок-другой подремал. Читаю книги, решаю sudoku. С сегодняшнего дня начали крутить рождественскую музыку по многим радиостанциям. Этот Новый год мне доведётся провести на этом острове. Вероятно, впервые за последние два года увижу снег. Предпоследний Новый год я встретил на маленьком острове Кос, затерянном на окраинах Эгейского моря. Последний я встре-

тил в Курдало, центральной тюрьме Греции. Сейчас грядёт первый в моей жизни трезвеннический Новый год, без капли спиртного. Подумать только – греки по большим праздникам раздавали в тюрьмах по баночке пива или по стакану вина. Американцы ничего не дают, а только думают, что и где бы им урезать. Не то что пива – вскоре и чёрного перца не дождёшься. Безвкусная пища станет ещё более безвкусной. В который раз вспоминаю греческую тюремную кухню: там два раза в неделю давали жидкое – супы, похлёбки. Еда была солёной, перчёной и вкусной. Здесь жидкой пищи практически не бывает: раз в неделю дают фасоль, плавающую в собственном соку. Здешний генетически модифицированный картофель есть невозможно, макароны скверные. Постоянно приходится кушать спаржу и отварной овощной набор. Начал кушать шпинат, вспоминая о моряке Папае. Витамины встречаются в тёртой моркови (конечно же, она несладкая и безвкусная, как трава. Я сомневаюсь, что она вообще видела землю), нарезанной капусте (греки поливали капусту оливковым маслом, здесь капуста голая без ничего) и листьях салата (дают раз в две недели). Взял за правило сначала съедать всё полезное, а потом доедаю остальное, что в меня влазит – мясо, фасоль и тому подобное. В одиннадцать часов обедаем в столовой, в два я делаю себе супчик, в пять ужин в столовой, в 10—11 вечера – опять обильно готовлю, заливая рис, суп и кушаю рыбные консервы (тайландский тунец, хвосты лосося). На ночь глядя или с утра

кушаю овсянку. В общем слежу за своим питанием и здоровьем. Скоро ещё больше похолодает и начнётся сезон гриппа.

Понедельник 22 ноября 2010.

Так и не рискнул выйти прогуляться на улице. Выйдя придётся целый час торчать на открытом воздухе. Воздух сырой и холодный, +14С. Ради чего, спрашивается, рисковать? После похода в ларёк я решил вздремнуть. Не вышло – пришла делегация в составе восьми человек для замены лампочек. Незамененными остались 3 лампы, по 2 лампочки в каждой. Процесс с разговорами и непонятно чем занял у мастеров практически час. Отрабатывают рабочасы. Самое поразительное, что и при полном безделии мастера умудряются непонятно, как шуметь. Я отбросил тщетные попытки заснуть и отправился с утра пораньше в душ. Вода обжигающая, благо два душа из шести оборудованы смесителями.

Вчера и сегодня питьевую горячую воду нам приносят из столовой. В коридоре уже с самого утра стояла ёмкость с кипятком, что невероятно порадовало. С удовольствием заварил себе здоровенную чашку крепкого горячего кофе. До обеда внимательно и с интересом читал «Братьев Карамазовых». Где ещё можно так углубиться в русскую литературу как не в Америке!

Вечером нам принесли новый блестящий самовар. Он кипятит воду гораздо быстрее прежнего и вода с него течёт очень и очень горячая. Одна деталь в нём непривычна

и неудобна: в прежнем самоваре для добычи кипятка из его недр рычажок крана требовалось опускать, а в этом наоборот – поднимать опущенный. Всё время складывается ложное впечатление, что он стоит пустым, понуро опустив свою чёрную ручку.

Вторник 23 ноября 2010.

Утром, согласно графика, намечается смена постельного белья. Проснулся я с лёгким неожиданным для себя ощущением голода. Мне снилось, как я жарю шашлыки. Не знаю, к чему это такое приснилось. Сменил простыни, а затем приготовил себе овсянку. Вода настолько горячая, что теперь невозможно удержать за дно одноразовую пластиковую мисочку с овсянкой – обжигает пальцы.

Заснуть не получилось. В голову закралась шальная мысль – не пойти ли сегодня на улицу? Днём обещали до 17 градусов тепла, но это днём, а сейчас ещё раннее утро. Светит солнце. Оно не похоже на южное солнце Греции. О, нет, это скорее солнце, освещающее Киев в 10-ти градусный мороз. Коварное солнце, я ему не доверяю. В хате тепло, но это заслуга работающих кондиционеров, а не небесного светила. Нет, не пойду. Закончив завтрак, чищу зубы и залажу под одеяло. Зовут на прогулку, выходят три человека. Спортсмены – им не холодно. Я дремлю. Увы, спать получается лишь короткими отрывками. Дежурный мент зовёт на «сик лист» (кто-то записался на посещение больницы), потом на «медикэйшен» (приём лекарств для нуждающихся).

ся), а в самом конце, в 9 утра начинается «вэйк ап фор скул». Все вызовы идут с интервалом в полчаса. После каждого я просыпаюсь (подозреваю не я один). Попытки подъёма нерадивых школьников, которые упорно не хотят идти в школу окончательно разбудили меня. Встал с постели разбитый и, странное дело, не выспавшийся. Кофе не помогло. Второе кофе не помогло тоже. На чтении сосредоточиться не получается, слушаю радио до обеда. После обеда перестают работать телефоны. Жду, когда они заработают. Безрезультатно.

Чтение Достоевского пробуждает во мне аппетит. Делаю рис с супом и псевдоколбаской. Их я купил целых 20 штук, вместо 10, на случай длительного отсутствия самовара. Также я хотел купить 5 пачек кукурузы (её не надо заливает кипятком и можно есть просто так), но её не оказалось в наличии и тем лучше. После второго обеда полагается вздремнуть. Выпитое накануне кофе не содействует. Наелся до отвала, а сон не идёт. В хате тихо. Телефоны пустуют. Чувствую усталость и сытость, а уснуть не могу. Ну, что ж, значит, буду бодрствовать.

Лежу на животe, укpывшись одеялом до плеч, читаю Достоевского. Новые лампы освещают всю комнату приятным для глаз белым светом. К трём часам нас посещает почта-льонша. Я на неё никак не реагирую, так как писем ни от кого не жду. Тем не менее, она называет моё имя и фамилию, причём первыми. Удивительно! Раскрываю одеяло, опускаю ноги в кроссовки и топаю к столу, попутно доставая из кар-

мана «айди». На столе среди писем лежит небольшая посылочка с полсотней почтовых марок, наклеенных на целлофановую упаковку Укрпошты. Пришли очередные книги, причём неожиданно быстро. Буквально 10 дней прошло. Почтальонша вскрывает при мне посылку, лениво и невнимательно перелистывает книги, подталкивая их ко мне по столу по мере просматривания. Батарея марок на посылке привлекает всеобщее внимание. Вместе с книгами мне достаётся и разорванный пакет с марками и адресом. Пакет я выбрасываю, книги отношу на кровать. Достоевский откладывается на потом. Набоков, Розанов, Леви, Фицджеральд и несколько других, более развлекательных книг. Пролистываю «Дар» Набокова. С абзацами автор не слишком дружил, диалоги расписаны в кавычках вместо привычных тире на каждой новой строчке – на манер английского языка. Собственно, это я и хотел увидеть. Теперь мне мои диалоги в кавычках совершенно не режут глаз, можно писать и так, мне почему-то так легче. Нутром чую – надо расширять кругозор в сторону русскоязычных писателей эмигрантов. Ведь и я, в некоторой степени, сейчас эмигрант, хоть и поневоле.

Дозвониться домой и отпрапортовать о прибывшей посылке так и не получилось. Трубки телефонов упорно пищат, АТС не работают. Прошёл слух, что будут повышать тарифы на телефонные разговоры. Гудок в трубке раздался ровно в 8 вечера, вызвав доселе невиданный ажиотаж и толкучку у телефонов. Где-то в это время я пошёл в душ, а затем про-

вёл пару часов за карточной игрой. Играем в «джин». В воздухе витает идея об игре в Пиковую Даму, она же Ведьма. Вчетвером играть не так интересно, а пятого игрока всё никак не найдём, он вечерами работает на кухне.

Среда 24 ноября 2010.

Начал реально ощущаться дух Нового Года. Сегодня на обед давали молоко у которого срок годности до 2-го декабря. Декабрь на носу! Как же быстро и бестолково пролетел (почти пролетел) ноябрь.

Читаю Набокова, всё вдохновляюсь что-нибудь написать. Вместо этого, к сожалению, лишь бесцельно дрыхну.

Вечером в очередной раз шумно и весело играли в Пиковую Даму. Зрители, увлечённые ходом игры, присоединились к нам после второй сыгранной партии. В целом количество игроков выросло аж до шести. С трудом удалось разместиться вокруг одной кровати. Чем больше игроков, тем на дольше затягивается одна партия. Пиковая Дама успевает сделать несколько кругов, накаляя атмосферу. Все с весёлым видом блефуют, перетасовывая свои карты в руке. Я так заигрался, что даже чуть не забыл поужинать. За пол часа до отбоя сделал себе супчик. Игра продолжалась до выключения света. Думаю, завтра игра продолжится.

Четверг 25 ноября 2010.

Погода лондонская. Пасмурно, туман, моросит мелкий дождик. Кондиционеры работают на ура, иссушая воздух. Ночью проснулся от жажды, нащупал под кроватью вче-

рашнее молоко (первая вчерашняя упаковка ушла на кофе, на ужин дали ещё одну). Оно не успело прокиснуть за ночь на холодном полу. Все окна в хате с внешней стороны, за стеклом заставлены в два ряда упаковками молока. Снаружи, на улице около 10-ти градусов тепла. Я не люблю пить холодное молоко, оставил свою пачку просто под кроватью. Утолил жажду и уснул.

Проснулся я от необычной суеты в хате. Одновременно как-то непривычно пусто и шумно. Поднялся, умылся, выпил кофе, окончательно расчихался и «въехал в тему». С праздником вас, уважаемые пилигримы! Оказывается сегодня День Благодарения. Индейка и всё такое. Очередь к телефонам с самого утра, человек 15 отправились на свиданку (вот почему так пусто). Вместо наших обычных дежурных ментих работают какие-то чужие, подменяющие. Распространяются слухи о праздничном обеде. Индейкой меня не удивишь – и так едим её каждую неделю. Пока мне не сказали, что в макаронах находится перемолотая индейка, я и не знал, что ем индейку, думал обычная курятина. Вкуса абсолютно не имеет. Предвкушаю царский обед (нет, подумать только – сам не верю, что вспоминаю Грецию и те греческие обеды.) Там в тюрьме на Рождество давали по пол-индейки! Навскидку полтора-два килограмма мяса! Одна порция! Плюс картофель фри, свежий греческий салат, стакан вина и ещё что-то. Индейка зажаренная, вкусная со специями и не из супермаркета, а выращенная прямо на острове.

Мы эту индейку успешно кушали на протяжении нескольких дней, благо холодильник был. Ножку, крылышко, грудку... Посмотрим, повлияло ли на сегодняшний обед сокращение бюджета или нет.

К 11-ти часам нас зовут на обед. Наша хата никогда не собиралась в предбаннике так быстро. Шеренга предвкушающих топает в столовую. Внутри пахнет чем-то приятно-сладким. Сидящие за столами обитатели других хат уже съели свои порции, понять заранее по дороге до окошка выдачи, что там дают, не получается. Получаю поднос с пайком – тяжёлый, но ничего экстраординарного. Наливаю себе чашку псевдосока, присаживаюсь и начинаю изучать содержимое подноса. Шпинат в одной секции соседствует с мармеладом в другой секции. Ещё одна небольшая секция вмещает в себя кусков шесть отварной тыквы. Основное блюдо что-то страшное, ужасное, политое соусом, неприглядное и несъедобное на вид. На двух кусочках хлеба в крайнем отделении покоится заманчивый белый бумажный пакет с горячим содержимым. Разворачиваю – внутри белое мясо индейки. Заворачиваю и прячу в карман. Такое впечатление, что её специально подготовили на вынос. Почти все засовывают эти пакетики в карманы, некоторые кушают всё на месте. Мой сосед через стол высыпал индейку на хлеб, а бумажным пакетом прикрыл страшнющее основное блюдо. «Не могу смотреть на него – портит аппетит». Улыбки. Под хлебом обнаружился тонкий кусочек кекса. Кекс с изюмом и тёртой мор-

ковью. Вероятно, вершина кулинарного искусства американской кухни. Съедаю тыкву, мажу мармелад на хлеб и съедаю его, закусываю кексом. Индейка приятно греет бедро в кармане. Сочтём это завтраком, а не обедом. Не успел я доесть кекс, как нас уже поднимают со столов. Действительно, нереально всё съесть за отведённые 10 минут, а тем более насладиться едой. Несолёной едой. Здесь в столовой не кушают, а потребляют отведённые дневные калории. Техническое поглощение безвкусной пищи, а не трапеза. Полный аскетизм.

Днём у телефонов светопредставление, очереди дикие, все хотят поздравить своих домашних, а телефонов всего три. Мне не к спеху. Ложусь читать книжку. Часам к двум делаю себе рис, раскрываю пакет с индейкой. Холодная она не выглядит привлекательной. Крошу её чистыми пальцами в рис. По цвету и фактуре она напоминает древесину. Несолёная отварная безвкусная индюшати́на. Специи от супов спасли положение, придав получившейся смеси вкус курятины. На вечер осталось полпакетика индейки. Стараюсь не вспоминать Грецию. Звоню домой. На Украине непонятно почему тоже пытаются праздновать День Благодарения. Как говорится «а повод всегда найдётся». На ужин дали салат из тунца. Наверное, это самое дорогое и вкусное блюдо всей здешней кухни. Более поздним вечером, глядя на недоёденные запасы индюшатины, мы поужинали ещё раз. Много мяса, майонеза, мало риса и вермишели. Наелись до отвала. И не мы одни: вся хата исступлённо доедала индюшати́ну.

Свет не потушили, время около 11 вечера. Тишина. Многие уже спят – вот что сытость творит с людьми.

Пятница 26 ноября 2010.

Игра «Пиковая Дама» покинула наш скромный кружок и распространилась по хате, как эпидемия заразного вируса. Вечером часть вовлечённых в игру удалилась играть в игровую комнату, вызвав там ещё больший интерес у зрителей. Новые зрители не могли спокойно наблюдать за столь весёлой игрой и незамедлительно к ней присоединялись. Играющих стало семеро. Игра длилась с пяти вечера до полуночи. Под конец игроков стало восьмеро и играли они стоя, обступив плотным кольцом свободную кровать. Всю соль, весь дух и все захватывающие эмоции игре придают афроамериканцы. Без них игра была бы скучной. Она пробуждает в них некие первобытные инстинкты, бурно вырывающиеся наружу. Игрок, вовремя соскочивший из игры, на радостях искренне вопит и прыгает на месте. А за ним второй, третий... Они тут же начинают не зло подтрунивать над оставшимися в игре. Это в комплексе и привлекает всё новых игроков.

По аналогии эту игру можно сравнить с подобием некоей безопасной русской рулетки с одним проигрышным патроном в обойме. Никто не верит, что участь проигравшего может выпасть именно ему – ведь игроков то много. Посмотрим, что будет завтра. А сегодня я лежу и читаю Набокова. На улице пасмурно и холодно. Скорей бы увидеть снег и перезимовать.

Из интересных событий: сегодня произошла задержка обеда. Нас разбудили в пол-одиннадцатого, обычно к одиннадцати мы отправляемся обедать. В этот раз мы ждали, ждали и снова ждали. В час с копейками, наконец-то, пошли обедать, приобретя к этому времени зверский аппетит. Утром в столовой не работали кондиционеры, там было холодно. В холодное помещение нас вести трапезничать не решились – вот и ждали. Ужинали как обычно.

Пятница 29 ноября 2010.

Раннее солнечное утро. Комната освещена косыми лучами зимнего солнца. Скромные ларёчные закупки уложены в коробку. Расходов всего навсего на 17 баксов. После праздника «чёрной пятницы» и последовавших ажиотажных распродаж в наличии практически ничего не осталось: ни рыбы, ни шоколада, ни ханибанов, ни многого другого. Появилось какао, взял пачку на пробу.

Наша хата не спит. Многие развязывают узлы на простынях, выбрасывают хлам, перепаковывают вещи – готовимся к шмону. Со вчерашнего дня объявлена тревога, здание закрыто. В столовой между собой подрались какие-то латиносы из разных хат. Во избежание будущих эксцессов будут шмонать все хаты, и искать оружие. Похоже, что я дописываю последние строчки своей замечательной, но так и не успевшей закончиться ручкой. Утром на 15 минут нам разрешили быстренько помыться в душе (я вчера успел ещё до тревоги), а также открыли игровую и рекомендовали за-

брать свои вещи, чтобы потом не выискивать их в общей кухне.

Тело, повинувшись выработанной привычке тянет ко сну. Разум пытается бодрствовать. Ни чашка кофе, ни чашка какао окончательной бодрости не принесли. Читаю Набокова, Набоков в свою очередь читал Розанова, Достоевского, Чернышевского и много чего другого. И я буду читать. А пока аккуратно раскладываю свои книжки под матрасом. После выбрасывания старых газет там освободилось много места, которое я тут же приспособил. Чем бы ещё себя занять перед обыском? Писать лень, спать бессмысленно. Читаю, пью кофе.

«И-и-гор!» – зовёт меня дежурный мент. Оборачиваюсь к нему. «Ю хэв видеоколл». Щось у лісі здохло. Адвокат проявил инициативу и решил всё-таки связаться со мной. Ну и времечко он выбрал! Допиваю одним залпом кофе, надеваю свитер, выхожу в предбанник с пристёгнутым на груди бейджиком. Пропуска мне не выписывают и просят подождать. Снимаю свитер, ложусь на кровать и жду. От выпитого кофе стало жарко. Кладу в карман кусочек бумаги и карандаш, вдруг придётся что-нибудь записать. Хотя на свежую голову пойду общаться, и то хорошо. Снова зовут. Пропуска так и нет, вместо него заходит мент со списком ожидающих звонка (набран крупным шрифтом, увидел в нём изда- лека своё имя) и забирает меня лично. Эскорт. Ах да, мы же в состоянии тревоги. К сожалению, ведёт он не одного меня.

Сначала идём налево в 16 хату, где я скучно и нудно дожидаясь его в коридоре. Выведенный оттуда инмэйт интереса для беседы не составляет. По дороге подбираем ещё несколько инмэйтов. Конец нашего пути завершается камерой ожидания в интейке.

Сначала нас было трое, потом шестеро, десятеро. И вот начали уводить по одному на видео-свидание с адвокатами. Эх, как я не догадался захватить с собой книжку. Некоторые догадались, сидят на скамейках с книгами и журналами. Вызывают меня, третьего по счёту. Вхожу в комнату видеосвязи. Полноватая темнокожая ментиха «в летах» (а таких здесь большинство) придирчиво разглядывает моё удостоверение личности, силясь прочитав загадочную фамилию. Кабинка намбэр уан. Адвокат выглядит воодушевлённым, как будто использование этой современной технологии само по себе вызывает у него непроизвольный и весьма бурный прилив эмоций. Готов биться об заклад – однозначно этим своим «передовым умением» он должен хвастаться в компании других адвокатов или даже друзей. Качество связи ужасное: на экране полосы, в динамиках противный свист. Полноценной беседы не получилось. Ключевой момент – он спрашивает у меня, хочу ли я идти на трайал. Предложение прокурора ещё в силе, это он подослал ко мне адвоката повторить его «замануху в никуда» («последнее китайское предупреждение», с моей точки зрения). Точно ли на мне нет никаких материальных улик, точно ли я уверен в том, что следует

идти на trial – судебное разбирательство. С уверенностью заявляю, что да, иду на суд. Связь скверная, слово через слово тонет в пiske и шуме. Адвокат говорит, что лучше нам обсудить эту тему тет-а-тет, встретимся на следующей неделе в MDC. Что же, теперь-то наглухо застряв в одном помещении, я совсем не против прокатиться. Мы кое как успели попрощаться и связь прервалась. Веб-камера автоматически отворачивается от меня к стенке, экран здорового пузатого телека тухнет. В кабинке загорается свет. С минуты жду дежурную ментиху, которая отправляет меня в интэйк. Успеваю занять там хорошее сидячее место, на котором можно опереться спиной о стену.

Хм, почему адвокат так интересуется тем, есть ли против меня улики или нет? нездоровый интерес, быть может. А может он просто хочет заранее подготовиться ко всем возможным ситуациям, даже самым плохим. Конечно же, ему гораздо проще, чтобы я просто принял вину на себя, и на этом его работа окончится. Но ему придётся поработать, ой как придётся... Время захода в интэйк 9:50 (подсмотрел на часах эскортирующего мента). Обед я застал в камере интэйка. Народу набралось много, сидячих мест на лавках на всех присутствующих не хватило. Один из нововошедших инмэйтов возмущался: «В здании объявлена тревога, а нас, обитателей различных дормиториев, так тесно разместили в одной клетке – небезопасно». Менты на это ничего не ответили.

Иногда мимо нас проходил отряд СВАТА в бронежилетах

и касках. Трое СВАТОВцев вели под узцы (с руками, сцепленными сзади с одноразовыми пластиковыми наручниками) одного уличённого в ходе обыска. Обыски продолжают. С интервалом в 15 – 20 минут проводят ещё одного, затем другого. Их размещают в дальней камере, нам их не видно. Интересно, нашу хату уже обыскивают или нет? Привели третьего, более интересного субъекта. СВАТОВец бросил на стол дежурной капитанши металлическую заточку. «Он обронил это в ходе обыска». «Нет, это не моё, он врёт» – уверенно заявляет приведённый. «Лайер» – говорит ему капитанша. Его уводят в отдельную камеру. «Вы не можете доказать, что это моё» – раздаётся вслед. И в этой сказанной фразе сквозит железная самоуверенность человека, привыкшего постоянно выкручиваться и воевать с системой.

Обед давно забыт, а мы всё сидим. На время обеда нас разбросали по двум клеткам, так как в одной, сидячих мест на всех для трапезы ну никак не хватало. Понемножку, не спеша начинается слухообмен. Общими усилиями выясняется окончательная версия драки: два латиноса подрезали друг друга на кухне. Несерьёзно, но повода так и не выяснили. К двум часам, когда все не только успели повидать своих адвокатов, но и заскучать, перечитав свои журналы, нас наконец-то, забрал мент. Шли мы налегке, без мента. В коридорах опять шумно, снуют инмэйты с пропусками. Тревога закончилась. Эх, сейчас придётся заново раскладывать свои вещи и наводить порядок. Как там моя ручка поживает? За-

хожу. На удивление шмона у нас не было, телефонные трубки висят, но сами телефоны ещё не включили. От утреннего подъёма и бесцельного сидения с переживаниями чувствую усталость. Ложусь немного подремать. Звонить домой и докладывать новости буду завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.